

Ю. ЛУБЧЕНКОВ В. РОМАНОВ

ЛЮБОВЬ И ВЛАСТЬ

Ю. ЛУБЧЕНКОВ В. РОМАНОВ

ЛЮБОВЬ И ВЛАСТЬ

ТОМ I

ВИЛЬНЮС
ПОЛИНА • 1991

83.3/0/9
Л—89

Редактор *А. Уткин*

Художник *А. Шахгелдян*

Лубченков Ю., Романов В.
Л-82 **Любовь и власть. Исторические миниатюры.**
Т. I.— В.: «Полина», 1991.

Книга повествует о судьбах женщин, живших в разные эпохи, об их борьбе за власть, за любовь, за любимых /и нелюбимых/ мужчин, благодаря чему пытались они достичь господства над империями, царствами, королевствами.

Л1305010000-018 Без объявл.
157/3/-91

ISBN 5-89942-209-2

Вместо предисловия

ТЫ БЕС ИЛЬ БОЖЕСТВО?

Издравле красота и власть околдовывали человека. Порой эти две стихии губили его, подчас преобразовали, нередко возвышали... Красоте и Власти подчинялись, с ними боролись, но победить их почти никому не удавалось. А что же происходило, когда эти две сокрушительные силы объединялись?

Красивая женщина и власть. Красота сама по себе уже подразумевала поклонение, подчинение. Что же происходило, когда красавицы становились властительницами народов, государств?

Мы попытались осмыслить лишь горизонтальный уровень данной проблемы, понять что же происходило с этими стихиями в разные времена человеческого развития, у разных народов, на разных ступенях цивилизации. Если сложить первые впечатления, то в разных явлениях очень много повторяющихся черт. Подчас как бы разыгрывался один и тот же сценарий, словно один и тот же рок преследовал наших героинь, одни и те же победы и поражения поджидали их на каждом шагу. Почти одни и те же... Ибо если приглядеться повнимательнее, то мы обнаружим, что несхожестей гораздо больше, нежели совпадений, явление власти и красоты, их соединение в одном лице — событие уникальнейшее в Истории. Не типическое.

Ты Бог иль Сатана? Ты Ангел иль Сирена?

Не все ль равно: лишь ты, царица Красота,

Освобождаешь мир от тягостного плена,

Шлешь благовония и звуки и цвета!

Шарль Бодлер из всех зол на земле все же выбирал красоту. Так относились к ней в XIX веке. Сейчас конец XX-го, и мы воздерживаемся от оценок, ибо каждый должен сам вынести свое суждение или же задуматься... Мы попытались лишь рассказать о том, что случилось, не всегда сохраняя бесстрастный тон повествователя, но и удерживая себя подчас от скоропалительных мнений, дабы дать выговориться самой Истории.

Эта книга — первая из трех, в которых ведется разговор о вечных вопросах и вечных проблемах: что есть красота? И что есть власть? Каковы соотношения между этими понятиями-стихиями? И что бывает, когда данные силы соединяются в едином лице — лице прекрасной правительницы. В ответе на сей вопрос вместились история почти всей нашей цивилизации — от времен пирамид и божественной Нефертити до недалекого прошлого, — являющего нам многочисленные примеры депотичных красавиц, непринужденно играющих судьбами государств и народов.

Наши героини — императрицы, правительницы, жены или фаворитки всемогущих монархов, которые благодаря любви, дару владеть сим великим искусством сами получали право на неограниченную власть. Нас интересовали не политические экзерсисы представительниц слабого пола, нам было интересно другое: что же происходило тогда с душой женщины, ее чувствами? Как менялась мораль, нравственность Прекрасной Дамы, обладающей властью? На что употреблялась эта власть и какие стороны женского характера брали верх?..

Именно это волновало авторов, взявшихся за столь нелегкую тему. Не претендуя на открытия в таких науках, как психология и сексология, мы попытались дать лишь краткий очерк женской души, соприкоснувшейся со столь разрушительной силой, каковой является власть, представить свой взгляд на те или иные женские черты характера.

Мы старались воздерживаться от резких оценок, описывая поступки наших героинь, и, если они все же неожиданно встретятся, мы просим заранее извинить нас. Теперь уже ничего не изменишь, и, возможно, бросая взгляд на свое прошлое из неземного бытия, многие из великих красавиц хотели бы что-то изменить, ибо женщинам в большей степени свойственно раскаяние, нежели мужчинам. Мы надеемся на это и с этой мыслью отправляемся в необычное путешествие по реке Времени. Прошлое совсем близко, оно обжигает, его дыхание чувствуется за нашими спинами. Попробуйте, оглянитесь и жаркий ветер пустыни сухим языком прикоснется к щеке...

НЕФЕРТИТИ

(конец XV — начало XIV века до н.э.)

И сегодня нас завораживает скульптурный лик древне-египетской царицы: словно летящая вперед головка на длинной стройной шее, прямой нежно очерченный нос и большие миндалевидные глаза, прикрытые тяжелыми веками, хранящими жар утомленной страсти, высоко изогнутые дуги бровей, волевой, но не тяжелый подбородок на широком худощавом лице. Умеренно смуглая шелковистая кожа, дурмящая изысканными запахами — толк в мазях и благовониях как никто на земле знали древние египтяне. Черные брови и ресницы, насурмленные, резко подчеркнутые, темные глаза, горящие таинственным блеском. Невысокого роста, гибкая как лань, и хрупкая, как сосуд, чьи тонкие руки с длинными пальчиками знали волшебную усладу прикосновений, Нефертити, однако, не была первой и единственной красавицей жаркой страны, прославленной прекрасными женщинами. Просто Нефертити оказалась первой среди равных, ибо титул и привилегии царицы дарили ей возможность царствовать в мире любви.

Не скупилась, впрочем, на лестные эпитеты Нефертити и подданные: «красавица прекрасная в диадеме с двумя перьями», «владычица радости, полная восхвалений», «сладостный голос во дворце», «та, слыша голос которой ликуют», «владычица приятности», «сладостная любовь»,

«той, чьим образом доволен владыка обеих земель», «омывающей (т. е. радующей) сердце царя в доме его, той, кося сказанным всем довольны», «восходит солнце, чтобы давать ей пожалование, умиротворяется (т. е. заходит), чтобы умножать любовь к ней». Мы привели лишь очень скромную часть восхвалений в честь царицы.

Законы того времени разрешали египетским царям иметь личный гарем, и уж, конечно, туда отбирали не дурнушек. Гарем пополнялся каждый год, старых жен отправляли на покой, находили им какое-нибудь дело во дворце, а любовные утехы царя разделяли совсем юные и почти неискушенные в ласках девочки. Они учились, как в школе, постигая искусство дарить владыке знойных земель мгновения сладкой страсти, подобные глотку родниковой воды в выжженной пустыне.

Удел же жен извечен — рожать наследников и пользоваться относительной властью в доме. Хозяйство, очаг, кухня — вот поле их ежедневной битвы. Изредка муж одаривал жен лаской и вниманием, но то были редкие часы и чем старше становилась царица, тем дольше ей приходилось дожидаться этих ласк. А египетские правители женились обычно на своих сестрах или родственницах, следуя закону, распространенному среди многих народов, его наследовали даже древние римляне уже в нашу эру.

Итак, со школьных лет нам памяты скульптурные портреты известной египетской царицы: красота вечна и никакой тлен не властен над ней (кстати, и по-древнеегипетски имя Нефертити означает буквально следующее: «красавица грядет»). Ее необычные черты завораживали, рождая поэмы и легенды. Однако, что мы знаем о настоящей Нефертити, ее жизни и судьбе? К сожалению, история не сохранила для нас даже точных дат ее рождения и смерти.

Во времена, о которых идет речь, Египет представлял собой могущественное и богатое государство. Обширны были его владения. Огромное количество рабов — только Аменхетеп II привел в Египет более ста тысяч азиатов после одной из своих карательных экспедиций — день и ночь неустанно трудились, возводя храмы и дворцы. Аменхетеп III, тесть Нефертити (1455—1419 годы до нашей эры) в столице Египта Фивах на западном берегу Нила построил огромный царский дворец, а чуть севернее — такой же огромный заупокойный храм, перед пилонами которого стояли две громаднейшие статуи фараона, так называемые

знаменитые «колоссы Мемнона». Рядом с храмом была сооружена целая аллея сфинксов, изваянных из розового асуанского гранита. Два из них читатель может увидеть сегодня на одной из ленинградских набережных.

Египет находился на вершине богатства и славы, когда родилась и выросла наша героиня.

В конце своей жизни Аменхетеп III тяжело заболел, и Египтом вместе с отцом начал управлять его сын Аменхетеп IV, муж Нефертити. Сейчас трудно сказать, что сформировало непомерное честолюбие и болезненное самолюбие четвертого из рода Аменхетепов: то ли ранняя власть, то ли могущество Египта, которые в состоянии поработить любую натуру, однако будущий правитель решил жить иначе, чем его прародители.

На протяжении тысячелетий весь Египет, поклоняясь разным богам, выделял из них главного — Амона-Ра — бога Солнца. Причем жрецы занимались не только культовыми обрядами, они играли ведущую роль в египетской политике. Однако постепенно в стране сложился и довольно крепкий класс служилых людей, группировавшихся вокруг царей, которые тоже начали претендовать на большую долю государственной власти. Это противостояние окончательно оформилось к тому времени, когда Аменхетеп IV занял престол. Естественно, каждая сторона старалась занять лидирующую позицию, и жрецы, видимо, оказались не в меру строптивыми, ни в чем не желая уступать соперникам. Так или иначе, но самолюбие Аменхетепа IV настолько было уязвимо, что он решил: отныне «главный» бог Египта не Амон (имя Аменхетеп означает: «Амон доволен»), а Атон — тоже бог Солнца, точнее — солнечного диска. Раз меняется «главный» бог, значит, необходимы и новые жрецы.

Историки впоследствии назвали это «религиозной реформой» Аменхетепа IV. Впрочем, уже не Аменхетепа, а Эхнатона, — «угодного Атону», таково новое имя, избранное для себя владыкой Египта.

Уж если менять, то менять решительно все — видимо, так рассудил Эхнатон. Он повелевает разрушить изваяния Амона и построить новые — Атона, переносит столицу Египта из Фив на новое место, на 300 километров севернее и называет ее Ахет-Атон («горизонт Атона»), возводит там новые дворцы, новые храмы, венчая их скульптурными колоссами Атона-Ра, «атонирует» имена своих близких и главных сановников.

Семнадцать лет тихо и спокойно, несмотря на столь значительную ломку, Эхнатон единолично правил Египтом, и никто на него не пошел войной за то, что он начал поклоняться другому богу. Быть может, потому, что Эхнатон в свою очередь не очень притеснял тех, кто по-прежнему веровал в Амона. Ведь в Фивах, хоть и втихомолку, поклонялись, как и раньше, Амону, когда в новой столице во всеуслышание славили Атона.

Вот такого человека уготовила судьба в супруги Нефертити.

Сейчас трудно разгадать, чем приворожила своего мужа Нефертити, заставив его полюбить себя столь страстно и сильно, что народ египетский был потрясен этим не меньше — если не больше, — чем переменой официальной религии. Почему?

Нефертити происходила из знатного рода и являлась близкой родственницей Тэе, кормилицы своего мужа. Ранг кормилицы в египетской иерархии был довольно высок, и супруг Тэе, к примеру, числился первым вельможей Эхнатона, начальником колесничего войска, а после смерти Эхнатона даже занимал короткое время пост правителя Египта. Однако в Египте почитался за идеал брак с сестрой и его старались придерживаться довольно строго. Правда, традицию эту нарушил еще отец Эхнатона Аменхетеп III, взяв в жены дочь заведующего скотом одного из провинциальных храмов. Фиванские жрецы уже тогда весьма неодобрительно отнеслись к выбору венценосца, что, возможно, и послужило впоследствии одной из причин раздора между жречеством и Аменхетепом IV.

Не только изумительную красавицу взял в жены Эхнатон. Все поступки Нефертити свидетельствуют о том, что она умела хорошо разбираться в человеческом характере, обладала умом, тактом, выдержкой и огромной волей. Подчинить себе мужчину — уже немалая победа, и не каждая женщина способна на такое, но покорить всесильного самодержца — дело вдвойне хлопотное. Царь же настолько привязался к жене, что не отпускал ее ни на шаг. Она словно загипнотизировала своего повелителя, доверявшего ей во всех поступках. Гарем он просто-напросто забыл. Только Нефертити осталась для Эхнатона желанной и единственной.

Постепенно Нефертити стала главным советником мужа практически по всем вопросам. Дипломатические подсказки и решения супруги столь восхищали Эхнатона, что он

не уставал восхвалять ее мудрость. Подчас его преклонение перед ней переходило все пределы. Так, вознося клятвы Атону при основании новой столицы, Эхнатон клянется Верховному Божеству не только своим Богом-отцом, но и своей любовью к жене и детям. Такого сочетания имен никогда ранее не допускал официальный этикет.

Еще большее удивление вызвало другое нововведение египетского царя. Теперь, выезжая проверять заставы вокруг города, Эхнатон брал с собой Нефертити, и караул отчитывался о своей службе не только владыке и главнокомандующему армией, но и его жене.

При награждении сановников подарками и отличиями также стала присутствовать Нефертити и сама благодарить подчиненных за хорошую службу. Поначалу это воспринималось даже как оскорбление, кое-кто попробовал возразить царю — женщина, пусть и царица Египта, не должна выступать от имени государя, — но Эхнатон решительно пресек возражения, и вельможам пришлось смириться. Больше того, они, признав новое положение царицы, не раз нижайше просили Нефертити замолвить нужное словечко перед царем за того или иного придворного, пригасить его гнев, помочь избежать сурового наказания. Словно по команде посыпались дорогие подношения царице, каждый хотел ей угодить, зная сколь велико ее влияние на царя.

И здесь стоит отдать дань уважения мудрости Нефертити: она хлопотала лишь за тех, кто действительно мог в дальнейшем принести пользу на том или ином посту, обладал отвагой или незаурядным умом. Недаром, как бы оправдывая свои просьбы, Нефертити всегда приводила в пример тех, за кого просила, ибо они всегда оправдывали доверие государя. Безусловно, не обходилось без сплетен и интриг. Недовольные всяческими путями пытались опорочить действия царицы, возбуждали негодование в народе против любых усилий Эхнатона возвеличить ее авторитет и популярность. Однако все коварные потуги не давали результатов, напротив — каждый день приносил новые доказательства небывалой любви царя к жене.

По приказу Эхнатона в новой столице рядом с его скульптурами появились изваяния Нефертити. Такие же огромные и величественные. Еще никогда в истории Египта женщина не удостоивалась столь великой чести — ее изображения находились в самых разных местах вместе со статуями бога Атона и царя Эхнатона. Последний даже

одобрил парные скульптуры, где он и Нефертити соседствовали рядом. Эхнатон искусственно в противовес традициям насаждал культ царицы, подобно тому, как взамен одного бога он распространил культ другого.

Стоя в храме Атона и воздавая хвалы новому божеству, Эхнатон то и дело бросал взор в сторону хрупкой и невысокой царицы, чье смуглое тело явственно проступало под тонким прозрачным шелком, являя собой немислимое совершенство. Все видели, что царь не может оторвать восхищенных глаз от Нефертити даже здесь, в священном храме. Ясно, что царица околдовала его, опоиала, ибо мыслимо ли так поддавать под влияние женщины, существа, как известно, извечно греховного, чьим преимуществом является лишь способность снимать мужскую усталость и давать наслаждение. Неужели гарем царя так мал, что он не в силах побороть чары лишь одной из его обитательниц?.. Наверное, так рассуждал простой египтянин, не понимая причин столь горячей страсти.

За всю историю Египта не наблюдалось ничего подобного. Все египетские фараоны вели привычный, освященный веками образ жизни: они любили воевать, покорять новые народы и захватывать новые богатства и земли, любили творить собственный культ, причисляя себя к сыновьям великих богов, любили разнообразные наслаждения. В их немалом числе женщина, конечно, играла далеко не последнюю роль. Но для того и существовали пополнявшиеся десятилетиями огромные гаремы, в которых фараон проводил краткие часы отдохновения. Жены же для царя всегда выбирались лишь с одной целью — производить на свет наследников и следить за их воспитанием. Если супруга оказывалась не способной к деторождению, ее заменяли другой. Правда, главная жена руководила и гаремом, сама выбирая для них юных девочек. Они должны были уметь танцевать, петь, владеть музыкальными инструментами, знать тонкости массажа, назначение мазей и кремов, наконец, услаждать взоры окружающих одним своим видом. Таким образом, не одни лишь прекрасные черты служили пропуском в державные чертоги, туда попадали лишь самые способные и талантливые красавицы со всего света.

Конечно, отбирая для царя лучших девочек, сексуальная жизнь которых на Востоке начиналась с шести лет, главная жена прежде всего руководствовалась их происхождением. Низкороджденные оказывались в гареме фараона крайне редко, как правило, там находились принцессы

и царевны. К шести годам они уже умели петь и танцевать, в гареме же их обучали тайнствам любви, массажа, а также ремеслам, ибо нечего слоняться из угла в угол в свободное время. Царские наложницы вышивали, ткали, создавая подчас удивительные ковры и одежды. За их поведением строго следили евнухи. Но подчас какой-то из гаремных служительниц удавалось завладеть сердцем царя, тут и случалось неожиданное — она одерживала верх над главной женой и сама становилась на ее место, та же управлялась в общую опочивальню.

Все эти правила Эхнатон постиг на примере жизни своего отца, остававшегося великим сластолюбцем, несмотря на любовь к своей низкородной жене Тэйс. Так, в одном из посланий Аменхетеп III с восторгом отзывается о ласках одной из гаремных жен, митаннийской принцессы Тадухене, которая помимо приданого привела в дом мужа 317 служанок. Велик ли был гарем фараонов? Думается, они старались не уступать другим владыкам. Как известно, царь Соломон имел по преданию до тысячи жен и среди них египетскую царевну, ласки которой он принимал исключительно из «политических соображений».

Нефертити, также зная образ жизни царей, прекрасно понимала, что если она не завоюет страстную любовь своего мужа, ей суждена участь рядовой гаремной наложницы. Робкой девочкой она впервые вошла в царские покои и буквально через несколько месяцев преобразилась вдруг в именитую царицу, соправительницу Египта. Ошеломляющий прорыв в нарушение всех древних традиций!

Что же случилось в царском дворце? Почему придворный поэт под страхом сурового наказания не смел забыть об упоминании имени царицы в праздничном торжественном гимне или оде? Неужели Нефертити помрачила рассудок Эхнатона? Ведь он не мог и часа выдержать в разлуке с нею, постоянно искал способ, дабы одарить ее новой привилегией, каждый раз подчеркивая перед египтянами сколь велика его любовь к жене.

Мы уже говорили, что искать причину неожиданного возвышения Нефертити только в ее красоте ошибочно. Египтянки вообще славились, как самые красивые женщины в мире. Стоит здесь привести высказывания царя Кадашман-Эллиля (XIV век до нашей эры). Посватавшись к дочери Аменхетепа III (сестре Эхнатона) и получив отказ, раздосадованный, он писал фараону: «Почему ты так со мной поступаешь? В Египте есть достаточно прекрасных

дочерей. Найди мне красавицу по твоему вкусу. Здесь (в Вавилонии — *Авт.*) никто не заметит, что она не царской крови».

Красота египтянок во многом проистекала от их давнего умения пользоваться всем тем, что мы сегодня называем «косметикой». О том, сколько искусны были они в этом, свидетельствует один из древнеегипетских косметических рецептов, начинающийся словами: «Превратить старуху в молодую». В найденных захоронениях до сих пор находят горшочки с пудрой, мазями, притираниями, грифельными для глаз, ручными зеркальцами, благовониями и другими важными смесями, использовавшимися тысячи лет тому назад женщинами Египта. Уверены, что современными фармацевтами и косметологами не раскрыты еще многие секреты, благодаря которым египтянки умели продлевать свою красоту, а значит и юность. Кроме того, определенные составы кремов предназначались специально для возбуждения мужских желаний, и египтянки несомненно хорошо разбирались в тонкостях такого рода.

Безусловно, речь идет о женщинах, принадлежавших к царским и сановным родам. Нам думается, что Нефертити обладала высшими тайнами косметологического искусства, ибо владела целым штатом прислуги, занимавшейся составлением подобных кремов. Нужно было найти тот особый вид благовония, на который бы так охотно откликнулся мужчина, который бы заставлял его погружаться в томительный сад наслаждений, стремиться к нему, искать в нем сладостную негу отдыха и душевного приюта. Вот почему, полагаем, царице удалось завладеть сердцем супруга на столь длительный срок.

На наш взгляд, это был своего рода продолжительный гипнотический сеанс. Лишь к Нефертити рвалась душа Эхнатона, лишь она умела мгновенно снимать боль и напряжение его тела, заставляла забыть страхи и волнения, с восторгом повиноваться ее эротической власти. Подобного не происходило у Эхнатона ни с одной из женщин гарема, и он постепенно перестал посещать его. Только одна женщина могла восполнять его душевные силы, приносить сладкий нектар бытия, поэтому он и не хотел никого знать, кроме Нефертити.

Данное предположение подтверждается и несколько непривычным для египетских властелинов психическим обликом Эхнатона. Мы уже говорили, сколь важным для себя делом фараоны считали войны и сражения. Но уже

Аменхетеп III, отец Эхнатона, не совершил ни одного боевого похода, просидев всю жизнь в Фивах. Сластолюбец, он, тем не менее, искренне привязался только к одной жене. Обожая пышность и праздность, посвятил всего себя радостям бытия, отнюдь не помышляя о политических переменах. Эхнатон также не участвовал ни в одной ратной кампании. Рожденный от не-воина, он не умел драться, не обладал мужеством борца, и когда надлежало дать сражение фиванским жрецам, претендовавшим на свою долю власти, попросту сбежал из Фив, основав другую столицу и выбрав для себя другого бога.

Тщеславный, с глубоко уязвленным большим самолюбием, без крепкой внутренней душевной силы, он, быстро подпал бы под чужие влияния, и Нефертити не могла этого не понять и не сделать соответствующих выводов. Она быстро подчинила себе супруга: Эхнатон слушал только ее, внимал только ей. Фактически она стала неофициальной правительницей Египта, тонко и внешне незаметно воздействуя на слабую психику мужа.

Вероятно, власть Нефертити над Эхнатоном никогда бы не поколебалась, если бы судьба подарила ей сына. Через полтора года после свадьбы она родила царю первую дочь, затем еще пять раз пыталась перебороть коварный рок, но каждая попытка кончалась неудачей. Шесть дочерей принесла своему мужу царица. Даже современный мужчина узрел бы в этом злокозны фортуны, а для фараона, жаждущего наследника, это было огромным несчастьем. Немало молитв и гимнов пропели в храмах богу Атону, немало совершили жертвоприношений, и каждая беременность Нефертити являла новую надежду на благоприятный знак судьбы, и каждая новорожденная дочь повергала Эхнатона в печальные раздумья. Нефертити успокаивала его. Раз Атон не иссушает ее чрево, раз он разрешает ей плодonoсить, то рано или поздно, он подарит им и сына. Надо только ждать, верить и надеяться, надо громче просить о милости Атона, благодарить за его щедрость и теплый свет.

День в новой столице начинался с торжественных церемоний в большом храме Атона, с гимнов божеству, который вместе с царицей и царем исполняли и подрастающие дочери. Необычны эти гимны. Нам хочется привести небольшой отрывок из текста одного из них, чтобы читатель понял мироощущение древнего египтянина, его духовный облик.

«Прекрасен твой восход на горизонте, о живой Атон,

зачинатель жизни! Встают люди, омывают тело, воздевают руки, радуясь рождению нового дня. Зеленеют деревья и травы, пасутся стада, взлетают над болотами птицы, поднимая крылья в знак поклонения тебе! Всплескивает рыба в воде, и корабли плывут вверх и вниз по реке. Твои лучи объемлют все страны, которые ты сотворил. Ты даешь дыхание, чтобы оживить творенья твои, утешать ребенка, чтобы он не плакал, помогаешь птенцу разбить скорлупку и выйти на свет. Ты даешь жизнь и отдаленным странам, оплодотворяя дождем их земли. Как многочисленны и прекрасны творенья твои — люди, животные, цветы, травы, все, что есть на земле, в воде и в воздухе!»

Поистине настоящую поэму природе, Солнцу, всему живому декламировали древние египтяне в своих храмах, прибавляя к общему тексту и свои просьбы. У Нефертити она оставалась неизменной. И с каждой неудачей еще более нежной, страстной она была с мужем наедине, чтобы удержать его.

В древности египетская женщина рожала, присев на двух кирпичках. Акушерки придерживали ее за спину. В Египте считалось, что родильные кирпичи помогут облегчить роды и принести счастье. На каждом из них высекалась голова богини Мешенит, которая помогала появиться на свет младенцу. Уже позднее появился родильный стул, отдаленно чем-то походивший на то давнее приспособление.

Всякий раз опускаясь на него, Нефертити молила Атона даровать ее мужу наследника... Увы, напрасно. А если бы нет?..

...За столетие до Нефертити царица Хатшепсут управляла после смерти мужа Тутмоса I Египтом и, судя по скудным сведениям, весьма успешно. Недаром Тутмос III, придя к власти, велел уничтожить все письменные упоминания о великой царице, все ее изваяния и хотел записать годы правления Хатшепсут в свой актив. Кто знает, быть может, родись у Нефертити сын, ей удалось бы повторить судьбу предшественницы?..

Нельзя также не отметить, что в поступке Тутмоса III проглядывает и традиционное в древнем Египте отношение мужчины к женщине, как к существу второго сорта. Что, кстати, раздражало и знать Эхнатона, когда тот превозносил свою прекрасную супругу.

Все, видимо, стянулось в один узел — и отсутствие наследника, и недовольство знати столь неожиданным и

опасным возвышением жены фараона (срок жизни в древние времена был короток и длился приблизительно 28-30 лет, так что смерть могла унести Эхнатона в любой миг), и тягостные настроения царицы, ощущавшей, как с каждым годом нарастает в душе мужа опасный холодок равнодушия к ней. Да, Эхнатон постепенно выходил из-под ее влияния, и, наконец, наступило время, когда отношения между царственными супругами разладились полностью. Но Эхнатон, невротик по натуре, не любил долго оставаться один. Место Нефертити заняла самая красивая из наложниц фараона — Киа.

Новая связь развивалась быстро: не прошло и месяца, как в постель царя уложили эту кошечку, хрупкостью и ликом своим походившую на Нефертити, как Эхнатон объявил всем, что признает ее побочной женой.

Копия всегда хуже оригинала. Если внешнее сходство между Киа и Нефертити отмечалось всеми, то внутреннее не подтвердил никто. Новая избранница фараона явно не обладала ни той нежной утонченностью, ни торжественной невозмутимостью, ни блеском ума, ни глубокой чувственностью, — то есть всем тем, чем Нефертити покоряла тело и душу Эхнатона. Он, не исключено, вернулся бы к прежней возлюбленной, если б не ее характер, ее гордыня, усмирить которую в состоянии лишь время.

Нефертити, конечно же, тяжело переживала потрясение разрыва, хоть и знала, что он неизбежен и готовила себя к нему. Но разве можно к такому подготовиться заранее, тем более, что любовь Эхнатона, казалось ей совсем недавно, не иссякнет никогда?

Внешне это потрясение выразилось лишь в замкнутости, в уходе в себя. Она по-прежнему приветлива с мужем, радуется его появлению, его встречам с дочерьми. Она даже принимает его ласки и готова удовлетворить любое его желание. Все вроде бы по-прежнему. И все не так — сухо, холодно, отстраненно. Неудивительно, что Эхнатон, искавший в жене прежнюю магическую, завораживающую страсть, бурю ласк и чувственных движений, заставлявших когда-то вздрагивать каждый нерв его тела, ощущал холодность, формальность супружеской встречи и снова уходил к Киа. А та быстро постигала свои просчеты и очень старалась их исправить, дать фараону то, чего он жаждал. Надобно сказать, что она была талантливой ученицей на поприще любовной науки, сумевшей вознаградить Эхнатона за его выбор, и он не остался глух к такому рвению.

Вскоре Киа уже именуется во дворце Эхнатона, как «жена-любимица большая царица и государя». По «табелю о рангах» той эпохи — это первая жена гарема, неподвластная теперь начальственному диктату Нефертити, все еще носившей титул главной жены фараона и стоявшей как бы на ступень выше Киа. Однако многие царедворцы уже злобно потирали руки: скоро скоро ненавистная царица лишится и последнего символа былой власти. Рассчитывала окончательно убрать соперницу и Киа, постепенно приближая к рукам фараона и надеясь через него диктовать все свою волю, как это делала раньше Нефертити. Дал же ей Эхнатон титул фараона-соправителя, что же мешает сделать ее своей главной женой? Но то ли Эхнатон просто жалел горячо любимую недавно супругу, то ли воспоминания о прошлом были сильнее чувственных атак Киа, тем не менее титул остался за Нефертити, пусть и номинально.

А Киа уже праздновала полную победу. Она и впрямь потеряла голову от счастья, заставляя слуг во дворце выполнять любые свои прихоти, ни на шаг не отпуская их от себя, услаждая свой слух пением и толкуя со своими наперсницами о новых нарядах.

На половине опальной царицы было тихо. Эхнатон изредка заходил повидать дочерей, все чаще посматривая на Анхесенамон, третью свою дочь от Нефертити. Девочка, подобно утренней розе, была на диво хороша собой. Старшую дочь уже выдали замуж за Сменхкара, которого негласно прочили в наследники (чему не противился и Эхнатон). Выдали замуж и вторую дочь, сватались к третьей, но фараон не спешил с новой свадьбой, отвергая всех претендентов.

Киа уже раздражала его своей болтовней. Усвоив высокопарный стиль гимнов, заставляя придворных поэтов писать для нее любовные тексты, она выучивала их наизусть и старательно нашептывала каждый вечер Эхнатону, подражая томностью в голосе храмовым певуньям. Однажды Эхнатон оборвал ее и покинул супружеское ложе, повелев возвратить Киа обратно в гарем. Неистовая и возомнившая бог знает что о себе, фараон-соправительница вначале страстно пыталась призывать своего супруга вернуться. Только после того, как евнух сурово наказал ее плетью, она успокоилась, поняв, что царским милостям пришел конец.

Тут настала краткая пора надежд для Нефертити. Ей показалось, что Эхнатон готов вновь возлечь не ее охладевшее ложе. Она попыталась воссоздать былую свою кра-

соту. Встрепенулась, ожила душа, которой почудился полузабытый зов. Не зря же она так усердно молилась Атому, призывая помочь в своих несчастьях. И вот они, кажется, кончились...

Эхнатон с торжественным видом пришел в ее покои, дав знак слугам оставить их одних. Сладко защемило сердце у Нефертити, но она ничем не выдала себя, лишь приветливая улыбка тронула ее губы, осветило лицо...

Эхнатон молчал, не зная как начать. Когда же он заговорил, новая весть оказалась больнее, нежели прежнее возвышение Киа. Фараон объявил о том, что он избрал себе в жены свою третью дочь — Анхесенамон и просит Нефертити подготовить ее к столь серьезному шагу, обучить тому искусству, которое знает она. Девочке уже восемь лет, она давно созрела для брачного ложа. Сам бог Атон указал ему его новую избранницу.

Нефертити не стала отговаривать мужа. Она уже не раз замечала, как смотрит Эхнатон на дочь, и теперь поняла: мысленно он уже давно утвердился в своем выборе. Еще через несколько дней юную Анхесенамон, закутанную в покрывало ввели в покои Эхнатона. Две ловкие наложницы из гарема должны были помочь девочке стать женщиной, приготовить ее к ночи любви...

О чем думала, что вспоминала тогда Нефертити, пытаюсь согреться в холодной постели и слыша страстные крики и стоны дочери?.. Как она, такая же юная, под покрывалом вошла к Эхнату?.. Он был тогда еще молод и полон сил, страстен и пылок, и они до утра не смыкали глаз... Теперь же, как это ни горько, век любви ее закончился, в том уже нет сомнений. Жизнь еще бурлила в ее молодом теле и при других обстоятельствах она могла начать все заново. Но она главная жена Эхнатона и обязана делать все, что он прикажет...

Наутро Анхесенамон, захлебываясь, рассказывала подробности первой ночи, задавала вопросы, просила советов, и Нефертити подробно и терпеливо ей все объясняла. Еще через неделю жизнь во дворце вошла в привычную колею.

Через три года Анхесенамон овдовела. Ей шел одиннадцатый год. Трон унаследовал Сменхкар, муж старшей дочери Эхнатона, а Нефертити выдала Анхесенамон за юного Тутанхатона. Вскоре умер Сменхкар, и престол занял Тутанхатон, сменивший свое имя на Тутанхамона.

Страна понемногу забывала бога Атона, снова поклоняясь Амону-Ра. Столицей вновь стали Фивы, туда переехал

и двор, зная, за ними потянулся простой ремесленный люд. Только Нефертити оставалась в Ахетатоне, который строился на ее глазах. Здесь еще стояли гигантские, метра четыре высотой, ее скульптурные изваяния, высились величавые, но брошенные дворцы и храмы.

Здесь Нефертити и умерла. Ее торжественно похоронили, как она и просила, в гробнице рядом с Эхнатоном. После похорон уехали из Ахетатона младшие ее дочери и прислуга, ухаживавшая за ней. Город опустел окончательно. Пески и пыльные бури постепенно занесли его, и он канул в вечность, погребая под барханами красивейшую женщину, царствовавшую некогда в Египте.

АСПАСИЯ

(V век до нашей эры)

«Аспасия из Милета» — так названа в «Словаре Античности», вышедшем в 1889 году, одна из удивительнейших женщин Древней Греции, пожалуй, известная ныне всему миру.

«Аспасия» в переводе с греческого означает «любимая». Существует скульптурный портрет, который искусствоведы относят к Аспасии. Он передает нам лицо, одухотворенное красотой, таящее скрытую грусть и некую неразгаданную тайну. Ибо никто не знает ни даты рождения, ни даты смерти Аспасии. «Словарь Античности» приводит лишь одну дату — 432 год, когда Аспасия была привлечена к суду по обвинению в безнравственности и непочитании богов. Только благодаря защите одного из выдающихся вождей Афин — Перикла, ее мужа, Аспасии удалось избежать судебной расправы. Итак, кто же она, Аспасия из Милета, к чему стремилась и чего достигла, почему и поныне нас продолжает волновать ее имя и ее судьба?

«Три вещи можно считать счастьем, — утверждает Сократ, — что ты не дикое животное, что ты грек, а не варвар, и что ты мужчина, а не женщина». И еще одна реплика Сократа, касающаяся уже собственной жены: «Лучше чаша с ядом, чем Ксантиппа».

Только не надо думать, что Сократ оригинален в своих

язвительных речениях. Еще иудейский царь Соломон высказывался примерно в том же духе: «Горше смерти женщина». Выслушаем и Аристотеля: «Женщина является женщиной в силу отсутствия мужских свойств. Мы должны видеть в женщине существо, страдающее природной неполноценностью». И уж предельно саркастичен древнегреческий комедиограф Менадр: «Среди странных животных, населяющих сушу и море, поистине ужаснейшее животное — женщина».

Так относились великие мужчины древности к женщине вообще. Не очень-то уважительно, как видим.

Жила Аспасия в V веке до нашей эры, в Древней Греции. Обычно это время называют «золотым веком» и еще «веком Перикла». Греция представляла тогда конгломерат городов-государств (полисов), которые то дружили друг с другом, то враждовали, и крупнейший государственный муж Эллады — Перикл много сделал для процветания своей родины — Афин.

Итак, Перикл был афинянином, Аспасия родилась в Милете.

Афины в ту пору — крупнейший и богатейший город в Греции, общепризнанный лидер во всех областях жизни, включая интеллектуальную. Милет, чья мощь и богатство зиждились на прошлых военных удачах, также был одним из процветавших полисов, хотя во многом и уступал Афинам. Из Милета вышли такие философы, как Фалес, Анаксимандр, Анаксимен. Он славился своими куртизанками, молва о которых шла по всей Элладе. Именно из Милета племя романтических куртизанок или, как их звали в Греции, — гетер — распространилось по всему Средиземноморью и проникло даже в Египет.

«Гетера» в переводе с греческого — «спутница». К гетерам принадлежали женщины разных социальных слоев. Они вели свободный, независимый образ жизни, были образованы, хорошо знали музыку, сами владели инструментом, разбирались в литературе, могли даже поспорить на философскую тему. Причисляли к гетерам и Аспасию, но о ней мы поговорим чуть позже.

Лукиан в своей книге «Разговоры гетер» приводит суждение о них простой афинянки, которая уговаривает дочь заняться этим славным ремеслом: «Она (гетера — Авт.) одевается всегда изящно, со всеми весела и мила, не хихикает по чем зря, держится разумно, и всегда на устах ее приятная, сладостная улыбка. С мужчинами она ведет себя

умно, читает по глазам всякое их желание и никого не разочаровывает. Никогда она не напивается в обществе, лишь пригубит бокал, еду берет маленькими кусочками, не говорит больше, чем нужно, смотрит лишь на того, кто ее пригласил». Наконец, в той же книге сам Лукиан признается: «Гетеры лучше порядочных женщин... Тут все честно, по крайней мере знаешь, за что платишь деньги...»

Не надо путать гетер с проститутками, которых также было немало уже в то время. Кроме них ублажали сильный пол храмовые блудницы, так называемые — «неродулы». В Вавилоне, где эта «профессия» являлась весьма распространенной, имелись даже школы при храмах, где будущих иеродул учили пению, танцам, игре на струнных инструментах. Они познавали культовые ритуальные обычаи и, наконец, искусство любви. Причем постигали названные премудрости девочки из богатых семей. Потом они имели право выходить замуж и получать статус законных жен. Им запрещалось лишь рожать детей. Но и здесь находился выход из положения: к мужу приводили служанку или брали ребенка на усыновление. Существовали иеродулы и в Древней Греции.

Гетеры занимали как бы промежуточное положение между иеродулами и проститутками. Они хоть и жили за счет тех, кого услаждали своей любовью и вниманием, но зато были свободны в своем выборе и лишены всякой религиозной храмовой принужденности. Как правило, они имели собственные дома и — нередко — приличное состояние. Как восклицал оратор Демосфен: «Гетеры каждому нужны для радости». И разъясняя существо слова гетера — «спутница», прибавлял: «спутница радости».

История сохранила имена многих гетер — «спутниц» известных греков. Так, Лаиса из Коринфа была возлюбленной Диогена и сама считалась интересным философом, Диотима пользовалась благосклонностью Сократа и Платона, последний прославил ее в своем «Пире». Фрина позировала Праксителю для его Афродиты Книдской, и многие, кто знал Фрину, говорили, что ее облик передал скульптор в статуе богини. Был даже устроен процесс, на котором Фрину попытались обвинить в кощунстве. Гиперид, защищавший ее, в кульминационный момент судебного заседания, когда нападки обвинителей ужесточились, в порыве благородной страсти обнажил грудь своей подзащитной и крикнул судьям: «Вот, смотрите!», как бы доказывая божественность сего творения. Судьи, ослепленные красотой

Фрины, оправдали ее. Эпикур вплоть до кончины гетеры Леонтины хранил ей верность, утверждая, что именно она помогла его философским теориям. А когда Леонтина умерла, Эпикур сказал о ней: «Она живет со мной и во мне». Менандр давно бы бросил писать комедии, если б не поддержка Гликеры, которая в минуты гнева и отчаяния драматурга являлась его спасительницей.

Подобных примеров можно привести много. Жена никогда не была для древних греков источником радости и наслаждений. Она, согласно давним и нерушимым традициям, занималась хозяйством, рожала, воспитывала детей и никогда не вмешивалась в дела мужа. Обычно, кроме супруга и близких родственников, никто не смел переступить порог женской половины в доме. Когда муж кого-нибудь принимал, устраивал пир, жена уходила к себе. На подобных пиршествах дозволялось быть лишь гетерам. Тот же Демосфен, обвиняя как-то на суде женщину в легкомысленном поведении, упомянул, что «она ужинала и пила вместе со Стефаносом (т. е. ее мужем! — *Лвт.*) и его друзьями, как настоящая куртизанка».

Да, языческий постулат — «жена — священное животное и только» — отлично воспринимался свободным сознанием греков, исповедовавших различные философские школы и теории. И вот, чтобы насытиться пряной, подлинно великолепной эротикой, провести вечер в окружении прекрасных дев, необходимо было завести целый институт «спутниц» и строго следить, чтобы жены и гетеры существовали обособленно. В результате из законных супругов изгонялись такие качества, как чувственность и раскованность, а гетеры лишались права на семейный очаг, рождение детей и непосредственную заботу о своих возлюбленных...

Позволим здесь себе маленькое отступление. Если быть до конца откровенным, надо признаться, что не так уже легко и современным женщинам быть верными женами, хозяйственными, заботливыми, прекрасными матерями и в то же время сохранять в себе шарм и раскованность, постоянный заряд веселья. Возможно, древние греки поступали мудро, разделяя права жен и гетер. Так во всяком случае кажется авторам...

Безусловно, не все гетеры являли собой тот идеал, о котором уже говорилось, не все из них были добрыми подругами мужчинам, хватало и жадных, и ограниченных, и грубых натур. Далско не каждой удавалось овладеть и

умом, и душой, и телом мужчины. Но именно такие женщины сразу же приобретали славу не только в родном городе.

Одной из них и была Аспасия. Первые шаги в карьере гетеры она сделала в Милете, где ее сразу же начали сравнивать с Таргелией. Последняя обладала редкой красотой и одаривала любовью самых высокопоставленных эллинов, закончив свой жизненный путь женой тирана в Фессалии. Аспасия, как и Таргелия, не имела богатства, но была красива, умна, образованна, и вскоре о ней заговорили не только в родном городе.

Здесь Аспасия ненадолго задержалась, решив, что достойных претендентов на ее любовь более нет. Она переехала в Мегары, задумав потрясти кошельки местных толстосумов, что и было незамедлительно сделано. Однако вскоре они несколько поистожились, да и блеск золота утомил юную женщину. Аспасия стремилась найти в ком-нибудь из покровителей искреннее высокое чувство к себе. К сожалению, безрезультатно. Тогда она перебирается в Афины, неофициальную столицу Эллады.

Денег к тому времени у нашей героини (а ей не исполнилось еще и 25 лет) уже вполне достаточно для безбедной жизни вплоть до глубокой старости, и Аспасия несколько изменяет свою профессию — становится содержательницей публичного дома, причем весьма своеобразного. Его обитательницы подбираются хозяйкой, имеющей большой собственный опыт в интимных делах, не только для удовлетворения изысканного вкуса самого взыскательного сластолюбца. Гетеры подыскивались отнюдь не из числа неграмотных простушек. Аспасия брала тех, кто сумел получить немалый запас знаний, обладал философским складом ума и характер. Ведь они должны были уметь вести так называемые «сократовские беседы». Кое-кто даже полушутливо называли их «методом Аспасии», ибо она с успехом ввела у себя в заведении подобный ритуал общения.

До нас дошли образцы диалогов Аспасии с ее друзьями, когда благодаря точно поставленным вопросам собеседник сам приходил к необходимым выводам. Вот, например, разговор гетеры-философа с историком Ксенофонтом и его женой.

— Скажи мне, жена Ксенофонта, — начала Аспасия, — если твоя соседка имеет лучшее золото, чем ты, которое бы ты желала иметь: ее или свое?

— Ее.

— А если она владеет платьем и другими женскими украшениями большей ценности, чем твои, желала бы ты иметь ее ценности или свои?

— Конечно, ее.

— Ну а если она имеет лучшего мужа, чем ты, желала бы ты иметь своего мужа или ее?

Женщина покраснела, а Аспасия обратилась уже к самому Ксенофонт, слегка обеспокоенному щекотливой направленностью избранной темы:

— Скажи, пожалуйста, если у твоего соседа имеется лучшая лошадь, чем у тебя, которую лошадь ты желал бы иметь?

— Его.

— А если бы его участок земли был лучше твоего, который из двух участков ты желал бы лучше иметь?

— Конечно, лучший! — без колебаний ответил Ксенофонт.

— А если он имеет жену лучше твоей, которая из обеих была бы для тебя приятнее?

Теперь смешался Ксенофонт. Насмешливо оглядев супругов, Аспасия, помолчав проговорила:

— Так как каждый из вас не ответил мне именно только на то, на что, собственно, я желала ответа, то скажу вам, что вы думаете оба: ты, жена, желаешь наилучшего мужа, а ты, Ксенофонт, желаешь обладать избраннейшей из женщин. Следовательно, если вы не можете придти к заключению, что на свете нет наилучшего мужа и избраннейшей жены, то, однако, вы, наверное, признаете предпочтительнее себе быть супругом возможно лучшей женщины, а ей принадлежать возможно лучшему супругу...

Пусть благодаря изрядной доли софистики, но гетера довольно умело загнала чету в тупик.

Дом Аспасии становится одним из самых желанных для всех мужчин города. Афины для любовных утех были вообще идеальным местом. Здесь проживало много богатых граждан, искавших именно таких приключений и удовольствий. Кроме того, сюда приезжало множество состоятельных греков из соседних полисов, иностранцев, которые, наслышавшись о греческих красавицах-гетерах, мечтали познакомиться с ними поближе и готовы были не скупиться на какие угодно деньги и подарки. Поэтому гетер в городе уважали. Особенно если они исправно платили налоги: метайхион — для иностранок, т. е. переселившихся в Афины из других стран и полисов (ремеслом гетер в основном за-

нимались не-афинянки), и парнихион — уже специальный налог, взимаемый за занятие данным ремеслом.

Современник тех событий афинянин Эвбул призывно восклицает: «Знаешь ли ты этих нарядных кобылок Афродиты в легких одеждах, знаешь ли ты, как они ставят сети, как музицируют и выманивают деньги, как в прозрачных одеждах, подобно нимфам у священного источника, встречают они гостей?»

На вечерний огонек домов гетер будто бабочки слетались лучшие люди Афин — риторы, писатели, музыканты, скульпторы, художники. Для каждого здесь находилось приветливое слово, ободрение и ласка. И высшее наслаждение, о котором Эпикур говорил, что оно есть «цель человечества».

Аспасия, как никто, прекрасно знала психологию мужчины. Вскоре придти послушать ее, полюбоваться ею, развлечься с ее умными девочками стало некоей модой в Афинах, хорошим тоном. Вся афинская элита постепенно нашла приют в стенах ее уютного и большого дома. Появились завсегдатаи, поклонники, обожатели, меценаты. Одним из первых преданных ее дому мужей стал Сократ. Девятнадцатилетним юношей он впервые переступил порог дома Аспасии и навсегда оставил здесь свое сердце. Живший через сто лет поэт Гермезианак, собиравший сведения о биографии великого философа, писал: «Какой огонь зажгла гневная Киприда (богиня любви Афродита по преданию родилась на Кипре — *Авт.*) в мудром Сократе! Каждый раз, идя для поучения в дом Аспасии, Сократ из глубины души изгонял мелкие заботы и бесконечно углублялся в перипетии беседы».

Но, как настоящий гурман, будущий философ не был эгоистом — и то, что доставляло ему желанное и острое наслаждение, он стремился сделать доступными для своих многочисленных друзей, в том числе и Перикла.

Главе афинской республики, стратегу Периклу к тому времени уже перевалило на пятый десяток. Он был довольно нелюдим и, как о своем достоинстве, любил говорить, что всегда ходит в Афинах лишь по двум направлениям, да и то в чисто деловых интересах — на площадь, где происходили народные собрания, и в Совет пятисот (правительство Афин).

Родившийся в 495 году до н. э. (дата условная, не совсем точная), Перикл происходил из аристократического рода по материнской линии — Алкмеонидов. Но, разделяя

убеждения демократов, он сумел ослабить власть аристократии в государстве. По его инициативе присяжные и члены Совета получали ежедневную плату за свою службу, а рядовые граждане Афин — деньги на театральные представления. Перикл считал, что каждый гражданин имеет право не только на труд, но и на развлечения и экономически и подтверждал это право. При Перикле Афины, сыграв одну из ведущих ролей в победе над Персией (греко-персидские войны), заняли главенствующее положение в Центральной Греции, а постройка Длинных стен сделала Афины неприступной крепостью, объединяющей сам город и порт Пирей.

К моменту появления в Афинах Аспасия Перикл — уже знаменитый стратег и весьма популярный политик, о знакомстве с которым поначалу Аспасия и думать не смела. На протяжении многих лет правил Перикл в Афинах. Правда, любое решение принималось демократическим большинством. И все же, как справедливо заметил афинский историк Фукидид, Афины во времена Перикла представляли «по названию — демократию, а в действительности господство первого человека».

Перикл был женат, но в брак вступил скорее по обязанности, чем по любви. Двое сыновей подрастали в его внешне вполне благополучной семье. Для политика такое благополучие очень важно, поскольку Перикл в отличие от других мужчин воздерживался посещать дома с сомнительной репутацией — это могло бы повредить его карьере. Удел любого государственного мужа давать поменьше пищи для сплетен и злословия о своем образе жизни, иначе быстро угодишь в комедию, и тысячи афинян с удовольствием посмеются над твоей незадачливостью. Впрочем, для афинских остроумцев годился любой повод. Перикл имел от рождения непропорционально длинную голову (чтобы скрыть это, он разрешал изображать себя лишь в шлеме, сдвинутом на затылок). Насмешники не преминули обыграть этот физический недостаток. В демократических Афинах позволялось и такое.

Мрачный и мелюдим Перикл подружился с умным мальчишкой Сократом, почувствовав в нем великий ум и особый дар прозорливости. Это была слабость Перикла. Он любил собирать вокруг себя ученых, литераторов, художников. Выдающийся скульптор Фидий, философ Анаксагор, драматург Софокл, «отец истории» Геродот — близкие друзья Перикла, ощущавшие его внимание и заботу. В мо-

лодости Перикл осуществил постановку трагедии Эсхилла «Персы» и, видимо, эта деятельность оставила в нем самые приятные впечатления.

Сократ предложил угрюмому и усталому Периклу в один из вечеров немного развеяться. Это было дерзкое и весьма необычное приглашение. Почему? Потому что Перикл всегда принципиально избегал пиров и торжеств, лишь однажды пришел на свадьбу — к своему двоюродному брату Евриптолему — да и ту покинул в самом начале трапезы. Скорее всего Сократ ничуть не ожидал, что Перикл согласится отправиться с ним, а он вдруг принял приглашение.

Сейчас трудно сказать, что заставило умудренного годами стратега нарушить многолетнюю привычку. Наверно, таких причин было много. Жизнь проходит, хоть он еще и крепок телом, а простого человеческого счастья так и не испытал. Труд политика, крупного государственного деятеля, несмотря на почитание сограждан, — дело неблагодарное; уповать на то, что потомки будут поминать тебя добрым словом не приходится. История предавала забвению столько ярких личностей, блиставших некогда на всечеловеческом небосклоне, что лишь глупец может уповать на посмертную славу. Каждый человек, достигнув зрелости и расцвета, приходит к выводу, что единственная ценность — твоя нынешняя жизнь, другой уже не будет. Склонный к философским силлогизмам Перикл хорошо это понимал, оттого, возможно, в один прекрасный день он решил махнуть рукой на все условности и запреты и последовать за своим юным другом в земной сад наслаждений...

Ни разу потом Перикл не пожалел о столь решительном повороте в своей судьбе...

Вместе с Сократом он переступил порог дома Аспасии и неожиданно для самого себя увидел женщину, о которой мечтал всю жизнь, женщину, которая счастливым образом соединяла в себе цветущую молодость и красоту с утонченным, хладным умом философа, обладающего не только большими знаниями, но и невероятным интуитивным даром. Перикл не успел пробыть рядом с Аспасией и получаса, как вдруг понял, что погиб, влюбился решительно и бесповоротно. Он точно оглох, точно память его отшибло, он забыл о всех предосторожностях, будущих пересудах, сидел подле Аспасии и не спускал с нее влюбленных, восторженных глаз. Даже Сократ не ожидал от своей затеи такого результата. Поначалу смутившаяся, не знавшая как

вести себя, Аспасия также не ожидала, что покорит первого человека Афин.

Перикл стал навещать Аспасию каждый день. Но если остальные гости дома, проведя час-другой в занимательных беседах, спешили насладиться и другими прелестями райских комнат, то Перикл был к ним глух и равнодушен. Однако от хозяйки не отходил ни на шаг, одаривая ее восхищенным взором.

У Перикла начисто отсутствовал опыт в сердечных делах. Он не умел скрывать свои чувства, свое обожание, был подобен ребенку в своих душевных проявлениях. Причем ребенку неиспорченному. Аспасию, привыкшую иметь дело с опытными сердцедами, в словах и жестах которых подчас довольно трудно различить искренность и фальшь, это тронуло до глубины души. Она сразу же почувствовала, что за хмурой маской нелюдима скрывается одинокая, жаждущая тепла и участия, добрая человеческая душа.

Аспасия сама потянулась к Периклу: в нем чувствовалась уверенность, сила, и женщины как правило отдают такому человеку предпочтение. Впрочем, соперников у Перикла не было. Многие в Афинах домогались любви Аспасии, но даже среди выдающихся людей, часто бывавших у нее, она пока не встретила того, с кем ей захотелось бы разделить не только душевный разговор, но и ложе, а бросаться на шею первому встречному она уже не желала. Случалось, Аспасия даже отчаивалась, не надеясь даже в многолюдном городе найти единственного своего избранника, ее тяготила роль, которую она избрала для себя.

Для женщины бег времени особенно заметен и губителен. Сорок лет для мужчины — пора расцвета, сорок лет для женщины — пора заката. Возраст Аспасии уже подходил к тридцати, и тревога понемногу начала овладевать ее душой.

Появление Перикла, его восторженность оказались как нельзя кстати: зерна упали на хорошо подготовленную почву. Аспасия быстро поняла, что сама судьба дает ей шанс и важно не упустить его. Поэтому она удвоила внимание к новому поклоннику, пустив в ход все свои чары, дабы завладеть навсегда его сердцем. И ей это удалось. Не могло не удасться. Современники и потомки по-разному оценивали случившееся и не всегда доброжелательно. Поэт Кратинус, например, написал: «Распутство создало для Перикла Юнону-Аспасию, его защитницу с глазами собаки».

Принято считать, что Аспасия завоевала сердце Перик-

ла. Но никто почему-то не задумался над тем, что, может быть, Перикл завоевал сердце Аспасии?

Современники называли Перикла «олимпийцем» за его спокойствие и властность, напоминавшие грекам их верховное божество — Зевса. Какой же необыкновенной надо быть женщиной, чтобы вывести из «олимпийского» спокойствия столь волевого и хладнокровного человека?! Видно, впрямь что-то стряслось в первую очередь с Периклом, коли он забыл о всех своих врагах, о своем непоколебимом авторитете, влюбившись в женщину со столь незавидной репутацией.

Захваченный не испытанным доселе чувством, Перикл не захотел даже формально делить свое сердце. В 449 году до нашей эры он разводится со своей женой и в качестве опекуна (для замужней женщины мужчина в Древней Греции всегда выступал в этой роли) влюбовь выдает ее замуж. Сам же к себе в дом перевозит Аспасию, которая, несмотря на всю свою самостоятельность и богатство, была рада подобному ходу событий.

Так соединились навсегда бывшая гетера и первый человек афинского полиса. Счастье буквально захлестнуло обоих, и первые месяцы они купались в нем, наслаждаясь друг другом. Афинские остряки отпускали шуточки, вороша сальные подробности из жизни Аспасии, особенно из ее милетского и мегарского прошлого. Порой они больно ранили самолюбие Перикла, но он стойко переносил подобные уколы, не подавая вида своей прекрасной супруге. Омрачило их существование и еще одно препятствие: между Афинами и Милетом не была заключена эпитагия — договор, дававший право гражданам двух городов-государств заключать между собой браки. А поскольку Перикл являлся гражданином Афин, а Аспасия гражданкой Милета, то они не могли узаконить свой брачный союз. Посему в глазах афинян Аспасия отнюдь не являлась женой Перикла, что, тем не менее, не разлучило их. Через пять лет Аспасия родила Переклу сына — Перикла-младшего.

Друзья обоих супругов радовались их семейному счастью вместе с ними, и теперь у Перикла часто бывало весело и шумно. словно вся жизнь афинского стратега перевернулась, и в унылом прежде доме вдруг забурилась новая жизнь. То и дело к Аспасии и Периклу приходили новые люди — поговорить, поспорить, покутить. Когда Сократа, с каждым годом становящегося все более известным фило-

софом, полушутливо-полусерьезно спрашивали, как воспитать хорошую жену, он однозначно отвечал:

— Все это гораздо лучше объяснит Аспасия!

Он до сих пор по-детски ревновал ее к Периклу. Пытался и не мог заставить себя не ходить к ним в гости, хоть и знал, что каждый раз идет не столько развлекаться, сколько мучиться. Он не мог не видеть Аспасию хотя бы изредка.

Аспасия же, почувствовав себя, наконец, настоящей супругой, действительно стала охотно рассуждать о том, как из женщины воспитать настоящую жену, мать и хозяйку, какова зависимость супружеского счастья от умения мужчины поднять жену до своего уровня развития, а умение жены оказаться способной на такую духовную эволюцию. Счастливый вид Перикла свидетельствовал, что бывшая гетера является не только блестящим теоретиком в этой области.

Впервые в Афинах Аспасия нарушила устоявшиеся традиции семейного этикета. Уже упоминалось, что ранее на женскую половину не смел вступать никто из гостей и людей малознакомых, а жена никогда не появлялась на дружеских пирушках. Аспасия резко нарушила эти правила. Она не чуралась застолий, сама их организовывала, являясь душой и центром увеселений, пользуясь законным уважением гостей. Более того, она позволяла себе принимать посетителей и в отсутствие мужа, развлекала их беседой, угощала вином, что, по афинским обычаям, являлось совсем уж не допустимым.

С Аспасией считали за честь поговорить выдающиеся мужи Эллады, видные художники и философы. Ее авторитет был столь высок, что некоторые друзья Перикла стали приходить к нему с женами — случай почти фантастический для того времени, ибо, вспомним, греки упрямо считали женщин существами второго сорта.

То, что первый человек в Афинах, Перикл необыкновенно счастлив с новой женой, а главное — почитает общение с ней за большое для себя удовольствие, казалось его согражданам такой же фантастикой, как для нас — нашествие марсиан на Москву. Одни полагали, что Перикл — человек конченный и Аспасия околдовала его, другие этому попросту не верили. Находились и третьи, кто всерьез задумывался и обращал взгляды на свою жену, находя — к собственному удивлению — у нее немало прелюбопытных черт. Постепенно поэты и драматурги уже пере-

стают проповедовать женоненавистничество, все чаще воспевая женскую красоту, осанку и даже... ум.

Стоит отдать должное и Периклу, который смело пошел на нарушение многих «табу». Так, не было случая, чтобы уходя из дома или возвращаясь, Перикл не поцеловал свою жену. Он охотно советовался с Аспасией по всем вопросам, даже государственным. Он помнил слова Аспасии, сказанные ему сразу после того, как он предложил ей переехать к нему в дом:

— Любишь ли ты меня настолько, что позволишь мне спасти тебя от себя самого? Захочешь ли ты выслушать мои советы, когда я увижу, что ты ошибаешься и найдешь ли ты в себе силы принять мою правоту и поступать так, как я тебе подскажу? Если нет — то любовь наша кончится скоро. Я это знаю по своему опыту — я любила. Но не так, как я хочу любить тебя. Ты готов?

Перикл мог бы немедленно ответить утвердительно, но сдержался. Он понимал, что Аспасия предлагает ему совершенно иной образ жизни. Приемлем ли он для него? Тогда Перикл сформулировал вопрос Аспасии иначе: готов ли он пойти на те жертвы ради возлюбленной своей, нарушить устоявшиеся веками традиции, собственные взгляды и привычки для того, чтобы только не разлучиться с ней?

Подумав, Перикл ответил:

— Готов!

Впоследствии он никогда не раскаивался в этом. Пусть иногда ее расспросы казались ему назойливыми, и он, привыкший все решать один, все обсуждать сам с собой, ни с кем не советуясь, даже злился на настойчивости и упрямству, с которым Аспасия выпытывала все происшедшее на Совете. Стоило ему, однако, вспомнить свой ответ, как он смирялся, успокаивался, принимал ее помощь, и действительно они вместе быстрее находили решения самых запутанных проблем афинской жизни. Постепенно Аспасия сгруппировала в доме избранный круг друзей, которые помогали Периклу искать выходы из сложнейших ситуаций. Женский ум оказывался гибче, тоньше, подсказывая ответы, о которых Перикл, как казалось ему, никогда бы не додумался.

До конца своих дней Сократ сохранил к Аспасии почти-тельное отношение. В диалоге Платона «Менексен» Сократ воспроизводит речь Аспасии, выслушав которую Менексен говорит, что «Аспасию можно назвать очень счастливой, если она, будучи женщиной, в состоянии сочинять такие

речи». Сократ отвечает ему: «Если не веришь, то следуй за мной и услышишь, как она говорит».

— Я часто встречался с Аспасией, — замечает Менксен, — и знаю какова она.

Далее Сократ говорит, что у него была неплохая учительница в риторике, которая сделала хорошими ораторами и многих других, даже Перикла. Платон убежден, что знаменитая речь Перикла, произнесенная им над воинами, павшими в первый год Пелопонесской войны, создавалась не без помощи Аспасии.

Она вела философские беседы помимо Сократа с Анаксогором, рассуждала о политике с Хариносом, о гигиене с Гиппократом, об эстетике с Фидием, по любой теме она имела свою точку зрения. Ее утонченность, остроумие, глубина познания того или иного предмета приводили в восторг собеседников.

По словам Сократа и его ученика Эхиня, Аспасия отличалась сильным умом, тонким политическим тактом, быстрой сообразительностью и необыкновенной точностью суждений. Платон отмечал, что он, подобно Периклу и многим другим, обязан Аспасии возбуждением в нем умственной деятельности и развитием ораторского искусства, Сократ также называл ее своей наставницей, которой он стремился подражать в пронизательности ума и в изяществе речи, в применении диалектики и искусном владении диалогом.

Когда однажды к Сократу обратился знакомый с просьбой подыскать ему друзей, для чего дать о нем самые лестные отзывы, философ поразмыслив, ответил:

— Когда-то Аспасия говорила мне, что свахи отлично способствуют устройству брачных уз, если в своих похвалах они не очень далеко отступают от истины; но лишь они начинают преувеличивать или хуже того лгать, то своей ложью они причиняют только несчастья, вследствие чего оба обманутых супруга понемногу начинают ненавидеть друг друга и виновницу их брачного договора. Я разделяю с ней это убеждение и думаю потому, Критобул, что также не имею ничего больше сказать в твою похвалу, что не было бы согласовано с истиной.

Дом Перикла, где по праву царствовала Аспасия, стал воистину центром всех умственных и художественных устремлений Афин. Естественно поэтому, что многие считали большой честью побывать здесь. Но лишь немногим избранным был открыт вход. Перикл и Аспасия гостеприим-

но встречали лишь тех, кого хорошо знали, дабы избежать ненужных пересудов и сплетен. Такое строгое ограничение раздражало других, не имевших возможности попасть в число счастливых. В результате, словно в отместку за подобное пренебрежение, завистники радовались любому злопыхательству, любому плевку в адрес Перикла и Аспасии.

Так, поэт Кратин писал: «Геру Распутство рождает ему, наложницу с взглядом бесстыдным, Имя Аспасия ей».

Эвполид, средней руки греческий комедиограф, соперник Аристофана, написавший 14 комедий, в одной из них — «Общины» — выводит Перикла, который по ходу развития действия спрашивает о судьбе своего сына от Аспасии (Перикл, другие герои — известные афиняне, выходят из царства мертвых — *Авт.*):

— А незаконный-то мой жив?

На что Периклу тут отвечают:

— Да, был бы мужем он давно,

Но срам страшит его: блуднице он родня.

Точно пытаясь перешеголять друг друга, авторы подобных опусов именуют Аспасию то новой Деянирой — женой Геракла, погубившей мужа, то Омфалой — царицей Лидии, у которой Геракл, будучи в рабстве, выполнял женскую работу. Но вопреки их потугам за Аспасией утвердилась иная слава. Кир II Младший, наместник Лидии, Великой Фригии и Каппадокии, боровшийся за персидский трон со своим родным братом Артаксерксом II и погибший в битве при Кунаксе в 401 году до нашей эры, свою самую любимую наложницу по имени Мильто переименовал в Аспасию, надеясь хоть таким способом обладать самой выдающейся женщиной эпохи.

Аспасия словно вдохнула в Перикла новые силы, энергию. Он отстраивает Акрополь, объединяет под властью Афин Эгину, Беотию, Фокину, Локриду, заключает мирный договор с Персией, а чуть позже, на 30-летний срок, со Спартой, посылает афинских граждан осваивать далекие колонии во Фракии, на островах, вдоль побережья Черного моря. Его политическая и хозяйственная деятельность огромна, он неутомим в своих начинаниях.

В 442 году до нашей эры между Милетом, родным городом Аспасии, и Самосом возник территориальный спор. Войско милетцев было разбито, и тогда они подали жалобу в Афины, поскольку оба полиса признавали гегемонию этого полиса. Однако едва милетцы пожаловались в Афи-

ны, как строптивый Самос тотчас объявил о своей независимости. По совету Аспасии Перикл настоял на военном походе против Самоса. Недоброжелатели, естественно, тут же заговорили, что Аспасия ввергла Афины в войну, дабы помочь родному Милету и показать всем, сколь велико ее влияние на афинян. На самом же деле она, как и Перикл, поняла всю опасность безнаказанного отпадения целого полиса из-под власти Афин. Стоит позволить — и завтра от их гегемонии в Греции не останется даже следа.

Поход против непокорного Самоса длился девять месяцев, Перикл сам возглавил его. Он разрешил следовать за собой Аспасии, по старой памяти прихватившей несколько гетер для обслуживания командования афинского войска, дабы, вероятно, поддерживать на высоте боевой дух суровых ратоборцев. Эти гетеры дали возможность Аспасии сделать одно далеко не приятное открытие. Она заметила как Перикл жадно провожает их взглядом, да и любовные утехы с ней он проводит уже устало, словно по обязанности. Серьезный сигнал для принятия экстренных мер! Аспасия не могла допустить, чтобы их любовь начала чахнуть, чтобы она со временем превратилась для Перикла в скучную надоевшую жену. Как же поступить? Сравнение — вот что необходимо в данном случае! Надо, чтобы Перикл сам убедился в том, что лучше Аспасии нет женщины на свете. Надо, чтобы он согрешил с кем-нибудь и пришел к ней каяться. А покаяние — лучший способ для возникновения нового интереса.

Так рассуждала про себя Аспасия, возвращаясь после победы над Самосом. Теперь ей предстояло выиграть свою «войну»... с собственным возлюбленным.

Аспасия тотчас нашла Фидию, к которому нередко заходил Перикл в мастерскую, чтобы полюбоваться творениями великого мастера, и попросила его почаще звать натурщиц и с их помощью наглядно объяснить Периклу все прелести женской фигуры. Она сама стала постоянно приглашать в гости афинских и заезжих гетер, замужних матрон, которые непрочь были завести роман на стороне. Аспасия завела новых служанок, умеющих играть на флейте и прекрасно знающих толк в искусстве любви.

Ее усилия не пропали даром. Перикл действительно несколько раз согрешил, попробовав запретного для него раннее зелья. И тотчас сработало сравнение в пользу Аспасии, ибо лучше ее не было в Греции искусницы по части разжигания любовных страстей. Перикл сразу же это понял и,

придя к супруге, повинившись перед ней в совершенном грехе, получил прощение. Он словно возродился для новой страстной любви к жене. Добилась Аспасия и еще одной победы: уже давно злые языки наговаривали, что она ополта, околдовала стратега, поскольку не может мужчина любить только одну женщину, с одной проводить дни и ночи. Теперь и эти срамные уста более не раскрывались.

К сожалению, у рассказа об этой удивительной любви далеко не счастливый конец.

Врагов у Перикла было предостаточно. Видя, что его самого сокрушить трудно, они начали подбираться к его друзьям и близким.

Фидий первым пал жертвой клеветы. Его обвинили в хищении золота при сооружении статуи богини Афины, и хотя скульптор привел убедительные доказательства своей невиновности, его все же бросили в тюрьму, где он вскоре умер от столь жестокой несправедливости.

Почти одновременно народное собрание приняло решение о том, что люди, не верящие в богов или распространяющие учения о небесных явлениях, должны привлекаться к суду, как государственные преступники. Это был прямой удар по философу Анаксогору, который открыто говорил, что Солнце — это огненная масса, а Луна — необитаемая планета. Он верил в бесконечный космос, в звезды, галактики и не признавал божеств. Не надеясь на благоприятный исход судебного процесса против своего престарелого учителя, Перикл помог ему бежать из Афин в Лампсак. Тогда недоброжелатели обрушились на Аспасию. О небесных телах и планетах много говорилось в их доме, и недоброжелатели уже давно подкупили свидетелей, чтобы скомпрометировать Перикла. Кроме того, Аспасию винили в сводничестве, в том, что она устраивала Периклу свидания со свободными афинянками в его доме.

Перикл не видел выхода из отчаянного положения и предложил жене бежать из города. Он был готов сделать все, чтобы спасти ее. Но зачем ей спасение таким путем? Ее тотчас приговорят к смерти заочно и вот тогда она никогда уже не сможет вернуться в Афины и увидеться с любимым человеком. Зачем тогда жить?! И она отказалась.

Перикл заметно сдал за эти страшные месяцы, сгорбился, поседел. Морщины легли на лице Аспасии. Милости ждать было неоткуда.

По афинскому закону женщина не имела права сама выступать в суде. Она посылала туда доверенное лицо для

защиты своих прав. На суд отправился Перикл. Он произнес одну из самых лучших речей в своей жизни, и невозмутимые судьи впервые увидели в его глазах слезы, когда он говорил, насколько дорога ему Аспасия. Это настолько потрясло всех, что ее полностью оправдали.

Но враги не успокоились и начали открыто обвинять Перикла в хищениях и финансовых злоупотреблениях во время управления афинским государством. Ему надлежало составить множество отчетов, но он не успел этого сделать — началась Пелопонесская война, длившаяся с некоторыми перерывами почти тридцать лет. Не последнюю роль в ее развязывании сыграла политика Афин, и недруги Перикла злобно утверждали, что война им затеяна специально, дабы погасли все обвинения против него и Аспасии. Ходили и более нелепые слухи: Афины, дескать, закрыли свои гавани для судов из города Мегары, потому что мегарийцы хотели украсть двух гетер, которых Аспасия держала в своем доме. И вот милетчанка рассердилась и настроила против Мегар Перикла. Надо сказать, что слухи эти имели настолько широкое хождение в народе, что позднее Аристофан использовал даже их в своей комедии:

Но раз в Мегаре пьяные молодчики
Симету, девку уличную, выкрали.
Мегарцы, распаленные обидою,
Двух девок тут украли у Аспасии.

На самом же деле основной причиной Пелопонесской войны был конфликт между Афинами и Коринфом — давними торговыми конкурентами. В поисках новых рынков афиняне проникли в западные торговые районы, вытесняя отсюда коринфян. Последние настояли на вмешательстве Спарты, традиционного военного и политического соперника Афин. Но очень уж врагам Перикла хотелось убрать могущественного и влиятельного стратега, чтобы самим завладеть властью, поэтому в вышеприведенных клеветнических наскоках нетрудно усмотреть хорошо и тонко спланированную операцию, чтобы дискредитировать могучего противника.

Их старания оказались излишними. Вторжения на территорию государства мощной спартанской армии, непобедимой до того в открытом бою, заставило все окрестное сельское население укрыться за стенами Афин. Страшная скученность привела к беде: буквально на второй год войны в городе вспыхнула эпидемия сыпного тифа. Умерли сыновья Перикла от первой жены. Перикл настоял на том,

чтобы народное собрание признало его сына Перикла-младшего, рожденного от Аспасии, полноправным афинянином. И сограждане, чтя заслуги стратега, приняли такое решение. Но недолго радовался этому Перикл — болезнь скосила и его. В 429 году до нашей эры он умер. Вместе с ним угасли и Афины. Недолго радовались его конкуренты: вскоре и они поняли, что руководителя, подобного Периклу, не найти. В 404 году до нашей эры война закончилась поражением Афин. Их «золотой век», а вместе с ними и Греции катился к закату.

Аспасия овдовела. Но как ни горевала она, как ни считала, что вместе с Периклом окончена жезнь, боги пока не думали обрывать ее. Они с холодной улыбкой смотрели на убитую горем женщину, вымаливающую словно милость смерть, и не торопились внимать ее просьбам. Они всегда знали нечто большее о людях, о чем последние и не подозревали.

Прошло, однако, время, и боль потери притупилась, потускнел некогда дорогой и желанный образ великого политика, мужа и отца, а ненасытная природа продолжала бушевать в красивой женщине, сад наслаждений стал тенистее, но увядание еще не коснулось его. Аспасия сошлась с неким торговцем скота Лизиклом, человеком богатым и незаурядным. Теперь она решила своими руками создать сильную, великую личность, считая себя способной на подобное деяние. Она быстро развила в новом муже риторские и логические способности. Лизикл, благодаря появившемуся у него дару оратора, стал заметен, а вскоре и популярен в Афинах. Не занимавший никогда до этого никаких должностей, он уже через год был избран афинянами стратегом. Однако в конце того же 428 года до нашей эры пал в бою.

Жестоко боги наказали Аспасию за самоуверенность. Именно так Аспасия восприняла смерть Лизикла, отказавшись от дальнейших попыток сотворения героев. Она стала затворницей, общаясь лишь с Сократом и историком Ксенофонтом, старыми друзьями по прежней жизни. Шли годы.

Последний раз имя Аспасии всплывает в исторических хрониках два десятилетия спустя. В 406 году до нашей эры ее сын — Перикл-младший в числе других стратегов командовал флотом, разгромившим спартанцев при Аргинусских островах. После победы буря помешала афинянам подобрать раненых и погибших. За это стратегов отдали под

суд. Двое из них бежали, шестеро остальных были казнены, в том числе и Перикл-младший. Весь народ высказался за смертную казнь. Против голосовали Сократ и Аспасия.

Так она пережила своего сына. Это горе подкосило ее окончательно, она постепенно стала угасать. Наконец, боги смилостивились над ней, она тихо отошла, прожив долгую бурную жизнь, оставив о себе память и славу, как о красивой и умнейшей женщине Древней Греции, жрице любви, подарившей немало лет счастья одному из величайших людей Эллады — Периклу. Эти два имени навсегда останутся в истории связанными между собой.

КЛЕОПАТРА

(69 до н. э. — 30 до н. э.)

В переводе с греческого «Клеопатра» означает «славная по отцу». Свой рассказ о знаменитой египетской царице мы бы хотели начать со стихотворного отрывка из «Египетских ночей» А. С. Пушкина.

Чертог сиял. Гремели хором
Певцы при звуке флейт и лир.
Царица голосом и взором
Свой пышный оживляла пир;
Сердца неслись к ее престолу,
Но вдруг над чашей золотой
Она задумалась и долу
Поникла дивною главой...
И пышный пир как будто дремлет.
Безмолвны гости. Хор молчит.
Но вновь она чело подъемлет
И с видом ясным говорит:
В моей любви для вас блаженство?
Блаженство можно вам купить...
Внемлите ж мне: могу равенство
Меж нами я восстановить
Кто к торгу страстному приступит?
Свою любовь я продаю;

Скажите: кто меж вами купит
Ценою жизни ночь мою?...
... — Клянусь... — о матеръ наслаждений,
тебе неслыханно служу,
На ложе страстных искушений
Простой наемницей всхожу.
Внемли же, мощная Киприда,
И вы, подземные цари,
О боги грозного Аида,
Клянусь — до утренней зари
Моих властителей желанья
Я сладострастно утомлю
И всеми тайнами лобзанья
И дивной негой утолю.
Но только утренней порфирой
Аврора вечная блеснет,
Клянусь — под смертную секирой
Глава счастливых отпадет...

И тут же сухая, почти фактографическая справка — обоснование этих стихов, которую Пушкин вложил в уста своего персонажа: «Я имел в виду показания Аврелия Виктора, который пишет, будто бы Клеопатра назначила смерть ценою своей любви и что нашлись обожатели, которых таковое условие не испугало и не отвратило...»

Желательно, конечно же, еще одно уточнение: речь идет о Клеопатре VII Филопатре, так как из семи Клеопатр в нашей исторической памяти нашелся желанный уголок лишь для этой, седьмой, которая, говоря откровенно, вряд ли может считаться украшением царственного египетского семейства.

Впрочем, ничего удивительного тут нет. Человечество запоминает людей, прославившихся либо выдающимися добродетелями, либо небывалыми успехами, либо вопиющими грехами. Как сказано в одной мудрой книге, изрыгну я тебя не за то, что ты горяч или холоден, но за то, что ты тепел. История упрямо не замечает золотую середину и обожает крайности. Не забыты великие творцы, например, Фидий, Поликлет. Но не канул в забвенье Геростат, который дабы обессмертить свое имя сжег храм Артемиды в Эфесе — одно из семи чудес света. И несмотря на все призывы не поминать преступника, мы упрямо помним его, зато у нас из памяти вылетели имена его судей. Так и с Клеопатрой. Кто она, ныне известно, пожалуй, всем. Хотя

вряд ли она думала о посмертной славе. Ее подобные «мелочи» не интересовали. Она просто жила, как хотела, жила, как говорится, в свое удовольствие.

Род ее — эллинистических царей Египта — восходит к Птолемею I Сотеру (Спасителю), одному из ближайших сподвижников, другу еще с детских лет Александра Македонского. После его смерти Птолемей, покоренный и очарованный Египтом, при разделе завоеванного просил себе эту страну. Соратники удовлетворили просьбу, и он отбыл в свое царство, увозя с собой гроб с набальзамированным телом великого властителя и полководца. Здесь Птолемей и обосновался, зажил основательно, учредив знаменитую Александрийскую библиотеку.

Уже ближайший его преемник Птолемей II подорвал в глазах всего античного мира репутацию династии, женившись на собственной сестре, Арсиное, которая была к тому же еще и на восемь лет старше брата. Но, шокировав эллинов, новый правитель пролил бальзам на души египтян, поступив согласно освященному веками обычаю фараонов. Ибо брак с собственной сестрой сохранял божественную сущность царствующего дома, уберегавшегося от смешивания с низкой природой подданных и иноземцев (кстати, такие же обычаи были и у инков). С тех пор подобное в роду Птолемеев стало едва ли не правилом (при некоторых исключениях). И хотя говорят, что союз между ближайшими родственниками ведет к вырождению семейств, седьмая Клеопатра счастливо сие опровергла.

Отметим также, что все Клеопатры из рода Птолемеев отличались завидной активностью. Клеопатра I, по происхождению сирийка, одиннадцатилетней девочкой была выдана за Птолемея V. Она родила ему дочь — Клеопатру II и сыновей — Птолемеев VI и VIII. Когда муж ей изрядно поднадоел, она его отравила и стала регентшей при своем сыне, находящемся еще в нежном возрасте, Птолемее VI. Когда же последний подрос, заботливая мать женила его на сестре. Однако Птолемей быстро умер. Ему наследовал Птолемей VII, почти тотчас же убитый по наущению Клеопатры II, ибо она, несогласная со своим вдовствующим положением, решила вернуть себе престол, став женой Птолемея VIII.

Ее новый муж недолго баловал супругу-сестру своими ласками, женившись чуть позже на дочери жены, ставшей Клеопатрой III. Следующий Птолемей, девятый, поочередно женился на своих сестрах — Клеопатрах четвертой и

пятой... Так все это тянулось, пока на сцене не появился Птолемей XII Теос, Филопатор Филадельфер Неос Дионисий Авлет, отец нашей героини. «Прославился» он далеко не блестящими умственными способностями, игрой на флейте, да еще жестокостью, за что был ненавидим всеми. Его сын, Птолемей XIII, унаследовавший все слабости отца, сублильный и безвольный, по традиции взял в жены свою сестру. Ему было двенадцать лет, ей — семнадцать.

У их отца Птолемея Авлета (Флейтиста), незаконного сына Птолемея VIII, прозванного Латиром (что означало «царь-горох»), увлечение флейтой занимало столь много времени, что его почти не оставалось на государственные дела. Дело дошло до того, что через семь лет всю ситуацию в Египте контролировали римские ростовщики, одному из которых музыкальный царь даже передал главный финансовый пост страны.

На что уж его подданные считались самым космополитичным народом, но тут не выдержали и дружно прогнали «Флейтиста». Его престол заняла старшая дочь — Береника, управлявшая царством вместе со своим мужем Археласем. Низвергнутый Птолемей бежал в Сирию под защиту римлян, здраво рассудив, что коли их ростовщики были причиной его изгнания, пусть римские легионы его спасают.

Однако быстро в мире ничего не делается. Прошло четыре года, прежде чем римские войска под началом консула Габиния вторглись в Египет. «Флейтист» пообещал за это полководцу десять тысяч талантов золота — баснословная сумма для того времени! Тем не менее большинство римских командиров воевать не хотели и выступали против похода. Чашу весов в пользу Птолемея сумел перевесить молодой начальник конницы Марк Антоний, правая рука консула, будущий сподвижник и любимец Юлия Цезаря. Честолюбец, не достигший и тридцати лет, Антоний жаждал подвигов. Хотя не исключено, что беглый Птолемей посулил и ему немалую награду.

Так или иначе, но пылкая речь Антония склонила легионы к походу. Сказу скажем, что в нем он отличился как смелый и способный военачальник, первым вступивший с авангардными частями в Александрию. Здесь Марк Антоний впервые встретил Клеопатру. Но тогда это событие не имело никакого значения, поскольку молодой полководец, опьяненный ратными победами, ни о чем, кроме них, не хотел думать, да и Клеопатру занимали иные проблемы,

семейные. Птолемей XII снова занял престол, повелев казнить Беренику, и, как его не умоляли, решение свое не изменил. Так Клеопатра стала старшей в семье и должна была после смерти отца вместе с братом царствовать Египтом.

Через три года это время наступило. Гарантом исполнения своей воли Птолемей XII сделал Рим, а конкретно Помпея Великого, одного из членов первого триумvirата (трех правителей, кроме Помпея — Цезарь и Красс). Данный шаг отчасти объяснялся тем, что всеильный Рим просто невозможно было игнорировать, а отчасти — другой причиной: десять тысяч талантов так и не удалось выплатить, и долг продолжал числиться за царствующим домом Птолемеев.

Брату и мужу Клеопатры Птолемею XIII исполнилось только тринадцать лет, к тому же при заторможенном развитии юному правителю было не до политики. Поэтому фактически управляла Египтом его сестра.

Какой же была она, легендарная царица? Откроем «Сравнительные жизнеописания» Плутарха, известного древнегреческого историка: «Красота этой женщины была не тою, что зовется несравненною и поражает с первого взгляда, зато обращение ее отличалось неотразимой прелестью, и потому ее облик, сочетавшийся с редкою убедительностью речей, с огромным обаянием, сквозившим в каждом слове, в каждом движении, накрепко врезался в душу. Самые звуки ее голоса ласкали и радовали слух, а язык был точно многострунный инструмент, леко настраивающийся на любой лад — на любое наречие, так что лишь с очень немногими варварами она говорила через переводчика, а чаще всего сама беседовала с чужеземцами — эфиопами, троглодитами (по-видимому, имеется в виду какое-то нубийское племя, жившее в пещерах на западном берегу Красного моря, — *Авт.*), евреями, арабами, сирийцами, мидийцами, парфянами... Говорили, что она изучила и многие иные языки, тогда как цари, правившие до нее, не знали даже египетского, а некоторые забыли и македонский».

Судя по всему, Клеопатра сама и воспитывала себя, и училась самостоятельно. Ведь годы ее становления как личности выпали на краткий период правления Береники, которой не хватало времени заниматься сестрой. Так что собственная любознательность заставила Клеопатру выучить массу языков, чтобы читать книги и слушать разговоры умных людей, постигая суть вещей. Любознательность

подтолкнула ее к постижению человека, его сильных и слабых сторон, а безмерное честолюбие, жестокие толчки которого она постоянно ощущала сердцем, заставило использовать приобретенные знания для достижения намеченных целей.

История Египта уже знала цариц, вершивших государственные дела от имени безвольных мужей. Или вообще без них. Почему же нельзя повторить кое-какие страницы прошлого? Мешал этому воспитатель несмышленого мужа-брата евнух Потин, умный и проницательный царедворец, не менее честолюбивый, чем Клеопатра. Достаточно было убрать ее, и власть сама шла в руки Потина, и он правил бы страной за своего высокородного питомца. Хитрый евнух начал собирать при дворе людей, которые бы поддержали его в борьбе с Клеопатрой, обещая своим приверженцам и высокие посты, и великие блага.

Клеопатра действовала иначе. Она вспомнила отца, его возвращение на престол с помощью римлян. Они, рассудила юная царица, куда надежнее ее египетских сторонников, которых легко перекупить за малую толику талантов. Чтобы осуществить свой план, Клеопатра обратилась за поддержкой к сыну Помпея — Гнею. При чем действовала она легко и безошибочно, используя испытанные методы. Пригласила Помпея-младшего к себе, обольстила, сделав своим любовником, что случилось в 49 году до нашей эры. Чары египетской царицы оказались неотразимыми: Гней, пришедший в восторг от проведенных с ней ночей, готов был немедленно вести свои легионы на Александрию.

Однако в Риме произошли события, исход которых Клеопатра предвидеть не могла. Помпей-старший уже не первенствовал более над Цезарем, постепенно уступая ему по всем позициям. И вопрос о посылке римских воинов решал уже не Помпей-младший.

Потин, нарочно распуская слухи о вторжении римлян, еще теснее сплотил вокруг себя своих сторонников. Невольно подыграла ему Клеопатра, направив из Александрии верные ей войска навстречу ожидаемой армии Помпея. Всем этим не замедлил воспользоваться Потин, произведя тихий государственный переворот. Клеопатра с несколькими приближенными вынуждена была бежать из столицы в Сирию, где на границе с Египтом находились преданные ей части.

На римлян она теперь не рассчитывала. Сумев не без помощи любовных ласк вернуть расположение военачаль-

ников, Клеопатра двинула войска на Александрию. Потин выступил против нее во главе своей армии.

Малая Египетская война не успела толком разыгаться, когда произошла знаменитая Фарсальская битва (48 год до нашей эры), решившая давний спор: кто же будет управлять Римом — Гней Помпей-старший или Цезарь. Как известно, победу одержал Гай Юлий Цезарь. Спасаясь от преследования, Помпей опрометчиво надеялся укрыться в Египте. Собственно, а где еще? Друг и душеприказчик покойного царя, защитник нынешних притязаний Клеопатры, Помпей надеялся на защиту.

Потин не хотел навлекать на себя гнев Цезаря. По его приказу Помпея убили, едва он сошел с корабля на египетский берег. Голову недавнего властителя Рима Потин забальзамировал и с приятной улыбочкой любезно преподнес прибывшему вскорости в Александрию Цезарю. Тот однако в ужасе отшатнулся, увидев «подарок».

Цезарь, хорошо осведомленный о раздоре между Клеопатрой, с одной стороны, и ее царственным супругом и Потинном — с другой, помнивший о долге Птолемея XII и о том, что сей монарх наказал Риму быть гарантом его воли, предложил себя в качестве третейского судьи в споре, заодно потребовав вернуть деньги. Потин отверг и то, и другое. Казна, уверял он, пуста. Кроме того, все 10 тысяч талантов выплачены еще Помпею, а как уж он распорядился ими, Потин не знает. Чего-то стоит, наконец, и забальзамированная голова Помпея. Что касается того, кому быть на египетском троне, то этот вопрос Клеопатра, Птолемей и он, Потин, решат сами, без римлян.

Цезарь, изумленный подобной наглостью, пришел в бешенство и, прекратив переговоры с Потинном, потребовал, чтобы обе стороны распустили свои армии и явились в Александрию на его суд. В противном случае египтяне получают хороший урок от Рима.

Потин внешне смутился, тем не менее осмелился немного откорректировать указание Цезаря. Каждой из противодействующих сторон он передал лишь ту его половину, какую посчитал нужной. Поэтому ничего не ведавший Птолемей, сохранив армию, отправился на свидание с Цезарем, а Клеопатра, распустив свои войска, осталась на месте, ожидая окончательного приговора римского владыки. Наставник Птолемея справедливо боялся сводить Цезаря и Клеопатру, заодно хотел выставить царицу в роли дерзкой слушницы, противницы римлян.

Цезарь, однако, не поддался обману, он хорошо видел, ради чего старается евнух, стремясь вручить власть своему глупому воспитаннику: Клеопатра получила тайный приказ прибыть в Александрию. Не помогло Потину и его предусмотрительное повеление перекрыть водные и сухопутные пути, дабы не пропустить Клеопатру к Цезарю. Царица проникла в город, переодевшись простолюдиной, а к римскому полководцу ее принес в мешке доверенный слуга Апполкодор.

Цезаря сразу подкупило и столь оригинальное появление, и красота Клеопатры, и ее ум. Она великолепно говорила на латыни — на языке, который Цезарь отчаялся здесь услышать, блестяще владела словом. Ее вкрадчивый, певучий, низкий голос заставлял трепетать каждого, кто с ней говорил. Цезарь не стал исключением. Зная о сладострастии собеседника, Клеопатра применила против него наиболее действенное оружие — любовное искусство, которому обучали в древних храмах. Цезарь не устоял перед зовом прекрасной царицы и отдался ее воле...

Свидание затянулось до рассвета. Наутро же утомленный бессонной ночью Цезарь заявил пришедшему к нему Птолемею, что он должен помириться с сестрой и разделить с нею власть. Птолемей XIII, возмущенный до глубины души коварством Клеопатры и непостоянством Цезаря, сорвал с головы царственную диадему, бросил ее к ногам римлянина и выбежал из дворца с криком:

— Измена! Измена! К оружию!

Клич Птолемея был немедленно услышан. Потин уже давно исподволь готовил против римлян возмущение народа, предполагая неблагоприятный для себя исход дела. Вскоре угрожающе настроенная толпа подступила к дому, где скрывался Цезарь. На сей раз его спасло мужество и незаурядное хладнокровие, он смело вышел к александрийцам и вмиг отрезвил их спокойной убедительной речью.

Цезарь провозгласил Птолемея XIII и Клеопатру правителями Египта. По этому поводу было решено устроить пир. Во время праздничного веселья раб Цезаря передал господину, что ему удалось подслушать, как Потин и Ахилл, главный египетский военачальник, правая рука евнуха при убийстве Помпея, замышляют новый заговор против римлян. Цезарь приказал окружить залу, где стояли пиршественные столы. Вспыхнул скоротечный бой, в котором часть египтян вместе с Потиним погибла, другая

же, ведомая Ахиллом, сумела вырваться. Бежала из дворца и младшая сестра Клеопатры, Арсиноя.

Египетская армия, возмущенная сожигательством Клеопатры с Цезарем и слабостью Птолемея, вместе с народом выбрала царицей Арсиною.

Началась война.

В ходе ее сгорела знаменитая Александрийская библиотека: Цезарь приказал сжечь свои корабли, и огонь с них перекинулся в город. Римляне отбили все атаки превосходящего по численности противника, дождались подкреплений и в решительном сражении разбили египтян. Птолемей, которого Цезарь милостиво отпустил, надеясь этим благородным жестом утихомирить страсти, нашел нечаянную смерть, утонув при отступлении в Ниле.

Египет был полностью покорен Цезарем и брошен им к ногам Клеопатры. То, что она надеялась получить с помощью Помпея-младшего, даровал ей заклятый враг последнего. Судьба и звезды воистину благоволили неотразимой царице.

Цезарь сдержал свои обещания, которые нашепывал возлюбленной в минуты страсти. Он мог бы сделать Египет римской провинцией, и никто бы не осмелился противоречить ему. Вместо этого он преподнес завоеванную страну Клеопатре, и ее попросил в угоду египетским обычаям выйти замуж за другого брата, нареченного Птолемеем XIV, который был на два года младше предыдущего царя. Так что негодовавшие доселе на свою царицу египтяне по сути должны были ее боготворить. Ибо она сохранила своей родине независимость, хоть и формальную.

Война в Египте продолжалась восемь месяцев, и все восемь месяцев Цезарь все свободное время проводил с Клеопатрой, оставляя ее лишь на время горячих схваток. Теперь дела требовали его присутствия в Риме, а он все никак не мог расстаться с державной красавицей.

Великий римлянин уже понял, что его несравненная царица — из той редкой породы женщин, которые способны погубить не то что мужчину — государство! Что для нее жизнь и деяния Цезаря?

Все же он медлил. Сладость любви одурманивала мозг, его железная воля, как воск, таяла. Возвращение все откладывалось и откладывалось. Цезарь даже решил было совершить с Клеопатрой увеселительную прогулку по Нилу на корабле. Но внезапно пришли столь грозные вести с востока, где на римские владения напал Фарнак, царь Боспо-

ра (государство в северном Причерноморье), а легионеры так вызывающе выказали свой протест, что Цезарь, наконец, опомнился.

Последовало быстрое прощание. Заботясь о своей возлюбленной, он оставил ей для защиты от коварных интриганов вроде Потина два отборных легиона. Под сенью их значков Клеопатра могла отныне не беспокоиться за свою жизнь и свой престол.

Спустя несколько месяцев после отъезда Цезаря Клеопатра родила ему сына, назвав его Птолемеем-Цезарионом. Прошел еще год.

Завершив очередной поход и направляясь в Рим, Цезарь пригласил туда Клеопатру. Воспоминания о ней до сих пор обжигали его душу, отзываясь томительной истомой во всем теле. Лучшей женщины он не встречал за всю свою жизнь.

В Вечном городе Клеопатра присутствовала на торжественном шествии триумфатора, которого встречала ликующая толпа. За колесницей Цезаря многокилометровой колонной шли пленники, которых захватил первый гражданин Рима в последних войнах. Среди пленниц Клеопатра увидела и Арсиною. Встретившись взглядом со старшей сестрой, Арсиноя умоляюще посмотрела на Клеопатру, но царица, холодно улыбнувшись, отвела взор, дав понять, что не простит бунтарку. «Горе побежденным!» В бесспорной справедливости этой поговорки на первой же встрече убедил ее Цезарь.

Клеопатра приехала в Италию со всей семьей: сыном Цезарионом и мальчиком-мужем, которому она из милости иногда позволяла целовать подошвы своих сандалий, а он, бледнея от бессильного гнева, боясь ослушаться, падал ниц, исполняя ее приказания и называя не иначе, как «богиня» (по ее же требованию). Возвращая сладость памятных египетских ночей, Цезарь с наступлением темноты навещал богатую виллу на берегу Тибра, где поселил царицу.

Цезарь приказал отлить золотую статую Клеопатры, которую установил в храме Венеры, чем навлек на себя небывалый гнев римлян, свято относившихся к своим богам. Немало сплетен появилось о его любовных похождениях с чужеземкой. Передавались слухи, что Цезарь готовит закон, по которому он волен жениться на женщинах, от каковых хотел бы иметь детей; что он собирается назначить сына Клеопатры Цезариона своим наследником. Еще

ужаснее предыдущих была «весть» о том, что столицу из Рима перенесут в Александрию.

Слухи сами по себе не рождаются. В римском сенате у Цезаря хватало врагов. Они-то, вероятно, и пытались опочерчить недруга в глазах народа.

Умом Цезарь понимал, какую опасную игру затеял, отдав себя в рабство египетской царице, но расстаться с Клеопатрой не мог. На то она и была «роковой женщиной», чтобы устранять любые помехи на пути к желанной цели. Ей удалось добиться своего: Цезарь принадлежал ей, она могла диктовать ему свою волю, отдавая взамен страсть и любовь. И терять его она вовсе не собиралась.

Все-таки Клеопатра была никчемным политиком. Да, увидев триумф Цезаря, ликующую толпу, она не сомневалась в силе и могуществе этого человека. Потому, прожив два года в Риме, не интересовалась его окружением, расстановкой сил в сенате, не ведала о росте оппозиции, направленной против своего избранника. Ей принадлежали ночи Цезаря. Увы, она плохо знала его дни. Конечно, она чувствовала, как растет неприязнь римлян к ней, но что для нее мнение толпы?! Тем более Цезарь, приходил к ней, успокаивал, обещая все, что она требовала.

15 марта 44 года до нашей эры Цезаря убили в сенате. Когда Клеопатра узнала об этом, она поначалу не поверила: столь ошеломляющим было для нее известие. Только ночью, когда никто не пришел в ее дом, а стража в страхе разбежалась, Клеопатра поняла: все ее планы, честолюбивые мечты разом рухнули. В один день она собралась и отбыла в Египет.

Сразу после смерти Цезаря вспыхнула война между его сторонниками и противниками, которыми руководили организаторы убийства Цезаря — Кассий и Брут. И те, и другие требовали военной помощи от Клеопатры. Она оказалась между молотом и наковальней, стараясь, однако, по мере сил не ссориться ни с одной из враждующих сторон. Против Брута и Кассия воевал известный уже Клеопатре Марк Антоний.

Почти два года сражались римляне между собой. За это время в жизни Клеопатры произошло лишь одно значительное событие: умер ее малолетний супруг. Ходили слухи, что Клеопатра его отравила, однако это было не так. Замученный усложненным ритуалом поклонения царице, забитый Птолемей XIV сам принял яд, дабы покончить со своим униженным существованием. Теперь все надежды

Клеопатры устремились к маленькому Цезариону, которого и Марк Антоний признал наследником Цезаря.

Война закончилась победой цезарианцев, и Антоний стал правителем азиатских провинции Рима. Талантливый полководец, обжора, пьяница, женолоб, притом — никудышный политик и грубый солдафон, он теперь принимал дары и почести от восточных государей, купаясь в славе и роскоши. Все склонили головы перед новым римским владыкой. Все, кроме Клеопатры. Антоний, устав ждать царицу египетскую, послал к ней своего приближенного, полководца Квинта Деллия.

Последний, за годы смуты несколько раз перебежавший из одного лагеря в другой, как никто жаждал упрочить свое положение при Антонии. Увидев Клеопатру, он сразу же понял, что царица — его шанс. Как и то, почему Цезарь не смог порвать с ней. Деллий рассыпался перед царицей в льстивых любезностях, уверяя, что сможет помочь ей возвыситься.

За хороший совет не грех заплатить. Долгие годы общения с разными мужчинами научили Клеопатру читать в их душах, как по раскрытой книге. Ночь ласк сделала Деллия ручным и послушным. Сейчас ей надо было знать об Антонии все, и к утру все ее тревоги уже рассеялись: она поняла, с кем придется иметь дело, потому решила, вопреки советам Деллия, не спешить на поклон к властителю Азии. Женским чутьем она понимала, какой срок целесообразно ждать, чтобы покорить его наверняка.

Пришло еще несколько посланий Антония, с каждым разом все более нетерпеливых. Наконец, прилетело еще одно, грозное, словно рев раздраженного зверя. Только тогда Клеопатра тронулась в путь.

Антоний находился в Тарсе, одном из городков Киликии, небольшого царства, расположенного на юго-востоке малой Азии. Здесь на городской площади он чинил суд и расправу, как вдруг прослышался шум с реки. То приближалась к берегу Клеопатра.

Плутарх писал, что она плыла «на ладье с вызолоченной кормой, пурпурными парусами и посеребренными веслами, которые двигались под напев флейты, стройно сочетавшийся со свистом свирелей и бряцаньем кифар. Царица покоилась под расшитую золотом сенью в уборе Афродиты, какую изображают ее живописцы, а по обе стороны лежа стояли мальчики с опахалами — будто Эроты на картинках. Подобным же образом и самые красивые рабыни были

переодеты Нереидами и Харитами и стояли кто у кормовых весел, кто у канатов. Дивные благовония восходили из бесчисленных курильниц и растекались по берегам. Толпы людей провожали ладью по обеим сторонам реки, от самого устья, другие толпы двинулись навстречу ей из города, мало-помалу начала пустеть и площадь, и в конце концов Антоний остался на своем возвышении один. И повсюду разнеслась молва, что Афродита шествует к Дионису на благо Азии. Антоний послал Клеопатре приглашение к обеду. Царица просила его прийти лучше к ней. Желая сразу же показать ей свою обходительность и доброжелательность, Антоний исполнил ее волю. Пышность убранства, которую он увидел, не поддается описанию, но всего более его поразило обилие огней. Они сверкали и лили свой блеск отовсюду и так затейливо соединялись и сплетались в прямоугольники и круги, что трудно было оторвать взгляд или представить себе зрелище прекраснее.

Еще до приезда Клеопатры, посылая египетской царице приказы о спешном приезде, Антоний имел немало сведений о ее помощи своим противникам. Этим он хотел утратить ее и потребовать значительную денежную контрибуцию, какую брал с других городов и провинций. Необычный прием, устроенный Клеопатой, сбил его с толку, ошеломил и заставил забыть о претензиях.

На следующий день он попытался угостить царицу ответным обедом. Но насколько же убог и невыразителен был его званый пир! У Антония хватило ума первым раскритиковать собственную затею и делал он это с таким огорчением, что Клеопатра милостиво простила его.

Ни о каких претензиях к Египту, упоминавшихся в письмах, речи уже не велось. Победоносный воинственный обратился в смиренного просителя. Он молил. Молил ее о ласках, о которых уже мечтал, не чая дожидаться желанного часа.

Настала пора диктовать требования прекрасной египтянке. Антоний собственным декретом признал сына Цезаря и Клеопатры наследником короны Египта. По желанию царицы ее сестра Арсиноя, которой удалось бежать из Рима, была задушена прямо в храме Артемиды, где она пыталась укрыться от убийц.

Римлянин позволил увезти себя в Александрию. В столице Египта празднества и пиршества следовали одно за другим. Да еще какие! Даже два века спустя, после забав и развлечений таких мастеров этого дела, как Нерон,

александрійское житие римского правителя и египетской царицы по-прежнему считалось неподражаемым образцом.

Пока Антоний нежился под ласками Клеопатры, в Риме шла ожесточенная борьба за власть между Фульвией, женой Антония, и приемным сыном Цезаря — Октавианом. Политические баталии и интриги переросли в новую гражданскую войну. Октавиан вместе с полководцем Марком Випсанием Агриппой осадили в крепости Преузия брата Антония — Луция. После пятимесячного сопротивления Луций Антоний сдался. Фульвия бежала в Грецию. Луция же освободили из-под стражи. И, видимо, не случайно.

Лишь известие о поражении брата и жены заставило Марка Антония разомкнуть объятия Клеопатры и отправиться спасать собственную судьбу. В Греции он встретился с Фульвией. Когда супруг, обретший неожиданное счастье с бывшей любовницей Цезаря, объявил ей о разрыве, Фульвия испытала неслаханное потрясение. Ради кого, ради чего она боролась. Оставшись одна, не могла понять, зачем ей жить дальше. Зачем?!

Жена Антония слегла и вскоре скончалась.

Октавиан еще не обладал достаточными силами для открытой схватки с самим Антонием. Он запросил примирения (потому, наверное, и пощадили Луция). Его соперника это вполне устраивало: жесткая походная кровать разительно отличалась от роскошного ложа Клеопатры, израненная грудь ныла, вспоминая прикосновения легких, возбуждающих пальцев царицы, ее горячие поцелуи и обжигающие ласки. В общем, грозный прежде воитель теперь отнюдь не рвался в бой.

Правда, Октавиан настоял, чтобы тот женился на его сестре Октавии, одной из уважаемых женщин Рима той поры. Антоний, поколебавшись, согласился. О Клеопатре не было сказано ни слова. Не упоминала о ней и новобрачная. Мало ли девок и шлюх, в самом деле, путается в ногах у воина!

После свадьбы супруги отправились в Афины, где зажили как примерная семья, у них родились две дочери, обеих называли Антония. Старшая и младшая. Антоний словно забыл о Клеопатре, и Октавии казалось, что беспутная египетская царица навсегда канула в прошлое.

Но мог ли Антоний забыть ее? Память то и дело подкидывала александрийские воспоминания. Заводится праздничный пир в доме, и Антоний тотчас, как будто наяву, видит иное. Однажды, изумленный роскошью устроенного

Клеопатрой пиршества, он в восторге воскликнул, что никогда ничему подобному уже не бывать. Царица тут же возразила:

— Этот обед просто жалок! Я готова поспорить с тобой, мой друг, что завтра я задам пир роскошней этого, и он будет стоить десять миллионов сестерций! Хочешь поспорить со мной?

Антоний принял пари. На следующий день застолье, конечно, тоже поражало воображение. Однако римлянин не увидел в нем особых отличий от предшествующего.

— Клянусь Бахусом, здесь нет запаха десяти миллионов сестерций! — громогласно воскликнул он.

— Я знаю, — спокойно согласилась Клеопатра. — Но все, что ты видишь здесь, лишь необходимые принадлежности. Я одна выпью на десять миллионов сестерций...

Она вытащила из левого уха серьгу — огромную жемчужину, воистину восьмое чудо света, бросила ее в золотой кубок с уксусом. Когда жемчужина растворилась там, кубок был медленно осушен. Царица также хотела поступить и с сережкой из правого уха, но вмешался судья пари, консул Планк, объявив, что Клеопатра и без того уже выиграла...

Октавия не любит шумных развлечений, тихо проходят дни в доме, а разгоряченный бокалом терпкого красного вина Антоний вспоминает вновь...

...Какие карнавалы устраивались в Александрии! Он и Клеопатра в костюмах Бахуса и Афродиты. За ними с музыкой и непристойными плясками, визгом и гиканьем, пением и выкриками идут полторы тысячи сатиров, восемьсот рабынь, одетых нимфами, сотни амуров с луками и стрелами. В такие вечера весь город вливался в их шествие, которое вела она, великая царица, соединяющая в себе азиатское великолепие, египетское величие, греческую изнеженность и извращенность, силу и распущенность римлян.

Каждый обед готовился на двенадцать человек. Каждый день восемь кабанов крутились на вертелах, целая когорта поваров колдовала над своими блюдами. Достаточно легкого знака, жеста, движения, чтобы возникало что-то особенное, диковинное, небывалое. Толпы певиц, мимов, жонглеров, магов и комедиантов ждали своего часа, готовясь поразить, удивить своим искусством. А морские битвы, разыгрываемые в порту, бег квадриг на ипподроме и схватки львов в цирке!

Клеопатра умела непристойно ругаться, и эти ругательства были похожи на музыку из ее уст. Она никогда не куксилась, получив оплеуху от Антония, царственно прощая ему эту шальную грубость. По его знаку она готова была сбежать с ним куда угодно с любого приема и вожденно отдаться, отдаться немедленно, хоть под кустом, как последняя шлюха. Буквально через минуту после этого она изысканно благодарила гостей за приветствия в ее честь, лучезарно улыбалась и покоряла всех невинностью взгляда и робким смущением.

Частенько по ночам, переодевшись в костюмы простолюдинов (она в платье служанки, он — в тряпье носильщика или матроса), они отправлялись в портовые кабаки и кутили там вовсю. Нередко попойки заканчивались шумными драками, в которых Антонию несмотря на его силу и ловкость, подчас изрядно перепало. Покушались ночные собутельники и на сладкие прелести Клеопатры... Антоний гордился тем, что ни разу в таких переделках не уступил подруги...

Октавия была заботливой матерью, проводя много времени с дочерьми, Антоний же не знал, куда себя девать. Постепенно эта прекрасная жизнь стала надоедать ему, задыхался он в чинном семейном мире.

К счастью для него, началась новая война с Парфией, огромным азиатским государством, протянувшимся от Каспия до Инда и не желавшим покоряться римлянам. Было решено усмирить парфян железной рукой. Однако поход 36 года до нашей эры оказался для Антония неудачным. Он понес значительные потери. Возможно, поражение обострило память о прекрасной и желанной царице, кто знает.

«Любовь к Клеопатре», — пишет Плутарх, — эта страшная напасть так долго дремавшая и, казалось, окончательно усыпленная здравыми рассуждениями, вспыхнула вновь и разгоралась все жарче, по мере того, как Антоний приближался к Сирии. Отсюда из Сирии он послал людей за Клеопатрой. Та приехала, и он тут же подарил ей Финикию, Келесирию, Кипр, значительную часть Киликии, рождающую бальзам область Иудеи и половину Набатейской Аравии. Он открыто признал своими детьми близнецов, которых ему родила Клеопатра: Александра и Клеопатру...» Антоний, продолжает Плутарх, «прекрасно умел находить благовидные поводы для самых неблагоприятных поступков, он говорил, что величие римской державы обнаруживает себя не в стяжаниях, но в дарениях и что мно-

гочисленное потомство и появление на свет будущих царей умножает знать».

После этого они на короткое время расстались, Клеопатра вернулась к себе в Александрию, завернув по пути в свое новое владение — Иудею, где обогатила свою коллекцию любовников новым приобретением, красавцем-царем Иродом. Антоний остался в Сирии и с нетерпением ждал возвращения Клеопатры. Часами просиживал он на берегу моря и с грустью поглядывал вдаль: не появится ли заветный корабль.

Октавия пробовала вызвать мужа в Афины, умоляла его приехать. Тщетными были ее мольбы. Антоний, как прикованный, не двигался с места.

Он дождался возлюбленную. На этот раз они встретились, чтобы не расставаться. Царица посадила Антония на свой корабль и увезла в Александрию. Она убедила полководца, что не может более прожить без него и дня, являла собой живое отчаяние, лила слезы. Могущественного любовника надо было вывозить во что бы то ни стало, ибо Клеопатра знала, сколь решительные меры предпринимает Октавия для возвращения мужа. Впрочем, Антоний и сам радовался, попав в плен к египтянке.

Разлучился он с ней ненадолго через два года, когда совершил победоносный поход против Армении, после которого впервые в истории триумфальное шествие прошло не в Риме, а в Александрии. Грозный римский правитель страстно желал, чтобы царица также удостоилась великих почестей.

После празднеств по приказу Антония на серебряном возвышении было поставлено два золотых трона — для него и Клеопатры. Отсюда триумфатор провозгласил, что его любовница отныне царица царей, сын Юлия Цезаря — царь царей. Клеопатре совместно с Цезарионом передавались Египет, Кипр, Африка и Келесирия (южная Сирия). Старший сын Клеопатры и Антония Александр становился царем Армении, Мидии и Парфии (как только эта страна будет завоевана), дочь — тоже Клеопатра — объявлялась владычицей царства Ливийского, их младшему сыну — Птолемею — вручались Финикия, Сирия и Киликия.

На этой церемонии распределения царств Клеопатра впервые появилась в узком, плотно облегающем тело платье богини Изиды. Она и звала себя теперь Изидой, добившись разрешения Антония изображать его на картинах и в скульптурных композициях рядом с собой в облике

Осириса — египетского бога, мужа Изиды. Антоний в свою очередь потребовал, чтобы изображения царицы помещали на обратной стороне государственных монет. Его же имя легионеры могли вырезать на своих щитах. Когда Клеопатру несли по улицам Александрии на курульном кресле, он следовал за ней пешком в толпе царедворцев в пурпурном платье, словно один из вернейших подданных.

Так продолжалось до 32 года до нашей эры. Они стремились чем-то услужить друг другу и не знали меры в счастье и любви.

Октавиан безраздельно властвовал в Риме. Однако Антония здесь еще поддерживали многие из его старых соратников, такие, как Доминиций Агенобарб, и это беспокоило недоверчивого Октавиана. Он не мог беспечно спать по ночам, пока Антоний был жив и своими безумствами каждый час напоминал о себе. Правда, теперь никакие родственные узы их не связывали. Октавия давно получила развод и воспитывала от первого и второго (с Антонием) брака детей.

Наконец, Октавиан решился на открытую схватку. Он изгнал из сената сторонников Антония, приказал вскрыть хранившееся у жриц богини домашнего очага Весты — весталок — завещание Антония, чтобы показать всем, какие распоряжения в нем отданы в пользу Клеопатры и ее детей вопреки интересам Рима. Возмутило римлян и требование Антония похоронить себя в Александрии.

Вечный город уже был готов к распре между правителями. Мальчишки давно играли в войну «Цезаря с Антонием» (Гай Октавий после усыновления Юлием Цезарем именовался Гай Юлий Цезарь Октавиан), в народе ходили памфлеты, в которых с одной стороны осмеивался Октавиан (римлянам довелось претерпеть немало лишений и репрессий за годы его власти), а с другой — выставлялись на посмешище шутовские восточные пиры Антония. Ожидали столкновения и в Египте. Клеопатра снарядила и отдала Антонию 60 боевых кораблей и одарила его армию огромной суммой в двадцать тысяч талантов.

Ожидая сбора всех сил, как пишет Плутарх, «Антоний и Клеопатра отплыли на остров Самос (в Эгейском море — Авт.) и там проводили время в развлечениях и удовольствиях... Чуть ли не целая вселенная гудела от стонов и рыданий, а в это самое время один-единственный остров много дней подряд оглашался звуками флейт и кифар, театры были полны зрителей, и хоры усердно боролись за первен-

ство... В народе с недоумением говорили: каковы же будут у них победные празднества, если они с таким великолепием празднуют приготовление к войне?...»

Нам думается, что Антоний обязан был предвидеть значение предстоящей битвы. Однако в свои 50 лет полководец выглядел уже стариком, его руки плохо держали меч. Сознавая, что, возможно, грядущее сражение — последнее в жизни, он хотел продлить счастье, которое ему дарила 37-летняя Клеопатра. Скажем больше: мы уверены, что ему совсем не хотелось воевать, бесконечный праздник, в котором протекало бытие Антония и Клеопатры, совсем изнежил старого солдата. Между тем, преимущество в силах было на его стороне: 100 тысяч воинов и 500 боевых кораблей, у неприятеля — 80 тысяч воинов и 250 кораблей.

Сегодня, бросая взгляд на эту короткую войну Антония с Цезарем Октавианом, удивляешься, сколь неразумно и опрометчиво, словно новичок в ратном деле, повел себя Антоний. Он не только не удалил Клеопатру с театра военных действий, напротив, точно совсем сойдя с ума от любви доверил ей командование частью своего морского флота. Из-за этого у него произошел разрыв с лучшими военачальниками, покинувшими Антония из-за постоянных стычек со своенравной царицей, которая активно вмешивалась в разработку планов кампании.

В решающей морской битве при Акциуме 2 сентября 31 года до нашей эры именно Клеопатра подвела Антония. Нервы у нее не выдержали, она со своими кораблями бросилась прочь в самый разгар сражения. За нею, бросив все, как сумасшедший, помчался Антоний, и Марк Випсаний Агриппа, лучший полководец Октавиана, наголову разгромил лишившийся командования флот. Несколько дней спустя Цезарю сдались и сухопутные войска его противника.

Антоний и Клеопатра бежали в Египет. Летом 30 года до нашей эры сюда из Сирии двинулась армия Октавиана. Узнав о наступлении врага, Антоний пытался покончить с собой, но друзья помешали ему это сделать. Вообще бывший триумфатор выглядел жалким и потерянным. В ожидании неизбежного конца он занялся... постройкой башни на морской дамбе, куда хотел уединиться навсегда. Первое время, точно осознав, что наделал, допустив Клеопатру к решающей схватке на море, он избегал встреч с нею, но разрыв оказался недолгим.

В отличие от Антония Клеопатра быстро пришла в себя

и активно занялась укреплением обороны Египта, вербовала союзников, вооружала народ, записав даже Цезариона в ополчение. Своего возлюбленного, полностью утратившего интерес к воинским делам, увлеченного нелепым строительством она постаралась привести в чувство с помощью старых испытанных методов: пышных празднеств и кутежей.

Увы, немного спустя и у царицы опустились руки. Пришла весть, что с запада, от североафриканского города Кирена на Александрию идет второе вражеское войско под командованием Корнелия Галла. Противостоять двум мощным армиям было невозможно.

Потеряв надежду на победу, Клеопатра по ночам спускалась в подвалы дворца и смотрела, как опробывают на рабах различные яды. Она готовила себя к худшему. «Опыты» убедили ее, что самая безболезненная смерть — от яда египетского асида: не причиняет страданий, человек быстро погружается в длительный сон и уже не просыпается. Кроме того, по египетским верованиям укус асида сулил бессмертие. Конечно, укус случайный, но царица предусматривала именно такой вариант.

Вместе с тем она лихорадочно искала самые разные пути для спасения. Можно было, например, бежать морем в какую-либо другую страну, благо сокровищ с избытком хватало для беспечной и сладкой жизни всему ее семейству. Однако точно неуловимый рок пресекал любую попытку уберечься, едва она успевала подумать о ней. Так, не успев еще толком спланировать морской вариант побега, Клеопатра с ужасом узнала, что арабы сожгли все ее корабли, которые она приказала перевести в Красное море. И снова она спускалась в подвал, наблюдая как засыпают рабыни от нечувствительного, почти кроткого, укуса асида. Тем временем ее доверенные гонцы уже летели навстречу Октавиану, пытаясь задобрить, убедить его, что в происшедшем виноват лишь один Антоний. Она только несчастная жертва и выполняла прихоти этого злодея...

Октавиан, желая заполучить ее сокровища для уплаты своим легионам и саму царицу — дабы с триумфом вернуться в Рим, — сулил Клеопатре снисхождение. Армия же его неумолимо шла вперед. Он боялся, что египетская владычица сбежит вместе со своими богатствами.

Придя в себя, Антоний решил умереть в бою, как и подобает солдату. Спешно набрав войска, он храбро сражался с неприятелем, даже сумел отбросить его. Тогда Октавиан

решил войти в Александрию с другой стороны, где Клеопатра, еще надеясь на что-то, сдала ему пограничный город-крепость. Впрочем, на следующий день к Цезарю перебежала конница Антония, сдались его корабли.

Антоний, поняв, что все пропало, ринулся в Александрию спасать свою возлюбленную, свою голубку.

Клеопатра укрылась в специально построенной для нее гробнице. Здесь она собрала все свои несметные сокровища, поклявшись их сжечь вместе со своим трупом, если Октавиан не простит ее. Смертельно боялась царица и мести за измену. Поэтому когда Антоний, как сумасшедший, ворвался во дворец, подготовленные слуги сообщили, что Клеопатра умерла. Услышав столь страшное известие, полководец в отчаянии приказал убить себя верному рабу. Тот не посмел поднять руку на господина и закололся. Тогда Антоний схватил меч и вонзил его себе в живот.

Клеопатре доложили о случившемся. Царица приказала принести ей тело своего защитника. Он еще дышал, когда его внесли в гробницу. Царица не успела обнять бывшего возлюбленного: Антоний скончался. Оставалось ждать сигнала от своих людей, которые вели переговоры с Октавианом.

Услышав о планах победителя заковать ее в золотые цепи и провести по улицам Рима, Клеопатра поняла: пощады не будет. Она приказала принести ей аспида.

Еще несколько дней назад Октавиан получал от нее угрозы, что если не сдержит своего слова о милости, царица сожжет себя вместе с сокровищами... Теперь это было невыполнимо. В руках врага четверо ее детей, в его власти их жизнь, он убьет их, если лишится добычи. Что ж, пусть забирает золото, драгоценности. Но она в руки ему живой не дастся...

В последнем письме Октавиану Клеопатра попросила похоронить ее рядом с Антонием. Едва Цезарь получил это послание, он тотчас отправил к ней своих слуг. Вместе с ними спешили знахари, умевшие укрощать змей и высасывать яд из ранок: уже было известно, как, к какой смерти готовилась царица.

... Неизвестный крестьянин под вечер принес ей корзину сладких фиг, на дне которой была змея. Она спала. Жарко горели факелы в гробнице, курилось благовоние. Проснувшись, Клеопатра велела принести ей праздничные одежды, одела их. Затем уколом иголки разбудила аспида. Мгновенно последовал почти безболезненный укус. Через

секунды сознание стало туманиться, царица медленно погружалась в вечный сон. Две служанки вслед за госпожой острыми уколами подвигли аспида на новые укусы.

Первая, Ира, тоже заснула у ног царицы, вторая же, двигаясь как в полусне, поправляла складки платья и диадему Клеопатры; с легким румянцем на щеках возлежавшую на золотом ложе. Такую картину увидели римляне, когда ворвались в гробницу. От терпких запахов у легионеров закружилась голова и они не посмели приблизиться к ложу царицы.

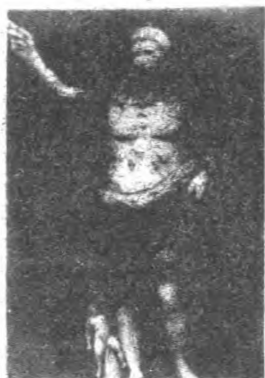
На их глазах упала замертво и вторая служанка...

Октавиан, выполняя волю Клеопатры, приказал похоронить ее рядом с Антонием, устроив пышное погребение. С почетом похоронили и обеих служанок царицы. Завоеватель приказал повсеместно убрать в Александрии статуи Антония, не трогая мраморные изваяния Клеопатры, так как ему заплатил за них две тысячи талантов один из ее друзей. Были казнены Цезарион и Антулл, сын Антония от Фульвии — Октавиан видел в них претендентов на власть. Остальных же детей Антония и Клеопатры он воспитал в своей семье.

К этому времени Гая Юлия Цезаря Октавиана уже величали Августом, что означало «Божественный». С него началась новая эпоха — эпоха Римской империи — расцвет и будущий закат могучего Рима.

ЛИВИЯ

(58 до н. э. — 29 н. э.)

В Риме до сих пор рассказывают, что первые пятьсот лет со дня основания города в нем не было ни одного развода. К женщине относились с вниманием и любовью, ее берегли и деляли. Однако эпоха поздней республики, императорский Рим, о котором и пойдет наш рассказ, — время совершенно противоположное.

Претор (одна из высших должностей, вел судебные дела) Плавтий Сильван, например, как рассказывает Тацит, попросту выбросил чрезмерно надоевшую жену из окна спальни и, не моргнув глазом, заявил на суде, что у нее самой появилось такое желание. Развод превратился в столь массовое явление, что философ Сенека не без сарказма замечал: «Ни одна женщина не постыдится развестись, потому что женщины из благородных и знатных семейств считают годы не по числу консулов, а по числу мужей. Они разводятся, чтобы выйти замуж и выходят замуж, чтобы развестись».

Когда семья, брак перестают быть ценностью в обществе, их место заполняет разврат, наступает время крушения нравственных норм. Рискнем сказать, что распад великого Рима начался уже в эпоху его наивысшего расцвета при Октавиане Августе. Уже тогда семья из опоры человека превратилась в некое средоточие удовольствий.

Ливия Друзилла — супруга Октавиана — была сперва женой Тиберия Клавдия Нерона и родила от него двух сыновей — Тиберия — будущего императора и Друза Старшего. Замуж за Августа она вышла в девятнадцать лет. Уже один этот поступок красноречиво говорит о характере Ливии, женщине, как писали историки, решительной и не знающей сомнений.

Августу не везло с супругами. В молодости он был обручен с дочерью Публия Сервилия Исаврского, пламенно любил ее, но по требованию легионов и по политическим расчетам женился на Клавдии, падчерице Марка Антония (дочери Фульвии от Публия Клодия), совсем еще девочке. Брак оказался воистину мимолетным: едва поссорившись с Фульвией, Октавиан не медля отослал Клавдию обратно к матери, даже не прикоснувшись к юной жене. Затем последовала скоропалительная женитьба на Скрибонии, которая до Августа сумела дважды побывать замужем за консулами и от одного родить ребенка. Скрибония, отмечали историки, обладала сквернейшим характером, то и дело закатывала Августу скандалы, истерики и, он увидев мягкую, покорную (на первый взгляд!) и красивую Ливию, увел ее от мужа, не ожидая даже родов.

Не стоит, однако, думать, что Август отличался благонаравием. Марк Антоний и Луций Антоний публично обвиняли его в сожительстве то с Цезарем, то с Авлом Гирцием, то с замужними женщинами. Причем сторонники Октавиана, защищая его, не отрицая факты в принципе, объясняли все эти поступки чисто политическими мотивами. Кстати, те же подручные Августа сами подбирали ему девушек из почтенных семейств, их божественный император любил лишать девственности. Впоследствии, узнав об этой пагубной страсти мужа, поставкой невинных девиц занялась Ливия.

Вот что писал Августу Марк Антоний, с которым он тогда еще дружил: «Что заставило тебя переменить свое мнение обо мне? Или то, что я живу с царицей? (Речь идет о Клеопатре — Авт.) Но она мне жена. Я начал вети себя так теперь или девять лет тому назад? А ты разве живешь с одной Друзиллой? Ручаюсь, что, читая мое письмо, ты успел переспать с Тертуллой или Терентиллой, Руфиллой, Сальвией, Титезенией, а не то и со всеми! Разве не все равно, где и с кем ты живешь?»

Несмотря на молодость, Ливия оказалась столь хитрой и энергичной, что быстро подчинила себе Августа, кото-

рый, правда, был всего лишь на пять лет старше ее. Немало толков и тогда и позже вызывало то обстоятельство, что у Ливии и Августа не родились дети, хотя каждый из них имел сыновей и дочерей от других жен и мужей. Причем оба мечтали, чтобы их брак не остался бесплодным, особенно Ливия. Так она надеялась еще сильнее укрепить семью — самое главное в ее жизни. Хотя Ливия частенько вмешивалась в дела государственные, дом все же был ей ближе.

Кое-кто предполагал, что Ливия оказывала на Августа своеобразное магическое действие, и он попросту боялся быть с ней мужчиной, что не случалось у него в отношениях с другими женщинами.

Действительно, всемогущий император относился к жене с величайшим почтением. Светоний, к примеру, писал, что Август, прежде чем беседовать с Ливией о каких-либо важных делах (что он делал нередко) записывал свои мысли на бумагу и потом, при разговоре старался держаться этих записей, дабы случайно не сказать слишком много или слишком мало. Император Калигула, правнук Ливии, помня об ее уме и необычайной хитрости, назовет прабабку «Одиссеем в женском одеянии».

По словам историков, даже красавиц-сириек, с которым более всего любил забавляться Август, Ливия подсылала к нему так незаметно, что он и не знал поначалу, кто это делает.

Да, Ливия делала все, чтобы удержать мужа. И не только ради семьи. Она любила власть сама и хотела передать ее своим сыновьям. Недаром Тацит называл императрицу «матерью опасной для государства, и злой мачехой для семьи Цезарей».

По Риму ходили упорные слухи, что не без ее участия умерли в юном возрасте усыновленные Августом племянник Марцелл и внуки Гай Цезарь и Луций Цезарь. Ливия сыграла решающую роль в печальной судьбе последнего усыновленного внука Октавиана — Агриппы Постума (сын его дочери от Скрибонии — Юлии). Она все уши прожужжала Августу о буйствах Агриппы, и дед, потворствуя жене, сослал внука на остров в Тирренском море. После смерти Августа Агриппу Постума тотчас убьют. Вероятнее всего по приказу Ливии, расчищавшей путь навверх собственному сыну Тиберию.

Надежда увидеть его императором столь сильно владела Ливией в последние годы жизни Октавиана, что римляне

даже подозревали, не помогла ли она мужу умереть. Ведь за несколько месяцев до кончины Август неожиданно отправился на остров к Агриппе Постуму. Дед и внук выказали друг другу знаки взаимной любви, и появилась надежда, что несчастный юноша скоро окажется в Риме.

Ливия тогда не ездилась с мужем, Август в это путешествие брал с собой лишь близкого ему Фабия Максима. Последний по возвращении, как полагают, все рассказал своей жене, а та, не удержавшись, передала суть разговоров Ливии. Вскоре Фабий Максим, нежелательный для Ливии свидетель, умер, и на похоронах жена осыпала себя упреками в том, что стала виновницей его смерти.

Не успел император приехать от Постума, как Ливия тотчас послала за Тиберием, ушедшим с войском из Рима, и, не дожидаясь возвращения сына, окружила виллу в Нолле, близ Неаполя, где Август отдыхал в уединении, крепкой старшей. Периодически распространялись вести о добром здравии императора. Так ли это было на самом деле, был ли он еще жив, сказать сложно. Ведь едва Тиберий появился в Риме, последовало сообщение о скоропостижной кончине Октавиана Августа.

Императором провозгласили сына Ливии. Поскольку Август по ее настоянию объявил Тиберия наследником и назначил своим соправителем, смена владык прошла без всяких трудностей.

В завещании Август принял Ливию в род Юлиев и даровал своей любящей женушке титул Августы, то есть «божественной». Она, в свою очередь, устроила дорогому муженьку роскошные истинно царские похороны.

Естественно, Тиберий догадывался, каким способом маменька привела его за руку к императорскому трону. Немудрено, что он, думается, побаивался самолюбивой и властной Ливии, все время держась в тени ее могущества. Еще при жизни мать императора почитали как богиню во многих римских провинциях. Она умерла в 29 году нашей эры, благополучно дожив до 86 лет. Ее внук Клавдий уже официально своим вердиктом причислил бабушку к числу римских божеств.

Любопытен и тот факт, что Тиберий на похороны матери не приехал. Велик, вероятно, был его страх к ней — даже мертвой. Страх и ненависть. Тот же Тацит, который не очень-то жаловал Ливию за ее властолюбие, написал, что после ее смерти «наступила пора безграничного и беспощадного самовластия, ибо при жизни Ливии в ее лице

все же существовала какая-то защита для преследуемых, так как Тиберий издавна привык оказывать послушание матери».

Таково краткое жизнеописание жены Октавиана Августа. Ливия менее известна, чем супруги других императоров, о которых пойдет речь далее. Мы решили рассказать о ней читателю, ибо она первая проложила с помощью любви дорогу к власти и передала ее по наследству, управляла Римским государством с помощью любовных чар и, как видим, весьма успешно.

МЕССАЛИНА

(ок. 25 — 48 н. э.)

Прожив всего двадцать три года, Валерия Мессалина, правнучка Октавии Младшей, родной сестры великого Августа, сумела-таки войти во всемирную историю как самая изощренная развратница. Само имя ее стало нарицательным. Благодаря чему, каким поступкам это юное создание да еще в столь краткий срок сумело заслужить такую громкую «славу»?..

«Но старость — это Рим...» — стихотворная строка, нечаянно оброненная Борисом Пастернаком, удивительно точно отражает духовное состояние Вечного города в начале нашей эры. Великий Рим, куда со всех уголков Империи стекались богатства многих стран и народов; Рим, потонувший в роскоши и разврате, вдруг словно одряхлел и остановился на месте, не зная куда идти дальше, потеряв цель и смысл своего существования.

Закат, как уже говорилось, начался с божественного Августа. Он первым завел личную гвардию преторианцев, которые подчинялись только ему, ввел принципат, став прицепсом (первым из сенаторов), установив фактически монархическую власть.

В 4 году нашей эры Август по настоянию Ливии усыновил Тиберия (последнему шел 46 год). Еще раньше энергичная мать женила Тиберия на Юлии, дочери императора

(предварительно разведя сына с Випсанией, дочерью Агриппы, полководца, друга и сподвижника Октавиана).

Семейная жизнь Юлии и Тиберия не сложилась еще при жизни Августа. Угрюмый Тиберий большую часть времени проводил в военных походах, где он заслужил симпатии и уважение войска. Юлия же предавалась оргиям и любовным утехам, в которых в качестве наставника принимал участие знаменитый поэт Овидий Назон, а роль главного любовника играл сын Марка Антония — Юлий. Он был, правда, женат, но связь с дочерью Августа позволяла ему надеяться на благосклонность императора и, быть может, со временем стать его преемником: мало ли что произойдет с поклонником ратных дел Тиберием. Но с последним ничего не случилось. Любовная же связь получила шумную огласку, и Юлия Антония казнили. Изнеженный и знающий толк в любовных играх Овидий отделался ссылкой. Сама Юлия подверглась суровой опале. На этих наказаниях настояла Ливия, которая, подобно волчице, могла горло перегрызть за собственного сына.

Тиберию исполнилось 66 лет, когда умер великий Август, походы изнурили его плоть, согнули спину, лицо покрыла багрово — красная сыпь. Но власть кружит головы как юношам, так и старцам. Почувствовав, сколь немного осталось до конца жизни, Тиберий тотчас решил наверстать упущенное и остаток отпущенных ему судьбой лет посвятил удовольствиям. Он почти перестал бывать в Риме, предаваясь сладострастным оргиям на островах — то на Родосе, то на Капри. Со.ни прекрасных девушек улажали старика, ненасытного в похоти.

В Риме тем временем один заговор сменяет другой, умирают насильственной смертью претенденты на престол. Погиб Друз, родной сын Тиберия, отравленный своей женой Ливиллой, соблазненной префектом гвардии Сеяном. Ему беспутный Друз както невзначай влепил пощечину. Сеян долго ждал часа отмщения и дождался. Погубителей Друза не обнаружили, потому что наследник вел столь разнузданную жизнь, сожительствуя с кем попало, что трудно было определить, чья же рука подсыпала яд в его кубок. Сеян, возмечтавший после этого убийства о власти над империей, попытался подготовить и совершить переворот, но потерпел неудачу и был обезглавлен.

Новым префектом гвардии Тиберий назначил Невия Макрона, благоволившему молодому Гаю Германику, щеголявшему повсюду в воинских сапожках — калигах — и

заслужившему прозвище «Калигула». Этот смазливый юнец жил с женой Макрона, и она всячески покровительствовала ему, сынку одного из талантливейших полководцев Рима Германика и Агриппины Старшей (дочь Августа). Чем соблазнил циничный Калигула старого рогоносца Макрона, сказать трудно. Судя по всему, возводя после смерти Тиберия на престол его, а не родного внука покойного императора — Тиберия Геммела, Макрон считал, что с грубоватым и солдафонистым Гаем договориться будет намного легче, а сосунок не забудет, кому обязан высшей властью.

Ускоряя ход событий, Макрон душит подушкой умирающего Тиберия, заставляя преторианцев чуть позже кричать громогласно: «Да здравствует император Гай Цезарь Германик!» Префект, безусловно, учитывал, что отца Калигулы Германика воины почитают до сих пор и с охотой выкрикнут знакомое им имя, радуясь, что услужили его сыну — такому же в прошлом солдату, как и они. Никто тогда не догадывался (пожалуй, кроме старого Тиберия), какое чудовище встает во главе государства.

Четыре года, с 37 по 41, правления Калигулы — время насилия, кровавых расправ и разврата. Император задавал в этом тон, не зная ни границ, ни меры. Казни повсеместно сделались зрелищем, а разврат развлечением. Мессалина начинала статисткой в бесконечных эротических представлениях, постановщиком которых был сам Калигула. Он обратил внимание на хорошенькую девицу, подававшую немалые надежды умелой игрой бедрами. Слабоумный и толстый Клавдий, дядя императора, постоянно болтался под ногами, восторженно относясь к театральным затеям племянника, а любое признание всегда елей для жестокого сердца тирана. Вот Калигула и решил отблагодарить родственника миленькой артисткой, приказав Клавдию жениться на ней.

Мессалине тогда исполнилось пятнадцать. Закон в Риме позволял девочкам выходить замуж в двенадцать, а мальчикам в тринадцать лет, так что по тем меркам она уже давно созрела для брака.

Клавдий был старше обольстительной невесты на 35 лет. Рыхлый, болезненный, слабохарактерный, он больше всего на свете любил сладости и древние истории про этрусков — народа, которого благодаря разрушительным нашествиям римлян ко времени Клавдия больше не существовало. Отец Клавдия, Друз Старший (приемный сын Августа)

все жизнь воевал, произведя сына от Антонии Младшей (дочери Марка Антония) в одном из дальних походов на берегу Эльбы, после чего вскоре скончался.

Возможно, походная жизнь и битвы отца, боязнь матери всякий день остаться вдовой сказались на рождении Клавдия, ибо с первого дня его стали буквально преследовать болезни. С самого детства он то страдал глухотой, то заикался, то совсем не мог ходить — не держали ноги. Мало кто верил, что он проживет долго. Антония невзлюбила больного сына и старалась держаться от него подальше, поэтому он воспитывался бабкой Ливией, третьей женой божественного Августа.

Так и внук первого императора нежилась в роскоши дворца на Палатинском холме. Пришел к власти Тиберий, его дядя, потом племянник Калигула — при всех он существовал тихо, мирно, как калека и приживал. Приобретя позже знания, пытался усовершенствовать латинский алфавит, писал длинные речи... Всех это сместило, а Клавдию продлевало жизнь: никто и подумать не мог, что этот слабоумец способен стать императором.

Тем не менее до Мессалины у Клавдия было две жены — Плавтия Урганила и Эгия Петина. С последней он развелся, рассорившись из-за пустяка. Была у него и любовница, Кальпурния, единственный человек, пожалуй, кто по-матерински заботился о нем. Наверное, она смогла бы быть ему надежной и преданной женой, но судьба распорядилась иначе: Калигуле пришло в голову удружить дяде, подарив юную красавицу Мессалину. От нее, кстати, Клавдий имел впоследствии двоих детей: Октавию, будущую первую жену Нерона, и Британика.

Роберт Грейвз, написавший замечательный роман «Я, Клавдий», в котором повествование идет от имени главного героя, так описывает первую встречу Клавдия и Мессалины.

«Мессалина была на редкость красивая девушка, стройная и проворная, с черными, как агат, глазами и копной черных кудрявых волос. Она почти все время молчала и улыбалась загадочной улыбкой, сводившей меня с ума. Она была так рада ускользнуть от Калигулы и так быстро сообразила, какие преимущества принес ей наш брак, что держалась со мной очень нежно, и я вообразил, будто она любит меня не меньше, чем я ее. Впервые с детства я был по-настоящему влюблен, а когда не очень умный и не очень привлекательный мужчина пятидесяти лет влюбля-

ется в очень привлекательную и очень умную пятнадцатилетнюю девушку, ничего хорошего его обычно не ждет. Поженились мы в октябре, в декабре она забеременела. Мессалина, по-видимому, привязалась к маленькой Антонии, которой шел тогда десятый год, и я вздохнул с облегчением: наконец-то, у девочки появилась мать, которая к тому же по возрасту годилась ей в подруги и могла объяснить, как надо вести себя в обществе, и вывезти в свет, чего Кальпурния была сделать не в состоянии».

Грейвз несколько идеализирует своих героев, особенно Клавдия, что для литератора вполне допустимо.

А что же происходило в действительности?

Менее года отделило свадьбу от смерти Калигулы, и все это время Мессалина опасалась заводить романы на стороне, она боялась не столько Клавдия, который, конечно же, не мог умерить ее необузданный темперамент, сколько жестокого императора. Он по своей прихоти казнил любого, и его настроение угадать было почти невозможно.

В 41 году Калигулу убили, и гвардия торжественно провозгласила Клавдия императором. Теперь Мессалина получила возможность наверстать упущенное. Она тотчас набрала себе целый штат любовников и предалась сладострастию.

Мессалине уже исполнилось шестнадцать — это самый рискованный возраст, когда девочка, став женщиной, испытывает повышенную потребность в ласках, чувственном общении, наконец, естественном влечении к мужчине. Старица Клавдия, ленивого от природы, в данном отношении вообще нельзя принимать в расчет. Кроме того, сам воздух Рима той поры был насыщен парами разврата. Мессалина с детства на каждом шагу сталкивалась с открытыми сценами похоти, научилась блаженству любовной ласки еще до знакомства с Клавдием, она едва познала ее, потянулась к ней и вдруг все это оборвалось.

Калигула, сгонявший потехи ради жен сенаторов позабавляться с рабами, по-иному относился к собственному роду, не позволяя близким без крайней нужды даже видиться с кем-либо. Почувствовав в Мессалине алчного похотливого зверька, он недвусмысленно пригрозил ей жестокой карой. Этот запрет посвоему перевернул характер третьей жены Клавдия. Обратившись внезапно в супругу императора, зная слабости, нерешительность собственного мужа, Мессалина решила поначалу восполнить чувственные пробелы, свободно насладиться тем, чего была ли-

шена целый год. Да и потом иметь любовников и любовниц в Риме считалось хорошим тоном, а у Мессалины в этом плане были свои преимущества — она могла выбирать.

Клавдий, уже в качестве императора, от души предался шумным пирам и беседам — ведь теперь его подолгу слушали, не осмеливаясь смеяться над ним. Обильные трапезы занимали подчас целый день. Государственные дела вершили трое приближенных Клавдием вольноотпущенников, которых он давно и хорошо знал — Нарцисс, Каллист и Паллант. Рим начала тысячелетия знал несколько основных социальных групп. Одну из них образовали так называемые вольноотпущенники — бывшие рабы, в большинстве своем уроженцы Востока; клерки знатных римских вельмож, которые торговали по их указу и наживали благодаря этому значительные состояния. К ним и принадлежали названные выше люди, фактически управлявшие империей.

Каллист ведал всем ходом правительственного механизма, следил за указами, за группировками сенаторов; Паллант управлял финансами, Нарцисс руководил внешней и внутренней политикой. Ради справедливости стоит сказать, что все трое фаворитов обладали незаурядными способностями, благодаря им Римская держава не только не развалилась, напротив — ее существование ознаменовалось некоторыми полезными делами и приобретениями. Так, в устье Тибра возникла новая гавань, названная именем Клавдия, что во многом облегчило подвоз продовольствия в Рим. Расширилась водопроводная сеть, было остановлено наступление болот в области Фуцинского озера. Нарцисс, встав во главе войска, завоевал Британию. В честь этой победы Клавдий и назвал своего сына, рожденного от Мессалины, Британиком.

Сии государственные мужи, частые гости дома Клавдия, были немедленно околдованы Мессалиной, точнее, захвачены в плен ее дикой страстью. Сделала она это из чисто познавательного интереса, и поскольку ни один из них не удовлетворил ее ненасытного желания, все трое были напрочь забыты. Но если Каллист и Паллант со спокойным сердцем занялись своими прежними делами, то Нарцисс не смирился с таким обидным отлучением. Он давно уже считал себя во всех отношениях премьером, и чем больше росли его заслуги по части имперских побед и завоеваний, тем больше он переживал отсутствие всякого интереса к

нему со стороны Мессалины. Будь она верна мужу, Нарцисс сумел бы еще это пережить. Однако супруга Клавдия одаривает своим телом каждого встречного, людей более низких и не отмеченных какими-либо талантами, отвергая его, Нарцисса, подлинного правителя Рима!

Чем дальше, тем сильнее задевало Нарцисса равнодушие к нему Мессалины и тем быстрее накапливалась затаенная злорада в сердце первого вольноотпущенника, который теперь зорко следил за каждым шагом императрицы.

Историки утверждают, что Мессалина была подвержена андромании, то есть болезненному влечению к мужчинам. Вполне вероятно. Заболеть подобным недугом в Риме той поры было несложно. «Эротический фон», если и дальше оперировать научными понятиями, достиг в столице империи неопишущего совершенства. Десятки рабынь и наложниц, занятые лишь услаждением своих хозяев, трудились на этой ниве, накапливая искусство любви. Тысячи проституток ежедневно зазывали к себе всех, кто хотел насладиться телесным восторгом.

В Риме проституток называли «люпэ», то есть «волчица», а публичный дом именовался «люпанарием», то бишь «волчьим домом». Когда приезжего в Риме спрашивали, желает ли он комнату «с» или «без», это означало «с девушкой» или «без». Сено для осла стоило 2 асса, девушка — 8. В гостиницах висели прейскуранты на все виды услуг, в том числе и на любовные утехи, тут же перечислялись номера комнат, в которых удовлетворялись подобные нужды. Если девушка была в комнате не одна, она вешала табличку «Занято».

В Помпеях, как выяснили во время раскопок археологи, на двадцать тысяч жителей имелось семь публичных домов, украшенных разными надписями типа «Для любящих жизнь сладка, как для пчел» или «Здесь обитает наслаждение». До четырех часов дня эти заведения не работали, дабы не отвлекать горожан от полезных дел. Если кто-то по каким-либо причинам не хотел идти в публичный дом, он обращался к сводницам — в каждом квартале находилась их контра, а они за умеренную плату мгновенно подыскивали нужный вариант и приводили девушку на дом. Большим спросом у старцев, например, пользовались семилетние девочки, считавшиеся уже большими искусницами по части любви.

Безусловно, люпанарий, считают историки, был идеальным местом для Мессалины. К сожалению, судьба распоря-

дилась иначе, пришлось начинать занятия ремеслом люпэ во дворцовых покоях.

Утверждают, правда, что, пресытившись, она нередко слонялась по притонам Рима. В «Сатирах» Ювенал поведал об этом так:

«Взгляни же на равных богам, послушай, что было /С Клавдием: как он заснет, жена его, предпочитая / Ложу в дворце Палатина простую подстилку, хватала пару ночных с капюшоном плащей и с одной лишь служанкой /Блудная Августа эта бежала от спящего мужа;/ Черные волосы скрыв под парик белокурый, стремилась /В теплый она лупанар, увешанный ветхою тканью, /Лезла в каморку простую...

Ласки дарила входящим и плату за это просила.»

Став императрицей, она получила возможность не только сама выбирать, заказывать сексуальных партнеров, но и приказывать им любить себя. Один из первых ее «приказных» любовников — известный в Риме актер Мнестер. Мессалина познакомилась с ним, еще участвуя в эротических спектаклях Калигулы, где Мнестер играл главные роли и, естественно, не обращал внимания на худенькую тонконогую Мессалину. Теперь настала пора ей распоряжаться телом и судьбой красавца-мима, она захотела сполна расплатиться с ним за прежнее равнодушие.

Мессалина поговорила с мужем и тот повелел актеру всецело повиноваться императрице. Клавдий исполнил ее просьбу, наивно полагая, что жену вновь увлекло сценическое искусство. Мнестер обязан был каждый день являться к Мессалине, разыгрывать по ее заказу чувства и страсти. Она сама руководила всем процессом любви, заставляя актера делать все, что ей заблагорассудится. Надо сказать, Мнестер неплохо справлялся со своей новой ролью.

В «Сатириконе» Петрония, который по времени своего создания очень близок к правлению Клавдия, есть один любопытный эпизод, как нам кажется, довольно точно отражающий чувственные отношения той поры.

Почтенная матрона, жаждая новых сексуальных наслаждений, посылает свою служанку Хрисиду найти и купить ей крепкого мужчину, способного удовлетворить ее страсть. Встретившись с героем повествования, служанка так отзывается от патрицианках, которым она прислуживает: «Некоторых женщин возбуждает нечистоплотность: сладострастие в них просыпается только при виде раба или вестового, высоко подпоясанного. Других распяляет вид

гладиатора или покрытого пылью погонщика ослов, или, наконец, актера на сцене, выставляющего себя напоказ. Вот из такого же сорта женщин и моя госпожа... только среди самых подонков черни отыскивает себе то, что ей по сердцу». Далее Хрисида говорит, что она-то никогда не одарит своими поцелуями раба. «Я предоставляю это матронам, которые любят целовать рубцы от плетей», — гордо замечает служанка.

Таким образом не одна Мессалина страдала чувственной ненасытностью, этому недугу были подвержены многие дамы римского высшего света. Просто не все они, как Мессалина, сподобились попасть на страницы истории.

Связь императрицы с Мнестером длилась недолго. Кто-то (нам думается, что здесь не обошлось без Нарцисса) донес обо всем Клавдию, представив ему и необходимые доказательства. Беднягу-актера казнили.

Как ни велика была радость Нарцисса после этой расправы, своего он не достиг: Мессалина не одарила его вновь своей благосклонностью. Мнестер оказался не единственным в тщательно подбираемой ею коллекции любовников. Вельможе-вольнотпущеннику оставалось лишь контролировать похождения Мессалины, то и дело настраивая Клавдия против жены. Но поскольку император находился под каблуком супруги, требовалась великая осторожность в столь тонких делах, дабы самому в один прекрасный день не стать жертвой ненасытной львицы.

Открывшаяся возможность «заказывать» любовь придавала особую остроту приключениям Мессалины. Уже не мужчина владел ею, а она повелевала им, заставляя делать то, на что не каждый отважится. Страх и похоть, смешиваясь, являли собой и новый вид чувственного наслаждения.

Случались и осечки. Консул и военачальник Валерий Азиатик отказался подчиниться высочайшему приказу. Мессалина тут же объявила мужу, что консул пытался ее соблазнить. Обвинение было предъявлено Азиатiku в императорской спальне, что придавало скандалу оттенок фарса. Валерий храбро защищался, чем искренне расстрогал императора, а у Мессалины даже исторг слезы. Но львица не позволила одержать над собой победу. Из императорского дворца доблестного воина не выпустили, принудив покончить жизнь самоубийством.

Злые языки, правда, поговаривали, что Мессалина умертвила непокорного, чтобы прибрать к рукам знамени-

тые сады Лукулла, которые принадлежали Азиатику. Лукулл первым привез из Кераса в Рим вишневые деревья. Белое облако цветов, их дурманящий запах завораживали Мессалину, будили в ней острое желание. Тем не менее, думаем, не стала бы она ради них убивать отважного человека, сады он мог и сам подарить ей или императору, да и что значат сады в сравнении с красивым мужским телом, обладатель которого к тому же наделен стальной волей и несгибаемым характером.

Рискнем предположить, что в каждом из новых любовников Мессалина искала не только чувственную усладу, но и духовную опору. Если хотите, настоящее глубокое чувство. Ее ребенком ввергли во дворцовый ад заговоров, убийств, страха и подозрительности. Холодный, эгоистичный, сам напуганный до ужаса, никого не умевший любить, бывший игрушкой в руках фаворитов, Клавдий не мог стать для нее истинным мужем. Тогда Мессалина сама начала эти поиски.

Сразу скажем, что найти в Риме человека, крепкого физически, обладающего всеми необходимыми знаниями любви, владеющего ее искусством, да к тому еще духовно совершенного, было делом практически невозможным. Мужчины-римляне чаще любили проводить время в банях, за пышным столом с долгими возлияниями и разговорами, в созерцании грубых зрелищ — гладиаторских боев, состязаний атлетов друг с другом и с дикими животными. Многие патриции предпочитали иметь женщин лишь в качестве прислуги, а ложе делить с молоденькими мальчиками. Как ни странно, при всем восхищении красотой, телом женщины отношение к ней в Риме было как к чему-то более низкому, второсортному, что ли.

Петроний в своем «Сатириконе», не без усмешки живописуя нравы римлян, чаще всего выставляет женщин, как алчных сладострастниц, которых мужчины не могут насытить любовными упражнениями. Обычно свидания заканчиваются побоями мужчин, не способных удовлетворить женскую страсть. В Риме существовал целый отряд лекариц и знахарок, якобы помогавших восстанавливать мужскую силу. Один из таких методов «лечения» сочно воспроизводит Петроний: «Она (лекарица — *Авт.*) достала кожаный фаллус и, обмакнув его в смешанное с толченым перцем и растертым в порошок крапивным семенем масло, начала потихоньку вводить мне его в зад. Затем, смазав этой же самой специей мои ляжки, свирепая старушонка

сделала смесь из соков кресса и божьего дерева, смочила мне ею пах и, схватив в руку пучок зеленой крапивы, принялась медленно хлестать им меня по животу пониже пупа. Обожженный крапивой, я, наконец, не вытерпел и пустился наутек...»

Чрезмерные винные возлияния, обильные трапезы, как правило, быстро иссушали мужскую силу, поэтому нелегко было найти среди знатных римлян настоящих любовников. Не случайно богатые матроны искали их среди рабов, воинов и черни. Мессалине, в отличие от простой патрицианки, приходилось труднее: слишком много роилось вокруг соглядатаев, сторожей. Тот же Нарцисс, томимый ревностью, не спускал с нее глаз, мечтая каждый раз отомстить ей. А настоящие любовные отношения требуют длительности, долгих наслаждений. Вот почему Массалину в общем-то мало интересовали краткие часы утех с рабом или вестовым. Ей нужен был настоящий, постоянный любовник, фактически — муж, который посвящал бы ей основную часть своей жизни.

Казалось, Мессалина его однажды нашла. Наивная, однако, в вопросах распознавания настоящего мужского характера, она прежде всего обращала внимание на молодость и красоту.

Юный Гай Силий понравился даже Клавдию. Последний понимал толк в изящном и разрешил Мессалине иногда навещать ее нового друга (уже, кстати, женатого) — ведь они были одногодки, а император чувствовал, что не в силах устранить меж собой и супругой возрастную дистанцию. Мессалина по уши влюбилась в недалекого, если не сказать глуповатого, но чрезвычайно пригожего малого. Но зачем ум в любви? Он только мешает наслаждениям. Мессалина хотела лишь одного — чтобы Гай Силий целиком и полностью принадлежал ей, не хотела делить его с кем-либо и заставила развестись с женой Юнией. Новый возлюбленный покапризничал немного, выторговав для оставляемой супруги солидное вспоможение, но повеление императрицы выполнил.

Безумная любовь, говорят, лишает разума. Мессалина, столько лет искавшая этого безумия, наконец-то обрела его. Отныне она проводила с Силием целые дни, выполняла любые его прихоти, буквально осыпала подарками. Мало того, алчный любовник просит назначить его консулом — одним из высших должностных лиц в государстве. Этот пост открывал огромные возможности для римлянина.

Но его мог занять лишь человек, достигший 43 лет, а Гаю Силию не было и двадцати. Во время войны консул командовал армией, а кем, кроме Мессалины, мог командовать Гай Силий? Последнего скорее всего соблазнили тога с пурпурной каймой и кресло из слоновой кости в сенате, занимать которое имел право только консул. Кроме того, он пользовался правом беспрепятственно входить во дворец.

Можно представить себе, какие усилия предприняла Мессалина, чтобы добиться желанного назначения у мужа. Однако Гай Силий консулом стал. Прошло полгода — и дом юного альфонса не уступал роскошью императорскому дворцу.

От всего этого поневоле закружится голова, начнет представляться нечто уж совсем невероятное, вроде того, например, что уже и не Клавдий император, а Гай Силий, и его скульптурные изображения расставлены повсюду... Коли Мессалина в него влюблена и хочет наслаждаться его телом, пусть... становится его женой! А коли императрица его законная жена, то кто тогда он? По всей видимости, император.

Вот такие нелепые мысли стали посещать беднягу Гая Силия, когда он млеял под ласками неукротимой Мессалины. Он начал потихоньку внушать безумной влюбленной эту простую мысль, уговаривал, убеждал ее, требовал. Раз она любит его, готова проводить с ним дни и ночи, может быть, не стоит ждать? Клавдий ведь рано или поздно все узнает, разгневется и умертвит их обоих! Как она не понимает столь очевидных вещей?

Мессалина успокаивала своего ненаглядного как могла. Говорила, что Клавдий сам разрешил приходить к нему, почему, следовательно, он должен гневаться? Муж стар, ему не до любовных игр. Сплетни? Их распускают такое великое множество, что они давно не привлекают особого внимания. Клавдий верит ей, и это самое главное.

Гай Силий говорил ей о Нарциссе, который ненавидит их обоих, каждый раз наговаривая о них императору. Кто знает, не лопнет ли в один прекрасный день терпение Клавдия? Отчего бы ему не поверить Нарциссу и не отдать приказ об аресте Гая? Отчего?

Мессалина на это отвечала, что даже если его и схватят, то освободят немедленно. Иначе она закатит такой скандал мужу, что тому жить не захочется, а Нарцисса она обязательно сошлет в провинцию. Она уже говорила об этом с Клавдием — и обязательно настаит на своем!

Гай Силий лежал мрачный, сетуя в душе на непонятливую любовницу. Что значит: «немедленно освободят»? Значит, его посмеют арестовать? Грубые стражи позволят себе схватить грязными руками его нежное тело? Его будут толкать? Оскорбят, швырнут в каземат, может быть, даже избьют? Его будут бить, а она тем временем начнет выяснять отношения с мужем? Да послушает ли он ее? А если нет, что тогда? Ему отрубят голову? Или бросят на арену цирка, и тысячи римлян будут смотреть, как голодные львы рвут его на части? А она уже будет забавляться с другим?

От этих мыслей Гаю стало худо. Нет, она не понимает, какой опасности подвергает его! Ей, видимо, действительно наплевать на его жизнь, на его достоинство, она считает, что он просто капризничает!..

Он неплохо жил с Юнией и был счастлив. Но ради Мессалины он сумел пойти на разрыв с ней, бросить ее, бедняжку и всецело посвятить себя жене императора, как последний раб! Но он не раб, он — свободный гражданин Рима. А что Мессалина дала ему взамен? Много красивых безделушек, денег и только? Ах, да, еще должность консула... Но он не единственный консул в Риме! Да и потом, когда император разгневается, то и консульская мантия не спасет...

Мессалина пыталась развеселить его. Она не любила, когда он дулся, хмурился, уходил в себя, делался неприступным и холодным. Ей хотелось, чтобы ее любили каждую секунду, посвящали ей каждое мгновение, она была так ненасытна в любви, словно чувствовала свой скорый конец. Ну что он хочет, ее котик, ее сладкий Гай, разве она не делает для него все, даже невозможное, разве она не хочет, чтобы он был счастлив, разве она не отдает ему всю себя без остатка, разве...

Да, он ценит ее страсть, ее порыв, ценит ее заботу о нем, ее подарки, все это так. Но их отношения уже совсем не те, что были раньше, они всерьез относятся друг к другу, к своей любви, разве не так?..

Да она просто жить не может без него! Это нельзя не чувствовать. Вот Клавдий собирается в Остию, приносить жертвоприношения богам, а Мессалина откзалась поехать с ним, она не оставит Гая одного в Риме, она так и заявила Клавдию...

Так и заявила Клавдию? Гай даже побледнел, услышав эти слова. Она так и заявила об этом Клавдию? Бросила

прямо в лицо, не стесняясь? Да, Гай не верит, что она такое сказала мужу, не верит!..

Ну, хорошо-хорошо, она сказала иначе, но суть от этого не меняется, она остается ради него, в это-то он может поверить? Или даже в этом он сомневается?

Нет, он не сомневается. В этом он не сомневается. Он не сомневается, что она любит его. Как дети любят свою игрушку до тех пор, пока она им не наскучила. Потом они ее выбрасывают. На свалку. Когда-нибудь она точно также выбросит и его. Он это чувствует...

И он снова надулся, нахмурился. И опять она приставала к нему, требовала ласк, внимания. Бесполезно! Тогда она не выдержала и в гневе приказала ему, как раньше приказывала Мнестеру. Гай Силий побледнел, испугался и выполнил все, что она требовала от него.

Увы! Радости она не испытала. Они расстались.

Ночь Мессалина провела в муках, ей хотелось вернуть Гая. Прежнего Гая, который знал невероятные секреты любви: она порой даже теряла сознание от головокружения, от сладкой боли, причиненной им. Но как вернуть то, что было между ними? Конечно, она может приказать, потребовать и следующий день любви, но теперь ей действительно нужно нечто большее. Нужно, чтобы ее любили, любили по-настоящему, сильно, пронзительно...

Наутро, когда она послала за ним и он пришел, Мессалина начала говорить с ним ласково, нежно, заискивающе, стараясь расположить к себе. Она попросила прощение за вчерашнее. И он смягчился, потеплел, обнял ее, прижал крепко-крепко и любил ее так, что она долго не могла опомниться от этой бурной близости. Потом они опять стали разговаривать. Снова о том же. На этот раз спокойно, без раздражения.

Оба лежали усталые, утомленные, и Гай был с ней нежен. Он тихо ласкал ее, нашептывая медленно слова, которые обдумал заранее. Он говорил о том, что они давно живут, как муж и жена. Лучше, чем муж и жена! Они только и думают друг о друге, расставшись вечером, а утром никак не могут согреться в объятиях друг друга. Раз все это так, раз они на самом деле муж и жена, то почему бы не узаконить их отношения?

Мессалина, погруженная как в море, в его ласки даже не смогла возразить ему. Слабо вспыхнув где-то в глубине сознания мысль о Клавдии («Как же быть с ним?»), так и не выплыла на поверхность. Она согласилась с Гаем, что

они настоящие муж и жена, в этом она полностью была согласна с ним.

Клавдий уехал в Остию поклоняться богам. Уехал вместе с ненавистным Нарциссом и его челядью, которая постоянно торчит у дверей Мессалины, прислушиваясь к каждому ее вздоху, каждому слову. Правда, часть шпионов осталась, но одна мысль о том, что Нарцисса нет поблизости приносит успокоение.

Да, действительно она и Гай — супруги. Она готова все отдать, чтобы остаться с ним навсегда. Мессалина готова распротиться с титулом императрицы, жить не во дворце, а вобыкновенном доме, но только с Гаем. Но он так жить не захочет, да и Клавдий ее не отпустит, у них двое детей, один из них наследник, это тоже надо помнить. Что же тогда нужно Гаю?! Неужели, чтобы она убила Клавдия?! Гвардия никогда не присягнет ей и уж тем более Силию. Вся власть в руках трех вольноотпущенников, и они не упустят ее, они погубят и Гая, и ее, и Британика...

Но Гай настаивает на свадьбе. Впрочем, почему бы и нет? У Клавдия она третья жена, что же мешает ей иметь второго мужа? Ведь Клавдий сам одобрил ее выбор... Гай хочет свадьбы... Что ж, пусть свадьба состоится!..

Наутро она объявила возлюбленному, что готова выйти за него замуж. Все будет по-настоящему: обряд, брачный пир, брачная ночь. Ведь этого хотел ее котик?

Гаю ничего не оставалось, как кивнуть и согласиться, хотя ознобная дрожь все же пробежала по телу.

Как она выйдет за него замуж, если она — жена Клавдия. Что будет потом, после свадьбы с Клавдием, с ними? Гай хотел задать ей эти вопросы... и не решился. Ведь Клавдий должен будет умереть. Значит, она придумала, как его устранить, нашла выход? Почему же она ничего не говорит ему? И дураку ясно, что одна жена не может иметь двух мужей...

Готов ли он взять ее в жены?.. Да, готов...

Был выбран день, и брачная церемония, с присущей ей пышностью, состоялась. Консул взял в жены императрицу. После торжественного обряда — долгий свадебный пир, потом — первая брачная ночь, ложе, усыпанное розами в вишневом саду, жаркие ласки и слова любви...

Гай Силий, не переставая, думал о перевороте. Подготовлен ли он? Почему Мессалина не сообщает ему, что уже отправила в Остию верных людей, которые убьют и

Клавдия, и его прихлебателей? Когда он, Гай Силий, займет его место?

Мессалина требовала страсти, самозабвения, она воображала себя юной девочкой, которая впервые в жизни влюбилась в красивого умного юношу, и вот теперь они навсегда вместе и только смерть в силах разлучить их...

Гай Силий что-то невнятно бормотал о ее прекрасных глазах, шелковистой коже ее тела, о своих чувствах, а сам мысленно был в Остии, предчувствуя, чем все кончится, если... Но это должна сделать она, Мессалина, у нее в руках реальная власть, ее даже сенат боится!

Гай Силий попробовал было заговорить о Клавдии, но Мессалина закрыла его рот ладонью.

— Эта ночь принадлежит только любви, мой милый, ласковый мой! — жарко шептала она, и новоиспеченный муж, вздохнув, принялся исполнять скучнейшую супружескую обязанность. «Боги, как я мог полюбить эту дикую кошку?» — всполохом пронеслось в его сознании. Ему захотелось тотчас сбежать из дворца, ибо он понял, что вся затея со свадьбой — величайшая глупость, которую ему уж никак не простят...

...Через два часа после «брачной церемонии» один из шпионов Нарцисса прибыл в Остию и доложил ему обо всем. Хитроумный и мстительный клеветник ожидал чего угодно, но только не такой дикости. Казалось, сама судьба даровала Нарциссу стопроцентный шанс расправиться единым махом и с глупым Гаем, и с обезумевшей от любви Мессалиной. Он воспользовался невероятной удачей.

Спешно разбуженному Клавдию доложили о случившемся. Сонный император долго не мог сообразить, о чем идет речь, о какой свадьбе Мессалины говорит Нарцисс. Только через полчаса Нарцисс все же сумел растолковать ленивому господину, что, став мужем Мессалины, то бишь императрицы, преступник Гай оскорбил его человеческое достоинство и поставил под сомнение сам принцип императорской власти. Мессалина — императрица; следовательно, Силий должен именоваться... Разве может быть у императрицы два мужа?

— Это заговор! — горячо доказывал Клавдию Нарцисс. — Любое промедление грозит тебе смертью! Позволь мне спасти твою жизнь.

Клавдий согласился. Нарцисс, не медля, объявил чрезвычайное положение и принял на себя командование гвардией. Затем привез императора в Рим, где укрыл в лагере

преторианцев, дабы еще больше запугать толстяка «грозной опасностью». Только после завершения всех этих ненужных в общем — то военных приготовлений был отдан приказ об аресте Гая Силия и Мессалины.

К тому времени юный муж уже совсем пал духом, понимая, что брачная церемония — не более чем яркий маскарад, затеянный, чтобы потешить его самолюбие. Вернется Клавдий, и все станет на свои места, а Нарцисс, узнав о том, что произошло, несомненно уничтожит Гая.

Мессалина, чтобы развеять грусть милого друга, велела привести во дворец юных дев и нарядить их вакханками. Силия облачила в костюм бога Вакха. Мужчины-сотрапезники одели костюмы сатиров. Грянуло веселье с музыкой, танцами и любовными оргиями, как устраивал когда-то полубезумный Калигула. Кстати, костюмы, маски и бутафория остались еще от его красочных празднеств. Даже актрисы помнили свои роли, и едва зазвучали тимпаны, как представление началось. Но ни юные обнаженные девы, ни музыка, ни воркование Мессалины не радовали Гая. Страшное предчувствие томило его и не обмануло.

В разгар празднества во дворец ворвались преторианские когорты. Силий был схвачен и уведен. Мессалину, по приказу Нарцисса, окруженную стражей, оставили во дворце, удалив в сад и не дав, несмотря на ее настойчивые просьбы, увидеться с Клавдием.

Несчастливого Гая Силия умертвили той же ночью. На казни присутствовал сам Нарцисс. Гай лил слезы, валялся у вольноотпущенника в ногах, целовал его пыльные сандалии, умолял о помиловании...

Вельможа лишь холодно усмехался. Насладившись вдоволь унижением любовника императрицы, он махнул платком, и два плечистых преторианца, схватив Гая, перерезали ему горло. Нарцисс распорядился убить сатиров, принимавших участие в гнусном спектакле. Кроме того, новоиспеченный префект гвардии повелел схватить всех бывших любовников Мессалины. Их обезглавили.

Бедный Клавдий, томясь в страхе и неведении, рвался увидеть свою неверную супругу. Ему очень хотелось самому поговорить с ней, выслушать ее, ибо он был твердо уверен, что она невиновна и найдет серьезные оправдания в свою защиту. Клавдий позвал Нарцисса и стал настаивать на свидании с Мессалиной.

Нарцисс видел его смятение. Он все еще по уши влюблен в ненавистную ему императрицу. Стоит им увидеться,

как хитрая развратница в два счета обедеет императора вокруг пальца, и он тут же все ей простит. Но тогда его, Нарцисса, дни сочтены. Мессалина жестоко отомстит ему за казнь Гая Силия и за собственное унижение. Даже сбежать не удастся, она найдет его повсюду, а Клавдий на вторую же ночь отдаст его голову ей... Выход один — Мессалина должна умереть!

Нарцисс еле уговорил Клавдия подождать до утра. Император, скрепя сердце, согласился.

Вольноотпущенник даже заикнуться не смел о том, чтобы предать Мессалину смерти, Клавдий никогда бы на это не согласился. Оставалось действовать на свой страх и риск. Нарциссу очень хотелось самому повидать императрицу, унижить, растоптать ее, подчинить своим желаниям, своей воле. Он не сомневался, однако, что она ему не покориться. Более того, он боялся сам подпасть под ее влияние, поддаться на ее уговоры, ее ласки, стать таким же вялым и безвольным, как Клавдий, ибо он тоже любил ее. Не так-то просто отказаться от безумного соблазна снова овладеть этой распутной красавицей...

Ночью Нарцисс послал в сад убийц, и они закололи Мессалину ножами. Когда на следующий день сообщили Клавдию, что его жена мертва, он зарыдал как ребенок, его долго не могли успокоить. Нарцисс пообещал найти и жестоко наказать злодеев. Преступников схватили через несколько часов и немедля казнили, о чем Нарцисс снова доложил императору.

Клавдий уже успокоился. Держа чашу со сладким вином и, отпивая по глотку, он неожиданно задержал фаворита и, выдержав паузу, со вздохом спросил:

— Что же мне опять надо жениться?

— У императора должна быть жена, — ответил с грустью Нарцисс...

Сенат издал указ об уничтожении повсеместно всех изображений Мессалины — барельефов, статуй и бюстов, стерты также были повсюду упоминания о ней. Все было выполнено быстро, строго и точно. До сегодняшних дней дошла лишь единственная камея XVIII века, на которой изображена Мессалина, но можно ли всерьез доверять ей?

Каждый человек в поступках своих, хочет он того или нет, выражает эпоху и страну, ее привычки, особенный стиль существования. Мессалине удалось это в полной мере, ибо никогда еще желание любить и быть любимой не было выражено столь ярко и необузданно, столь открыто и,

мы бы добавили, отважно. Древний Рим обладал всем, даже райскими кущами. Неслыханные богатства, свезенные отовсюду, тешили самолюбие римлян. Зрелища, праздники, разгул страстей, вечность рабства и наслаждений. Не хватало во всем этом лишь одного: души. Вечный город был мертв. Мессалина попыталась вырваться из его оков. Ей это удалось, но ценой своей жизни.

Такой нам видится жена Клавдия, вопреки утвердившемуся стереотипу: Мессалина — символ распущенности, разврата, буйства животной плоти. Такой ее представил сенату Нарцисс, дабы проклясть в веках само имя императрицы. Такой, точно повинувшись ему, запечатлели Мессалину историки. Но так ли это было на самом деле? И что в этой истории от распутства самого Рима, а что от Мессалины? Возможно, в будущем кто-то и ответит на этот вопрос.

АГРИППИНА МЛАДШАЯ

/6.12.15 — апрель 59 н. э./

В Риме начала первого тысячелетия нашей эры бытовало одно хоть и неписанное, но строгое правило: любое событие внешне должно выглядеть пристойно и убедительно. Например, все знали, что Мессалина погибла от рук убийц, подосланных Нарциссом, однако и в речах, и в документах утверждалось, что она покончила с собой. Естественно, сразу же возникал вопрос: с чего бы это цветущей двадцатитрехлетней женщине, находящейся на вершине власти и не обремененной ею, кончать жизнь самоубийством? Только в Вечном городе задавать подобные вопросы никому не приходило в голову. Всех женщин — в особенности — занимало другое: место императрицы пустоует, кому посчастливится его занять?

Конечно, Клавдий далек от эталона мужской красоты и по части выполнения супружеских обязанностей слабоват. Да разве это так уж важно? Жена императора — фигура сугубо политическая. Если Мессалина умудрилась превратить императорский дворец чуть ли не в храм любви — так это от дурного воспитания и разнузданной молодости.

Правда, бедный император, находясь еще в лагере преторианцев, на общей воинской сходке объявил по неосторожности, что не найдя до сих пор счастья в личной жизни, он раз и навсегда оставляет всякие попытки его до-

стичь и больше не женится. Понять Клавдия в тот миг было можно. Ему исполнилось пятьдесят восемь лет, он многое пережил. Сколько дворцовых переворотов, убийств, смертей пронеслось перед его взором! Он уже трижды вступал в брак, и его слова звучали вполне убедительно. Он сам верил в них: старик не любил хлопот, а жены всегда их приносили с собой, даже самые тихие и покладистые. Нет, он твердо решил избегать супружества.

Совсем иначе думали трое его ближайших советников — Нарцисс, Каллист и Паллант. Они справедливо полагали, что легче всего управлять императором с помощью жены, к которой тот неминуемо попадет под каблук. Поэтому едва высохнули на рылом лице Клавдия слезу по умершей Мессалине, как его любимцы начали навязывать повелителю своих кандидаток в императрицы. Нарцисс поставил на послушную Эгию Петину, вторую жену Клавдия, с которой император развелся из-за пустяковой ссоры и теперь вроде бы готов был снова вернуться к ней. Дочь-красавицу бывшего консула Марка Лоллия — Лоллию Паулину поддерживал Каллист. Паллант не успел еще подыскать кого-то в противовес своим соперникам, как Агриппина Юлия Младшая, дочь полководца Германика и сестра Калигулы предложила ему себя сама. Паллант по достоинству оценил смелость претендентки и взялся ее поддерживать.

Агриппина уже достигла 33 лет, для женщины это немало. Что было известно о ее предыдущей жизни?

Из девяти детей Германика и Агриппины Старшей двоим судьба уготовила достичь высшей власти в Риме: Калигуле и Агриппине Младшей, матери императора Нерона.

Отец Агриппины Германик Юлий Цезарь являлся приемным сыном императора Тиберия, который приходился ему родным дядей. Он был великий воин и полководец. Лишенный честолюбия, он сам отказался от власти в пользу отчима, хотя легионы и просили его стать императором после смерти Августа. В армии и у простого народа Германик пользовался огромной популярностью, что вызывало у императора Тиберия злобную зависть. По его приказу римский наместник в Сирии Пизон отравил доблестного военачальника и 10 ноября 19 года в Антиохии Германик умер. Узнав о смерти своего любимца, в траур оделся весь римский народ.

Агриппина Старшая — пример доблести и целомудрия — имела характер сильный и властный. Вернувшись из Анти-

охии в Рим, она громогласно обвинила Тиберия в гибели мужа — поступок, свидетельствующий и о великой храбрости этой женщины. Тиберий сослал ее на остров Пандатерия, где Агриппина покончила с собой, умертвив себя голодом.

В 37 году императором стал Калигула. После смерти родной сестры Юлии Друзиллы, с которой он состоял в любовной связи (Юлия была младше Агриппины на год), Калигула тотчас сделал своей любовницей Агриппину. После того, как она наскучила ему, он передал ее своим друзьям по оргиям, а потом внезапно сослал на Понтийские острова.

Все эти бесстыдства Калигула творил с Агриппиной при ее муже Гнее Доминиции Агенобарбе (наследственное прозвище «Рыжебородый»), о котором обычно выдержанный римский историк Светоний сказал: «...человек гнуснейший во всякую пору его жизни». Чтобы не отставать от императора, Гней Доминиций жил со своей родной сестрой Лепидой. Когда появился на свет его сын Нерон, Гней Доминиций, принимая поздравления, радостно воскликнул: «От меня и Агриппины ничто не может родиться, кроме ужаса и горя для человечества». Жизнь впоследствии подтвердила правоту Рыжебородого. К счастью для него, сам он не дожил до этих времен, скончавшись через три года после рождения сына, в 40 году.

Даже пребывая в ссылке, Агриппина думала о будущем и, овдовев, немедленно вышла замуж за друга Сенеки богача Пассиена Криспа. Агриппине нужны были деньги и поэтому, вступив во владение ими, она, как гласит молва, быстренько отравила своего мужа. Правда, ему устроила похороны пышные.

Из понтийской ссылки Агриппину возвратил ее родной дядюшка, Клавдий, ставший к тому времени императором. Нерон, несмотря на удаление матери, продолжал жить в Риме и воспитывался у своей тетки Лепиды, матери Мессалины. Как видим, все первые лица империи были в родстве меж собой, ссорились, бранились, но род свой уважали. К примеру, Мессалина хоть и не любила Агриппину за непомерное самолюбие, рассудочность, злой характер, но к Нерону относилась с заботой, он рос в одинаковых условиях с Британиком, ее родным сыном.

Читатель, впервые знакомящийся с хроникой жизни римских верхов, возможно, придет в ужас от этой эпохи — эпохи интриг, убийств, разврата. Как можно было жить в такой атмосфере?

Надо отдавать себе отчет в том, что обыкновенный римлянин почти ничего не знал о происходящем во дворце. Слухов, конечно, ходило много... Только кто их мог достоверно подтвердить? Римлянин лицезрел лишь внешнюю, благодную сторону жизни императорской семьи. Он видел императора с императрицей на празднествах, счастливых, радостных, и ему в голову не приходило, что во дворце может происходить нечто ужасное. Тот же Пассиен Крисп был счастлив, и Агриппина всем рассказывала, как она его любит и как счастлива с ним. Потом он что-то съел и... умер. С кем не бывает...

В Риме тогда жила Лукуста, знаменитая составительница ядов, и Агриппина порой прибегала к ее услугам. Обязательное анатомическое вскрытие не требовалось, свой фамильный врач всегда найдет пристойную причину смерти. В порыве безутешного горя можно казнить повара или слугу-раба, плохо наблюдающих за приготовлением пищи, тем дело и кончится.

Агриппина никогда не чувствовала угрызений совести. Унаследовав от родителей лишь такие положительные черты, как крепость воли и необыкновенная решительность в поступках, она уж если что-то задумывала, добивалась своего, и горе тому, кто вставал у нее на пути. Дядюшка-император лишился супруги, значит надо во что бы то ни стало занять ее место. Конечно, существенно мешало одно препятствие: браки между людьми, состоящими в такой близкой степени родства, в Риме запрещались. Тем не менее Агриппина не теряла надежды. Император фактически обладал неограниченной властью и, если он захочет жениться на ком бы то ни было, никакой сенат этого ему не запретит.

...В первый же миг встречи племянница бросилась к Клавдию в объятия, заплакала у него на груди так неутешно, что толстяк поневоле ее приласкал. Он был очень сентиментален, и Агриппина знала это. Она имела возможность почти каждый день видеться с дядюшкой и пользовалась ею весьма разумно. Как ни странно, именно родство стало козырной картой Агриппины в споре с другими претендентками. Эгия Петина слишком капризна и непокорна. Клавдий познал ее характер во втором своем браке. Зачем же ему испытывать судьбу еще раз? Лоллия Паулина чересчур молода и красива, у императора была уже такая жена — Мессалина, и дело чуть не кончилось переворотом. Пусть Агриппина — родная племянница, зато —

своя кровь, дочь любимого брата, которым он всегда восхищался. Она еще молода и не дурна собой, обладает и немалым любовным опытом. И главное — она любит Клавдия! Он фактически вызволил ее из ссылки, вернул с Понтийских островов, она никогда не забудет этого и будет верна ему всю жизнь.

Вот что, наверное, шептал Паллант Клавдию, протежируя своей ставленице. Аргументы и тексты подобных речей Паллант и Агриппина составляли вдвоем и, увлекшись столь важным сочинительством, не заметили как в один прекрасный миг очутились в постели, в объятиях друг друга. Агриппина знала, чем разжигать мужской азарт и напор. После таких серьезных приготовлений Паллант вел агитацию еще убедительнее, и сердце Клавдия в один прекрасный день дрогнуло. Доводы Палланта оказались самыми весомыми. Император, забыв о своем обещании не жениться, официально объявил, что Агриппина отныне его супруга. Сенат, несмотря на близкое родство, разрешил брак.

Став императрицей, Агриппина без промедления потребовала себе титул «Августы» (напомним, что он означает «возвеличенная богами», «божественная»). На следующий день после свадьбы Нарцисс был смещен с поста префекта гвардии, вместо него на эту должность по просьбе Агриппины Клавдий назначил Секста Афрания Бурра, опытного командира, преданного новой супруге императора. В благодарность за хлопоты получил повышение и Паллант. В свое время Мессалина за острый язык, ущемивший ее достоинство, выслала философа и драматурга Луция Аннея Сенеку из Рима. Агриппина вернула его в Вечный город, определив наставником к своему сыну Нерону.

Все происходившее во дворце напоминало маленький переворот, хотя внешне, вроде бы, мало что изменилось. Скажем, Нарцисс по-прежнему ведал внешней политикой Рима и был привечаем Клавдием. Как ни жаждала «новая метла» напрочь убрать его с государственного Олимпа империи, Клавдий неожиданно проявил настойчивость, и его любимец уцелел. Постепенно, однако, перемены начали ощущаться.

Тацит писал: «Всею стала заправлять женщина, которая вершила делами Римской империи отнюдь не побуждаемая разнузданным своеволием, как Мессалина. Агриппина держала узду крепко натянутой, как если бы она находилась в мужской руке. На людях она выглядела суровой, а еще

чаще — высокомерной; в домашней жизни не допускала ни малейших отступлений от строгого семейного уклада, если это не способствовало укреплению ее власти. Непомерную жадность к золоту она оправдывала желанием скопить средства для нужд государства.»

Вдумаемся в слова историка, дающие полнокровный портрет Агриппины: «выглядела суровой... высокомерной», «ни малейших отступлений от строгого семейного уклада»... Истинная самодержица встала рядом с безвольным императором. Даже ее алчность — для того, чтобы обладать властью. Агриппина задолго до третьего своего замужества отлично поняла: деньги купят все — и преданность, и любовь, и жизнь, и сам сенат.

Она прекрасно знала: традиция в Риме такова, что императрица, женщина не сможет открыто управлять империей, нужен император, мужчина, и лучшего варианта, чем ее родной сын Нерон, нет. Значит он и должен стать императором. Поэтому она прежде всего делает все для упрочения его позиций. В частности, Агриппина расстроила намечавшийся брак дочери Клавдия Октавии с претором Сираном и женила на ней Нерона. Последнему уже 16 лет, Октавии — 13. Вполне взрослые люди!

Через год после своей свадьбы Агриппина добивается от императора главного — он усыновляет Нерона, причем усыновляет с правом старшинства по отношению к родному сыну Британику. Поначалу это неслыханное требование Клавдий отверг, и императрице пришлось употреблять невероятные усилия, чтобы его уломать. Он медлил, понимая, что этим решением навсегда лишает Британика надежды стать императором. Тогда на помощь Агриппине вновь пришел Паллант. Вдвоем они убедили Клавдия пойти на истинно роковой шаг. Роковой — для всех участников сделки. Впрочем, рассказ об этом впереди.

За хлопотами императрица не забывает справляться со своими бывшими соперницами. Если Эгия Петина добродушно отошла от дворцовых интриг, опасаясь мстительности Агриппины, то Лоллия Паулина никак не могла примириться с поражением и демонстративно красовалась в дорогих нарядах перед императорской четой. Агриппина недолго терпела ее выходки. Сфабриковав ложное обвинение, она добилась, чтобы Паулину выслали из Италии. Но этого ей показалось мало. Императрица подкупила трибуна, который прибыл к Лоллии и убил ее. Стоило Клавдию со вздохом произнести имя своей прежней любовницы

патриции Кальпурнии и назвать ее красавицей, как та немедленно подвергалась опале.

Но первейшая забота суровой императрицы — Нерон, ее нежный мальчик. О нем она вспоминает ежечасно, интересуется его занятиями, беседует с Сенекой о его литературных успехах. Ей уже мало усыновления Нерона Клавдием с правом старшинства, она добивается, чтобы на шестнадцатом году жизни ее сын стал консулом (звание, которое давалось лишь сорокатрехлетним!). С той поры Нерон повсюду появляется в одежде триумфатора, дабы народ привлек к блеску будущего властелина. Агриппина придирчиво следит и за гвардией, выслушивает почти ежедневно доклады Афрания Бурра, устраняет тех командиров преторианцев, которые хоть в малейшей степени были обласканы Мессалиной. Агриппина боится, что они будут отстаивать права детей убитой супруги Клавдия, если получится какая-нибудь заварушка. Недаром теперь все полководцы приходят за назначением лично к ней, в данном случае слово императрицы — решающее.

С приходом в императорский дворец Агриппины меняются обычаи. Она въезжает в Капитолий на колеснице, что с древности являлось лишь привилегией жрецов. Вместе с Клавдием обходит строй войск по торжественным случаям, что опять же совершалось только императором.

Властолюбие становится своеобразной эротической средой ее жизни, заменяя Агриппине все другие страсти и привычки. Ей уже мало быть женой императора, который отныне лишь номинально является носителем верховной власти, ибо многие государственные институты и, самое главное, гвардия, полностью под ее влиянием. Ей кажется, что если во главе империи окажется ее сын, она будет официально властвовать вместе с ним.

Агриппина так самозабвенно верит в это, что постоянно и ревностно следит за происходящим вокруг Нерона, никого не обделяя своим вниманием. Едва она обнаруживает, что ласки Лепиды (той самой тетки, у которой Нерон воспитывался во время ссылки матери) действуют на сына умиротворяюще и он радуется, когда видит ее, последнюю мгновенно обвиняют в колдовстве и лишают жизни.

Нарцисс, пользовавшийся еще влиянием на Клавдия и ненавидевший новую императрицу, пытался противодействовать ей, даже ходатайствовал за Лепиду. Безрезультатно. Подобно фурии Агриппина обрушилась на первого фаворита. Нарцисс, вчера еще всемогущий любимец императора

вынужден покинуть Рим. Накануне отъезда он открыто, при Клавдии обвиняет его жену в алчности и воровстве, в попытках узурпировать верховную власть, ради которой Агриппина, по его словам, «жертвует приличиями, стыдом, телом и всем вообще».

Будь на то воля Агриппины, она бы, не мешкая, уничтожила дерзкого. Но он пока еще любимец Клавдия. Годы власти его все-таки чему-то научили. Он не прежний рохля, готовый соглашаться со всем, что ему предлагают, то и дело встает на дыбы, упорствует, спорит с Агриппиной, даже пробует кричать на нее. Он сперва и слушать не хотел наветы на Нарцисса, и даже на удаление его согласился с великим трудом.

Все чаще у императора угрюмое выражение лица, когда он видит Агриппину, он чувствует как в душе Клавдия разрастается ком раздражения и ненависти. И хотя по ее просьбе супруг еще смещает проконсула Африки Статилия Тавра, чьи сады и богатства давно манили императрицу, хотя он и передает собственность проконсула в ее распоряжение, Агриппина все чаще ощущает на себе опасливый и злой взгляд мужа. Будучи трезв, он еще молчит и даже хмуро соглашается с ней, пьянея же, то и дело бросает в ее адрес резкие и странные суждения, точно грозит ей. Так, на одном из пиров, когда кто-то из сенаторов с похвалой отозвался о суровом приговоре, вынесенном жене за измену мужу, Клавдий, помолчав, вдруг с усмешкой обронил: «И мне выпала судьба: иметь жен, отличающихся наглым развратом, и потом казнить их!»

Фразу тотчас донесли Агриппине, наушников во дворце хватало, и она ни на шутку встревожилась. Если б Клавдий сказал «иметь жену», стало бы понятно, что речь шла о Мессалине. Но император недвусмысленно употребил множественное число. Первые две жены его не казнены, казнена одна Мессалина, вторая, выходит, Агриппина. Нет, это не пьяная шутка, а вполне серьезная угроза, которая завтра может осуществиться. Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке...

Не успела императрица осмыслить происшедшее, как ей поведали еще одну новость. Повстречав Британика, Клавдий задержал его и, крепко и долго обнимая, пожелал родному сыну поскорее вырасти. Тогда император сам даст ему отчет обо всех своих поступках. Отпустив юношу, он уже вдогонку крикнул ему: «Кто ранил — тот и вылечит!» Крикнул по-гречески, явно боясь чужих ушей.

Снова не надо быть провидцем, чтобы понять смысл этой фразы. Усыновив Нерона с правом старшинства, Клавдий фактически лишил Британика, родного сына, права на императорский титул... Что же сейчас хотел сказать Клавдий? Что он передумал? Что решил переменить духовное завещание?

И вдруг, как гром среди ясного неба, известие: император приказал несовершеннолетнему Британику надеть тогу триумфатора и постоянно носить ее, не снимая. Приказал вопреки закону. Агриппина была вне себя, она не знала, что ей делать. Нерон сидел подавленный в своей комнате и никуда не выходил. Так приказала мать. К концу дня верные люди принесли ей очередную пугающую весть. Клавдий торжественно произнес: «Пусть, наконец, у римского народа будет настоящий государь!» Наутро — новое сообщение: Клавдий начал переписывать духовное завещание и приказал после обеда явиться магистрам, дабы они официально удостоверили и затвердили его волю. Сомнений, в чью пользу будет составлено завещание, у императрицы не было. Агриппина поняла, что пора действовать. Она вызвала носильщиков и приказала нести ее к Лукусте...

...Во время обеда повар принес императору на золотом блюде его любимое кушанье — жареные белые грибы. Клавдий вмиг съел их, и, еще жмурясь от удовольствия, стал облизывать пухлые пальчики, как всегда делал в подобных случаях. Вдруг он захрипел и с выпученными глазами повалился на бок. Белая пена выступила на его губах. Еще через несколько мгновений старик был мертв. Поваров тут же схватили. Бурр без промедления вывел Нерона к преторианцам — разговор с ними накануне был уже проведен, — и гвардия громогласно провозгласила нового императора.

Чтобы прекратить разом дурные сплетни о причинах внезапной смерти Клавдия, которые, подобно заразе, распространялись в Риме, Агриппина внесла в сенат законопроект о том, чтобы почитать Клавдия как бога. Из римских владык до этого столь высокой чести удостоивались лишь Цезарь и Август. Сенаторы торжественно утвердили это предложение. Правда, величию сего акта изрядно навредил Сенека. В угоду Нерону он наскоро состряпал злой пасквиль, назвав его — по аналогии с сенатским указом («Возведение в сан Божий») — «Возведение в сан тыквы», намекая тем самым на слабоумие бывшего императора.

Итак, семнадцатилетний Нерон — император. К этому

времени под влиянием Сенеки он бойко писал стихи, сатиры, эпиграммы. Именитый наставник хвалил все, что выходило из-под пера молодого шалопа, и тем развратил его окончательно. Нерон ничуть не сомневался в своих дарованиях и откровенно презирал всех, кого не посещает искра божественного вдохновения. На этой псевдолитературной почве и развился талант диктатора, злобного тирана, имя которого в истории запятнано кровью многих жертв.

Ослепленная собственными властолюбивыми планами, Агриппина не замечала, в какую сторону развиваются склонности сына. День провозглашения Нерона императором был для нее самым счастливым в жизни. Ей казалось, что мечта сбылась, империя — у ее ног. Пусть сын пишет стихи и занимается искусствами, править будет она.

Однако Нерон думал иначе. Сенека и Бурр, под началом которых он воспитывался, не хотели упускать питомца из-под своего влияния — сразу же начали настраивать юного владыку против властолюбивой маменьки. А та со свойственной ей несокрушимой энергией попыталась захватить руль государственного корабля. Кому, как ни ей, заниматься всеми делами империи? Сын витает в поэтических грезах и не имеет ни малейшего политического опыта.

Однако с первых же дней Агриппина натолкнулась на упорное сопротивление. Поначалу ей было даже трудно определить, от кого оно исходит. О том, что сын по собственному разумению ей противодействует, она и помыслить не могла. Откуда взялась нежданная оппозиция? Кто в нее входит? Сенека и Бурр были вне подозрений: обоих она сама же пригрела и возвысила. Одним из влиятельнейших людей империи был претор Силан, которому было за что ненавидеть Агриппину, помешавшую ему жениться на Октавии. Правда, его уже убили. Но оставался в живых его брат, проконсул Азии Юний Силан, командовавший сильной армией и пользовавшийся популярностью в Риме. Народ на улицах даже поговаривал о том, что Силан более достоин сана императора, нежели мальчишка Нерон. Следовательно, сторонников здесь у проконсула более чем достаточно...

Агриппина не утруждала себя разбирательством истинных мыслей и намерений Силана. Она просто подслала к нему убийц...

Второй и долгожданной жертвой Агриппины стал Нарцисс, доставивший ей когда-то столько неприятностей. После смерти Клавдия, императрица, наконец-то получила

возможность свести с давним врагом счеты. За ним могли последовать другие люди, хоть однажды каким-либо жестом или поступком выражавшие по отношению к Агриппине презрение или неприязнь. Не успела, однако, молва разнести слух о жестокой смерти Нарцисса, как вдруг голос протеста подал молодой император.

Он вызвал мать к себе и тоном, не терпящим возражений, сказал, что он не намерен более допускать чьей-либо гибели от руки палача или наемного убийцы. Казни омрачат начало его правления, заявил Нерон, и он не хочет первые же дни своего властвования ознаменовывать столь печальными событиями, они ничего, кроме дурной славы, ему не принесут.

Нерон говорил так легко и гладко, слово заранее выучил свою речь наизусть. Агриппина тотчас уловила в ней интонации Сенеки. Значит он, трусливый писака, посмел настраивать против нее ее собственного сына? Вспыхнувший гнев был немедленно погашен теплыми словами императора, который неожиданно сменил холодность на ласку и попросил мать смириться по отношению к своим врагам, помочь ему завоевать расположение сенаторов и народа.

Агриппина, услышав воркующие нежные нотки, вмиг успокоилась. Нерон был замечательный актер, в чем Сенека постоянно убеждал его, играя с матерью, юный лицемер с удовольствием замечал, что действительно владеет кое-каким талантом. Это вдохновляло его больше всего.

Справедливости ради отметим, что Агриппину нетрудно было обмануть. Ее прямолинейность и отсутствие гибкости поражали и друзей, и врагов. Она брала противника могучим напором и волевым натиском, и Сенека, хорошенько изучив натуру императрицы, восхищаясь ее энергией, стал готовить с Нероном иную тактику дворцовой борьбы. Заядлый интриган, обладающий к тому же даром драматурга, он умел строить сюжет, предвидеть его развитие, как истинный художник, получая наслаждение от той или иной затеи, если, конечно, она удавалась. Бесспорно, дворцовая жизнь — не передвижение фигурок на шахматной доске, тут за проигрыш партии можно поплатиться жизнью. Но как изысканного гурмана не останавливает избыточный вес, так и Сенеку увлекал драматизм реально разыгрываемого действия.

Он давно уже вел неторопливую обработку юного тщеславного сердца, понимая, что действуя осторожно, обду-

манно, можно вполне успешно влиять на императора, незаметно, исподволь управлять им. Бурр в этих играх с Нероном, чутьем понимая всю высшую математику интриги, вел скорее всего партию подголоска, не обладая для больших психологических маневров хитроумием и гибкостью.

Полноценную роль великий Сенека придумал ему чуть позже. Обычно «спектакль» в покоях императора проходил так. Бурр с ходу начинал атаку, грубо, прямолинейно критикуя ту или иную акцию Агриппины. Сенека сразу же брал ее под защиту, как бы подыгрывая нежным сыновним чувствам Нерона. Затем под мощными и не всегда изысканными аргументами Бурра он понемногу вроде бы начинал сдаваться и неожиданно для императора, уже полностью, якобы, перейдя на сторону префекта, небрежно выдвигал главный факт обвинения, который убедительно изобличал тайный умысел Агриппины и сразу менял настроение Нерона не в ее пользу.

Сенеке и Бурру поневоле помогал тщеславный хвастливый Паллант. После ликвидации Клавдия и Нарцисса он вообразил, что настала пора взять бразды правления империей в свои руки. Кто, как не он, сделал все, чтобы Нерон пришел к власти! Подобные заявления, доходившие до молодого императора, приводили его в ярость и прекрасно вписывались в задуманную постановку. Нерон то был готов задушить плешивого союзника матери собственными руками, то намеревался просто посмеяться над глупцом. На повороты настроений императора влиял нежный и вечно улыбающийся Сенека. Он тонко обрабатывал литературным ядом реплики глупого Палланта, который почему-то к старости стал страдать недержанием речи, и представлял его поочередно либо в облике опасного противника, либо смешного и незлобивого болтуна. Это была игра, наполненная буйством фантазии, но поскольку она могла закончиться весьма трагически для многих, привкус риска придавал ей необычайно азартный характер.

Агриппина как львица дралась со своим сыном, не подзревая, что тем самым укорачивает собственную жизнь. Она забыла простую истину, что именно в том возрасте, в каком пребывал Нерон, уколы самолюбия чрезвычайно болезненны, не разглядела под маской жреца искусств звериную жестокость.

Сын ее желал казаться одиноким творцом, а не тираном. Нерон знал, кем лучше прикинуться, дабы никто не обвинял в деспотии или нравственном изуверстве. «Худож-

нику прощается многое, — твердил ему Сенека, — только искусство дает бессмертие!». Его неприязнь к матери росла едва ли не с каждым часом, и едва ли не с каждым часом увеличивалось притворство, которому он научился у блистательного Сенеки. Чем больше Нерон расточал похвал матери — за обедом ли, при встрече — тем сильнее он ее ненавидел.

Изучение «науки ненависти» к чрезмерно суровой жестокой матери началось еще при жизни Клавдия. Ко дню его убийства Нерон, если можно так выразиться, закончил полный курс по данному предмету, твердо усвоив — мать будет такой же помехой его власти, как и другие соперники. Но открыто выступить против Агриппины Нерон сразу не осмелился. Он продолжал носить личину послушного любящего сына.

В первый день своего правления он выдал начальнику дворцового караула пароль «Лучшая из матерей». Агриппина на первых порах практически единолично вершит государственными делами. Она сопровождает Нерона в сенат, где находится за закрытыми занавесом дверьми позади трона (женщине не полагалось присутствовать открыто в зале заседаний) и внимательно слушает первую речь, которую хоть и написал Сенека, но заказывала и правила на.

Лицемерная игра шла успешно, хотя однажды чуть не оказалась по вине Агриппины. Во время приема армянского посольства она вдруг села рядом с императором на возвышении, предназначенном для него одного, к тому же первая взшла сюда. Нерон, побледнев, впал в столбняк, и только Сенека помог ему справиться с неожиданным приступом ярости, подсказав довольно оригинальный выход из создавшегося положения. Нерон бросился к матери, почтительно поздоровался с ней, обласкал ее, представил гостям, а потом уже, якобы, сам не отпустил от себя, усадив рядом.

Трудно сказать, насколько бы еще хватило Нерона, не влюбись он в вольноотпущенницу Акте. Внезапное чувство застигло его врасплох, обрушилось как лавина. Наверное, не погибли тогда еще окончательно в душе императора нежность и отзывчивость, коли так сильно полюбил он скромную, тихую и вместе с тем прекрасную собой простолюдинку. Нерон и сам не ожидал, что способен искренне любить, ему казалось, что сердце его зачерствело от интриг, убийств и мщений. Тем радостней для него было это

открытие, которое вдруг разом отдалило на второй план раздор с матерью и борьбу с ней за власть, позволило ненадолго забыть удушливую, пропитанную коварством и ненавистью атмосферу дворца. Недаром Нерон с лучшим своим другом Отоном, переодевшись в простые одежды, любил бродить ночью по римским улицам в поисках приключений. Из этих романтических ночей и выросла неожиданная любовь к Акте, удивляя всех приближенных императора, даже понимающего толк в людях Сенеку.

До Агриппины, занятой политическими хитросплетениями, весть об увлечении сына дошла не сразу. Зато узнав обо всем, меры она предприняла решительные и крутые. Сначала она отправилась за объяснениями к Нерону. К сожалению, его не удалось убедить в необходимости покончить с нелепой, по мнению императрицы, связью. Сын дал матери столь сильный отпор, столь дерзко указал Агриппине на подобающее ей место, столь сурово и холодно говорил с ней, что она, потрясенная подобной переменной, не на шутку разгневалась: что себе позволяет этот мальчишка?! Или он забыл, кто ценой страшного преступления помог ему стать императором?!

Можно лишь представить, как бушевала в своих покоях Агриппина. Паллант, присутствовавший при этих терзаниях, был сдержаннее ее и спокойно выслушал императрицу. Он, конечно, несколько поежился: подобную реакцию Нерона следовало предвидеть. Не удивительно, что мальчик показал зубки, давно надо было удалить Сенеку с Бурром от императора. Стоило зазеваться, расслабиться — и птичка уже в коготках у кошки.

Паллант был стар, чтобы вязываться в борьбу со столь сильными соперниками. Впрочем, еще ничего не потеряно, необходимо лишь изменить тактику. Нерон — не ребенок и пусть делает все, что хочет. Мать сама должна была позаботиться о таком развлечении сына, как Акте. Любовь никогда не длится вечно, полгода от силы, потом эта девочка сама ему надоест. Агриппина, нежная и заботливая мать, должна потакать своему сыну в его минутных слабостях. Об этом, поразмыслив, объявил императрице Паллант, и она, немного подумав, сочла его предложение весьма разумным.

На следующий день императрица предстала перед сыном щедрой и ласковой, покорной его прихотям, безгранично любящей. Она подарила ему часть своих богатств, накопленных при трех мужьях, буквально осыпав золотом

и бриллиантами. При этом Агриппина кое в чем явно переборщила: в азарте бурного примирения она предложила сыну... себя, пообещав открыть такие тайны любви, о которых не ведала, по ее мнению, ни одна его наложница.

Нерон смутился и растерялся. Он ждал яростного наскока, а вместо этого — чуть ли не объяснение в любви. Нерон даже призвал Сенеку, дабы тот помог разрешить столь щекотливую ситуацию. Сенека, как всегда, был уклончив. Отношения между матерью и сыном серьезно накалялись, и ему не хотелось быть удобной мишенью для обоих. Он посоветовал Нерону одно: быть осторожнее. Агриппина чрезмерно честолюбива, ей не стоит доверяться, бормотал он, история с Клавдием прекрасный тому пример. Лучше быть живым императором, чем статуей в посвященном тебе храме. Но Агриппина все же мать и ее нельзя резко отталкивать, она еще имеет влияние на многих сенаторов. Потом — кто знает — может быть, она в самом деле переменилась?

Недовольный и раздраженный Нерон отослал воспитателя прочь. Не найдя ничего лучшего, он ответил матери не менее щедрым жестом. Агриппине было послано множество подарков и украшений, которые стекались к владыке Рима из разных стран. Заодно сын предложил ей самой отобрать из его сокровищ все, что понравится. Это взорвало Агриппину, она буквально завопила, когда караван с ценностями прибыл к ней, и стала расшвыривать драгоценности в разные стороны.

— Не этим должно оказывать мне внимание, когда я отстранена от всего прочего, и сын мой делит со мной то, что имеет по моей милости! — сказала она слугам Нерона.

Когда ее слова донесли императору, настал его черед показать горячий нрав: ни один смертный не имеет права отвергнуть его дары, любого другого за подобное оскорбление ждала бы неминуемая смерть или объявление войны! Взбешенный Нерон, зная как больнее ранить сердце матери, не советуясь ни с кем, тут же отдал приказ о высылке Палланта за пределы Рима. Он хотел, чтобы Агриппина прибежала к нему во дворец, бросилась в ноги и умоляла бы его оставить этого плешивого глупца рядом с собой. Нерон был уверен, что она явится немедленно...

Прошел день, потом ночь. Императору доложили, что Паллант покинул Рим... Агриппина не пришла просить за своего верного слугу.

Выходит, ей все равно, что с ним случилось? Выходит,

удар был мимо цели? Это поразило Нерона куда больше, чем ранее отвергнутые дары. Через три года после смерти Агриппины Нерон случайно натолкнется на упоминание о живущем и здравствующем Палланте. Император удивится: неужели этот фанфарон еще жив? Последует немедленный приказ, и через несколько часов Палланта отравят. Так запоздало отомстит Нерон матери, и мертвая она не оставляла его в покое...

Почти неделю Агриппина не показывалась сыну на глаза. Он тоже делал вид, что совсем забыл о ней, хотя десятки шпионов каждый час доносили о каждом ее шаге, о ее настроении, репликах, выражении лица, о том, что она ест и что говорит слугам. И если приходило сообщение о каких-то признаках страданий или печальных вздохах матери, Нерон радовался как дитя, у него сразу же улучшались настроение и аппетит.

Наконец, Агриппина отправилась к императору. Несколько дней, проведенных в одиночестве, придали ей новую решимость бороться с сыном до конца. Она улыбалась, словно давно простила ему высылку Палланта. Впрочем, его имя в разговоре не упоминалось. Они мило болтали о разных пустяках. Нерон с грустью замечал, что Агриппина стала неважно выглядеть, и озабоченно предлагал ей съездить на море, отдохнуть, привести себя в порядок.

Все это говорилось за обедом. Милая воркотня, однако, подобно кинжалу вошла в сердце Агриппины. Не зря Нерон долго репетировал накануне предстоящей встречи, подбирая, разучивал слова, заранее предвкушая, как они ранят мать. Теперь он млеет, видя, что достиг своей цели, что Агриппине плохо удается владеть собой. Этот способный комедиант, наслаждаясь собственной игрой, предлагал императрице своих массажисток, прекрасных девушек-египтянок, которые знают такие удивительные секреты массажа, что после нескольких сеансов как будто молодеешь лет на десять. Ведь Агриппина еще довольно молода и красива. Нерон, не сумев сдержаться, захихикал, и этот смех снова ранил мать в самое сердце.

Агриппина, не выдержав, зло бросила сыну, что в империи есть еще один человек, достойный носить пурпурную тогу триумфатора — Британик. Его хотел видеть Клавдий на престоле, он сам говорил ей не однажды об этом. Возможно, Британик сумеет по достоинству оценить того, кто поможет ему вернуть наследственные права...

Произнеся эти гневные слова, Агриппина немедленно покинула Нерона и вернулась к себе.

Угроза ее была нешуточная. Нерон едва смог натянуто улыбнуться вслед матери. Она нашла-таки его ахиллесову пяту. Что ж, спасибо ей и за то, что напомнила о Британике, о нем император забыл. Сын Клавдия реально претендует на его место. И не одна Агриппина помнит об этом. Сенаторы, получающие свои деньги за каждодневную болтовню, наверняка по вечерам шушукуются на сей счет. Всегда найдется тварь, готовая учинить заговор и провозгласить императором Британика. Тот же Бурр, не моргнув глазом, продаст его с потрохами, если Британик посулит ему один из дворцов.

Нерон действительно испугался. Он чуть было не позвал мать обратно, чтобы попросить ее убрать Британика — у нее ловко получались такие вещи, но передумал. Надо будет мириться, что-то обещать взамен. А она требует одного — разделить власть, чтобы вновь самой встать у руля империи. Это слишком много за такое пустяковое дело, он с ним и сам справится...

На ближайший пир Нерон пригласил Агриппину, точно забыв о недавней ссоре. Мать-императрица расценила приглашение, как добрый знак. Она явилась, ничего не подозревая, была ласкова с сыном, полагая, что он одумался. Прошло два часа с начала застолья, как вдруг Британику стало плохо. Его увели в соседние покои, и через несколько минут лекарь доложил, что он скончался в судорогах. Сомнений нет, это — яд. Нерон вскричал, что это хотели отравить его, он повелел тотчас найти виновных. Агриппина была потрясена. Император перехватил растерянный взгляд матери и высокомерно улыбнулся, давая ей понять, что вызов, брошенный ею, он принял.

Смерть Британика вконец подкосила Агриппину. Она впервые почувствовала ледяющий страх перед сыном, который не дрогнет и, если потребуется, собственноручно отправит и ее на тот свет. Сомневаться в этом не приходилось, и она смирилась, отступив перед злодейством Нерона...

Жизнь Агриппины на этом не закончилась. Но прежде чем продолжить наш рассказ о четвертой жене и вдове мертвого бога Клавдия, мы позволим выступить из сумрака истории новой героине и немного расскажем о ней, ибо в дальнейшем судьбы этих женщин будут неразрывно связаны друг с другом.

ПОППЕЯ САБИНА

(ок. 31 — 65 н. э.)

Поппея по материнской линии была внучкой знаменитого консула и триумфатора Сабина. Ее мать в свое время по праву считалась первой красавицей Рима, и дочь красотой пошла в нее.

В юности Поппея слыла скромницей: редко показывалась на людях, а когда появлялась, часть лица закрывала покрывалом, дабы не привлекать к себе повышенное внимание. Она точно выжидала, чтобы мгновенно, наповал сразить в удобный момент своим неотразимо прекрасным обликом. Очень скоро показная скромность исчезла, и на сцену выступила опасная интриганка, чрезмерная сладострастница, которая, как отмечал Тацит, не дала различий между своими мужьями и любовниками. Тот же историк написал, что «у этой женщины было все остальное, кроме честного образа мыслей».

Первый муж нашей новой героини — всадник Руфий Криспин (от Криспина у нее родился сын) был богат, весьма недурен собой и безумно любил Поппею, но вскоре ей наскучил. Тем более, что Нерон, увидев однажды Поппею, возгорелся к ней великой страстью. Император, забыв об Акте, страстно захотел обладать столь незаурядной красавицей.

Прежде всего необходимо было отнять ее у Руфия

Криспина. Эту операцию Нерон поручил своему другу и сабутьльнику Сальвию Отону (впоследствии также римскому императору, правда, удержавшемуся у власти всего три месяца). Предполагалось развести Поппею с Руфием, затем она выходила замуж за императорского приятеля, и Нерон мог свободно видиться с несравненной царовницей. Все задуманное удалось. Император вскоре получил возможность посещать Поппею, когда ему заблагорассудится, особенно не афишируя их отношения. Ведь Нерон был женат на Октавии, дочери Клавдия.

Однако идиллия оказалась непродолжительной. Поппее надоело быть только любовницей хотя бы и императора, смиренно ожидать его прихода... К тому же Нерона быстро утомляли любовные забавы и он засыпал... А тут еще сам Отон, не на шутку распалившись страстью к Поппее, начал ее домогаться... Все же Поппея терпела, прекрасно понимая, что произойдет, если Нерон, жуткий ревнивец, узнает сам или Отон спяну проболтается о том, что переспал... с собственной женой. Ее могут растоптать, унижить, выслать, даже убить. Все ее мечты пойдут прахом. Слов нет, нелегко приходилось очаровательной сладострастнице, избалованной и капризной, алчной до власти и любовных безумств, жить пока одной надеждой на то, что когда-нибудь император потеряет голову и ...

О новом увлечении сына узнала Агриппина. Если скромность Акте, ее зависимое положение при дворе позволяли надеяться, что Нерон никогда не свяжет с ней свою жизнь, то Поппея, в силу своего привилегированного положения, богатства и красоты, представляла серьезную опасность. Едва встретившись, обе женщины поняли, что вместе им будет тесно. Как отвлечь Нерона от роковой красавицы? Агриппина вновь решила на крайние меры...

Вдовствующая императрица каждодневно зачастила во дворец Нерона, появлялась на торжественных приемах, пирах. Разговоры о власти она не заводила, в дела управления империей не вмешивалась. Зато она тщательно выбирала наряды, искусней клала румяна, натиралась благовониями и пахучими маслами, явно недвусмысленно предлагая себя сыну в качестве испытанной любовницы. Несколько раз Акте спасала Нерона от покушений Агриппины, предотвращая кровосмесительную связь. Но сильнейшая ненависть императора к матери была замешана отчасти и на энергии телесной. Однажды разгоряченный вином Нерон не выдержал и оставил Агриппину у себя. Мсти-

тельность, страх, животный садизм — вот на чем было замешано это сладострастие.

Видимо, замес оказался поразительно крут и крепок, да и Агриппина как любовница превосходила всех остальных в ласках. Вот почему противоестественная близость продолжалась довольно долго. Нерона и Агриппину теперь носили вместе на одних носилках, они не стеснялись, всем демонстрировали и характер своих отношений. Императрица даже делилась кое с кем, не стыдясь, интимными подробностями этой связи. Римляне в ужасе смотрели на любовную парочку, не зная, как реагировать на подобные вещи. Даже для погрязшего во всевозможных пороках Вечно-го города происходившее казалось чудовищным.

Приобретая в любовницы Агриппину, Нерон не хотел терять, однако, и Пoppею, чья красота по-прежнему влекла его с neodолимой силой. А Пoppея, узнав о случившемся, пришла в бешенство, понимая, какой целью задалась Агриппина, предприняв столь неожиданный шаг. В ответ было применено безотказное оружие, на каковое уповают все возлюбленные, дабы усилить страсть противоположной стороны. Пoppея уступила, наконец-то, Отону и стала его любовницей, доведя весть о случившемся до сведения Нерона.

Как и следовало ожидать, ревнивый император потребовал объяснений, и Пoppея резонно заявила ему, что она замужем. Брак с Отоном ее устраивает, он заботливый и любящий супруг, позволяет ей вести роскошную жизнь, и Пoppея не может более его компрометировать.

Продолжительный монолог содержал все претензии к Нерону разом: близость с Агриппиной, которая повсюду поносит Пoppею; связь Нерона с простолюдинкой, бывшей рабыней Акте, которая по-прежнему находится около него, приучая к дурным манерам; если же император любит ее, Пoppею, и хочет наслаждаться ее телом, он должен взять ее в жены, в противном случае она готова уехать в провинцию и всю оставшуюся жизнь провести там, служа своему мужу Отону, зная при этом, что никто не сможет бросить в нее камень, как в грязную развратную девку.

Нерон, придя однажды вечером к Пoppее, нашел дверь ее дома закрытой. Он начал ломиться, осыпая хозяйку угрозами и бранью, но ему не открыли. Пoppея сама предложила ему выбор: либо она, либо Агриппина и Октавия. Но Октавия почти ничего не решала в планах Нерона, безропотно снося все его похождения. Вот Агриппина была яр-

настроена против Пoppей: и она не позволит ему ее бросить. Вдову Клавдия поддержали многие влиятельные лица в сенате. Следовательно, чтобы быть всегда с Пoppей, Нерону нужно было убрать мать.

Агриппина, брошенная к тому времени сыном, стала любовницей Сенеки, который постепенно сделался фактическим правителем империи. Надо сказать, они неплохо с Бурром управляли: государство процветало. Сенеке льстило, что жена «бога» Клавдия; любовница еще двух императоров — Калигулы и Нерона, теперь в его объятиях. Немаловажным было богатство Агриппины. Сенека любил роскошь. Однако надо отдать должное уму философа. Зная, сколь шатко положение императрицы, отношение к ней сына, он вместе с Бурром и Пoppей не уставал внушать Нерону мысль о потенциальной опасности Агриппины. Свою связь с ней бывший учитель императора оправдывал заботой об интересах воспитанника, поскольку находясь в интимных отношениях с его матерью, всегда был в курсе ее честолюбивых планов.

Нерон постепенно смыкал роковое кольцо вокруг Агриппины. Поначалу он снял охранявшие ее военные караулы. Еще через некоторое время она лишилась германцев, составлявших ее так называемую почетную стражу. В конце концов Нерон навсегда выставил мать из императорского дворца, где она имела собственные спальные покои.

Агриппина поначалу сопротивлялась, даже попробовала составить свою независимую партию из знати и военачальников, но мало кто из последних рискнул вести с ней подобные игры. Все понимали, что она в немилости у сына, и охотников ходить по краю пропасти почти не нашлось. Более того, одна из ее новых подруг, видимо, специально подосланная, обвинила Агриппину в заговоре с целью свержения императора. Началось расследование, и вскоре обнаружилось, что никакого заговора на самом деле не было. Судьи полностью оправдали Агриппину и даже устроили ей свидание с императором, на котором она потребовала наказать доносчиков. Нерон нехотя согласился и принес матери извинение.

«Ночная кукушка дневную всегда перекукует» — гласит пословица. Пoppей по-прежнему настаивала на убийстве Агриппины, не желая более терпеть ее присутствия и язвительных уколов. Императрица-мать наслаждалась, унижая Пoppею. С ней она демонстративно не здоровалась, зато словно бы подчеркивала нежное отношение к

Октавии, которую прилюдно называла красавицей и божественной женой императора. Можно себе представить, какую злобу вызывало это у Пoppей. Каждое ее свидание с Нероном заканчивалось клятвой римского владыки избавиться от Агриппины.

Осуществление задуманного откладывалось лишь из-за выбора способа умерщвления. Яд отпадал: Агриппина давно принимала противоядие, приготовленное для нее Лукустой. Смерть от оружия наделала бы много шума, обеспокоенные сенаторы потребовали бы чего-либо хорошего тщательного расследования.

Тогда Аникет, один из бывших воспитателей Нерона предложил такую идею: скоро большой праздник, надо построить корабль и отдать его Агриппине, как только она, устав от вина и веселья, уйдет в свою каюту, и заснет, по заранее условленному сигналу судно вмиг развалится. В начавшейся суматохе несложно будет утопить императрицу, потом все списав на несчастный случай. Нерона замысел восхитил, он отдал приказ о немедленной постройке корабля нужной конструкции.

Император объявил в Риме, что собирается на празднование в Байи, близ Неаполя. Незадолго до отъезда он помирился с матерью, и почти каждый день заходил к ней, целовал руки, в присутствии многих людей ласково говорил с Агриппиной. Она поверила в это смирение и была наверху блаженства, радуясь тому, что судьба и боги вновь ей покровительствуют.

...Праздник выдался на славу. Вино лилось рекой, и Нерон произнес тост в честь Агриппины Августы. Причем не выдержал и прослезился (он не сомневался, что видит ее в последний раз). Прослезилась и Агриппина, победно оглядывая присутствующих, давая понять всем, что слишком рано списали ее со счетов, она еще себя покажет. По договоренности заранее было решено, что Агриппина на корабле совершит морскую прогулку. Нерон подождет ее на берегу.

Прощание затянулось, и корабль отплыл поздно. Ночь выдалась тихая, лунная. Агриппина, утомленная праздником, сразу же пошла в свою каюту, где специально для нее приготовили кровать с балдахином и одеялами, расшитыми золотом и серебром... Умиrotворенная императрица не ведала, что потолок каюты изготовлен из свинца и обрушится на нее, как только она заснет, заодно пробьет и днище корабля.

Все началось вроде бы как нельзя лучше. Служанка помогла Агриппине раздеться, уложила госпожу и легла рядом. Императрица мгновенно заснула. Пробудилась она от страшного грохота. Рухнувший потолок чудом удержался благодаря высоким дубовым стенкам ложа и не причинил Агриппине никакого вреда. Днище, естественно, тоже осталось невредимым, судно держалось на воде, как ни в чем не бывало. Тогда исполнители убийства, поняв, что произошло, попытались раскачивать судно, чтобы его перевернуть. Однако на его борту было немало тех, кого не посвящали в заговор. Они приняли все меры противодействия, в результате завязалась драка.

До Агриппины донеслось, что группа злоумышленников хочет потопить корабль, и она, быстро поняв в чем дело, решила спастись бегством. Она со служанкой прыгнули в воду. За ними кинулись на лодке убийцы. Не умеющая плавать служанка подумала, что спешит помощь и подняла крик. Рассчитывая на верное спасение, она называла себя императрицей. Услышав, что перед ними Агриппина, злоумышленники забили несчастную баграми, не заметив чуть поодаль мать Нерона, которая в ужасе наблюдала за происходящим. Когда довольные собой злодеи убралась, Агриппина взяв себя в руки, спокойно доплыла до берега и быстро приехала на свою виллу в тех же Байях.

Меж тем, император ужаснулся, когда ему сообщили, что Агриппина жива и невредима. Он ведь хорошо знал воинственный характер матери, ее решительность и отвагу. Кто знает, что произойдет, если, к примеру, Агриппина объявит о покушении, призовет к себе воинов, граждан и рабов именем бога Клавдия, сената и своего отца Германика? Как бы те же преторианцы не поднялись бы за нее, несмотря на Бурра. Рано или поздно гвардейцам надоедал тот или иной император. Они жаждали перемен, потому что каждый, пришедший с их помощью к власти, осыпал воинов разными благодеяниями.

Однако хитроумнейший замысел убийства напугал Агриппину (по чьему приказу ее собирались утопить, она быстро сообразила). Она попросту находилась в глубоком шоке. Страх парализовал ее волю, и этим воспользовался Нерон.

Он вызвал к себе Сенеку, Бурра, Аникета. Надо было действовать незамедлительно, скандал с кораблем скрыть не удастся.

— Можно ли отдать приказ воинам умертвить Агриппину? — спросил Сенека у Бурра.

— Преторианцы связаны присягой верности всему дому Цезарей и, помня Германика, которого они до сих пор чтут, как великого полководца и отважного честного воина, они не осмелятся поднять руку на его дочь! — чеканя каждое слово, ответил Бурр.

— Я готов! — тотчас отозвался Аникет.

— Тогда мне будет даровано самовластие, — усмехнувшись, прошептал Нерон. — И столь бесценным даром я буду обязан вольноотпущеннику. Так не медли! — вскричал театрально император. — Возьми людей и убей ее!

Тут же они все вместе выдумывают нужный предлог. Под руками у них был посланец Агриппины, который известил Нерона о ее чудесном спасении (императрица надеялась, что у сына вторично не поднимется на нее рука). Этому бедолаге подбрасывают меч, хватают его и немедленно убивают, дабы он не смог произнести ни слова. Отныне официальная версия событий будет звучать так: слуга Агриппины по ее наущению собирался убить Нерона мечом, его вовремя обезвредили и казнили, перед смертью он признался во всем. За это Агриппину необходимо сурово покарать.

...Не надо быть семи пядей во лбу, что не заметить, сколь наивно и глупо выглядело подобное объяснение. Но кому взбредет в голову подвергать его вслух сомнению, коли оно исходит от самого императора.

...Два десятка воинов окружили виллу Агриппины, и Аникет с двумя телохранителями ворвался к ней в спальню. Императрица все поняла, но самообладания не потеряла.

— Если ты пришел, Аникет, проведать меня, то передай моему сыну, что я уже пришла в себя, — сказала она. — Если же ты пришел, чтобы совершить злодеяние — хоть я и не верю, что такова может быть последняя воля сына в отношении своей матери, что он может отдать такой приказ, — то действуй не медля!

Один из подручных Аникета ударил Агриппину палкой по голове, второй обнажил меч. Вольноотпущенник зловеще ухмылялся, глядя на мать Нерона.

— Поражай чрево! — таковы были последние ее слова, и один из убийц нанес ей множество ран в живот...

Похоронили Агриппину тайно в ту же ночь.

После убийства Нерон вдруг понял, что наделал. Полу-

безумный, трясущийся от страха, он ждал, что с рассветом к нему придет возмездие, что народ, узнав о происшедшем, поднимет бунт и разорвет его на части — как еще поступать с убийцей собственной матери...

Как ни странно, утро принесло успокоение. Все поздравляли Нерона со спасением и осуждали Агриппину, которая осмелилась поднять руку на императора.

Нерон вернулся в Рим, осмелев от всеобщей покорности, безудержно предался всем мыслимым и немислимым наслаждениям. Никто и ничего его не сдерживало. 59 год стал переломным в жизни императора: он понял, что может теперь брать в расчет лишь одно мнение — свое собственное, и торжественно вступил на стезю самого разнузданного произвола.

Пришел звездный час Пoppей! Сальвий Отон — помеха ее любовной связи с Нероном — получает от бывшего друга приказ отправиться легатом в Лузитанию — римскую провинцию на Пиренейском полуострове. Отон, помня об участии Агриппины, нисколько не возражает. Пoppей свободна, а по Вечному городу ходит эпиграмма:

— Вы спрашиваете, почему Отон живет в почетной ссылке? Потому что он любовник своей жены!

Дольше пришлось ждать, пока Нерон решится убрать Октавию. Через три года, обвинив ее в бесплодии, он разводится с ней и женится на Пoppей Сабине, несмотря на недовольство высших кругов в Риме. По требованию Пoppей с улиц Рима убраны изображения Октавии и взамен появились ее собственные. Новой жене императора этого показалось мало. Она не хочет вообще видеть Октавию в Риме, и Нерон приказывает своему любимцу, новому префекту гвардии Офонию Тигеллину, назначенному вместо умершего (к счастью для него, своей смертью) Бурра, найти повод для высылки отставленной супруги. Все же она дочь божественного Клавдия, нельзя ее запросто вышвырнуть из столицы даже императору.

Октавии всего лишь 22 года (она на девять лет моложе Пoppей). Неужели Тигеллин не обнаружит ничего компрометирующего за молоденькой женщиной. Не обнаруживает. Тогда он подкупает одного из египетских музыкантов, флейтиста, который дает показания о том, что он сожительствовал с Октавией. Нужны, однако, свидетели, а найти их оказалось не просто: большинство слуг Октавии даже под пытками отказались клеветать на свою госпожу. Но нас дошел смелый ответ молодой служанки ретивому пре-

фекту: «У Октавии женские органы целомудренней, чем твой рот!»

Правда, Октавию все равно высылают в Кампанию (область на юге Италии) под стражу. Но последовавшие вслед за этим волнения римлян испугали Нерона. Он пообещал возмущенной толпе возратить Октавию и снова объявить своей женой. Народ ликует, сбрасывая и разрушая статуи ненавистной ему Пoppей. И тут немного отошедший от страха император бросает против бунтовщиков войска.

Льется кровь на улицах Рима, приказом Нерона возвращаются на свои места статуи его второй супруги. А та чувствует, что положение ее непрочное: еще одно возмущение плебса, и Нерон сдастся, вернется к Октавии. Сейчас решается ее судьба, убеждена Пoppей, и, бросившись к ногам мужа, произносит страстный монолог в свою защиту:

— Я не в таком положении, чтобы спорить о браке, хотя он мне дороже жизни, но сама жизнь моя находится уже в опасности от рабов и приверженцев Октавии. Они, прикрываясь именем народа, в мирное время дерзают на то, что и на войне не случается. Оружие поднято против императора — недостает только вождя, а он при таком волнении легко найдется. Пусть только оставит Кампанию и придет в город та, отсутствующая, по мановению которой и возникают смуты. В чем же иначе моя вина? Кого я, чем оскорбила? Не потому ли, что я намереваюсь дать истинное потомство дому Цезарей, народ римский предпочитает порождение египетского музыканта посадить на престол имперский? Наконец, если уж таково требование обстоятельств, то призови властительницу добровольно, а не вынужденно, и обеспечь мою безопасность справедливым возмездием. Умеренными средствами успокоены зачатки волнения, а если народ откажется в том, что Октавия будет женой Нерона, то он, народ, сам даст ей мужа...

Выслушав Пoppей, император решил довести дело с Октавией до конца...

Он уговорил своего любимца Аникета лжесвидетельствовать о сожительстве с дочерью Клавдия. Октавию отправили на остров Пандатерию и там задушили в жарко натопленной бане, предварительно вскрыв ей вены. Пoppей Сабина стала законной и единственной женой Нерона.

Что удивительно, она не тронула безмолвную красавицу Акте. Вероятно, новоявленная императрица не считала вольноотпущенницу серьезной соперницей. Акте жила во дворце и по-прежнему любила Нерона.

Генрик Сенкевич в своем романе «Куда идешь?», посвященном эпохе Нерона, так описывает Пoppею: «Она во всем распоряжалась Нероном, как своим подданным, но знала, что когда дело идет и его самолюбии певца, возницы или поэта, раздражать императора опасно. И так, она вошла в пиршественный зал, прекрасная, как богиня, в одеждах такого же аметистового цвета, как у Нерона, и в ожерелье из необыкновенно крупных жемчужин... — златокудрая, нежная и, хотя уже разведенная с двумя мужьями, сохранившая лицо и взгляд девушки».

Через некоторое время Пoppея исполнила данное Нерону обещание и родила девочку. Император был несказанно счастлив, дав жене и дочери титул «Августа».

Увы, всякая влюбленность имеет свой конец. Мало того, что Нерон был избалован женскими ласками. Сенека еще в юности приучил его к любви с мальчиками, и властелин Рима не забывал отдавать дань этому увлечению. Еще больше его тянуло к пению, театральному искусству и сочинению стихов. Привлекали императора также скачки, он считал себя одним из лучших наездников империи. Эти занятия занимали почти целиком и полностью.

А Пoppея поняла, что у нее снова будет ребенок. Она тяжело переносила беременность, постоянно болела, была крайне раздражительна...

Нерон старался меньше бывать во дворце, пропадал на шумных пирушках и возвращался домой за полночь. К предродовой болезни Пoppеи прибавились еще ревность и подозрительность. Кто мог дать гарантию, что супруг не подцепил какую-нибудь хорошенькую юную девочку и не влюбился в нее по уши? Пoppее — за тридцать, беременная она и вовсе выглядит незavidно. Долгими вечерами копилось раздражение, и почти каждое позднее возвращение мужа Пoppея отмечала громким скандалом. Один из них закончился трагически.

...Изрядно пьяный и разгоряченный прошедшими скачками император, едва Пoppея подняла громкоголосый вопль, не выдержал и со всей силой пнул ее ногой в живот. Через несколько часов Пoppея умерла. Произошло это в 65 году.

Утром, придя в себя и поняв что натворил, Нерон зарыдал как младенец, но было уже поздно. Он приказал забальзамировать Пoppею и положить ее в родовую гробницу Юлиев. Во время погребальной процессии безутешный супруг непрерывно превозносил красоту Пoppеи, ее добродетели.

Впоследствии он приказал оскотить белокудрого мальчика Спора, обрядил его в женские одежды, назвал Поппей Сабинной, после чего официально женился на нем и жил с ним, как с женой. По Риму ходила шутка, что человечество было бы счастливо, если бы у отца Нерона была такая же супруга.

Император еще раз подтвердил справедливость мнения римлян о себе, когда приказал утопить своего пасынка — сына Поппеи и Криспина — Руфия за то, что малыш, играя, назвал себя полководцем и императором. Воистину, близ царей — близ смерти.

В том же 65 году Нерон приказал Сенеке умертвить себя, так как открылось, что философ знал о заговоре против императора и не донес о нем.

В 68 году пробил час самого Нерона. Против него восстала армия, поднялись преторианцы. Всеми покинутый, преданный даже своим любимцем Тигеллином, император бежал в одно из поместий своего вольноотпущенника Эпафродита и там приказал ему убить себя. С Нероном угас последний потомок рода Юлиев.

Нелишне будет заметить, что похоронила его Акте, любившая этого человека всю жизнь. Она погребла его прах в родовой усыпальнице Доминициев, к роду которых он принадлежал до усыновления его Клавдием. Гробница еще долгое время украшалась живыми венками и цветами. Что сумела открыть, разглядеть Акте в этом тиране и полусумашедшем — до сих пор остается загадкой.

ФЕОДОРА

(около 500-548 годов нашей эры)

История знает множество примеров восхождения на вершину социальной, политической, государственной лестницы людей, принадлежавших по рождению к самым низам общества. Как правило, мужчины добивались этого необычайной смелостью, храбростью, интеллектом, сообразительностью. От женщин обычно для подобного взлета требовалось не только все перечисленное, они достигали высших ступеней власти нередко благодаря красоте и распутству. Безусловно, те и другие должны были иметь непомерное честолюбие и железную волю, острый коварный ум, чтобы избежать многочисленных препятствий на своем пути.

Один из ярких примеров подобной карьеры — судьба византийской императрицы Феодоры.

Родилась она, по-видимому, в Сирии. Оттуда ее семья перебралась в столицу Византийской империи Константинополь, воздвигнутый на месте торгового города Византия и названный в 330 году в честь императора Константина I. К началу VI века — это уже богатый и шумный город с величественными храмами, монументами, торговыми рядами. Родители Феодоры нашли себе здесь работу при бегах — самом популярном месте развлечений у византийцев. Отцу ее Акакию досталось место зрителя зверинца од-

ной из партий, именовавшейся «зеленой». Так называли себя поклонники состязаний на колесницах, кроме бегов любившие смотреть и на травлю зверей.

Работы у Акакия было много, и он по целым дням находился возле клеток с медведями. На попечении матери Феодоры, кроме нее, находились еще две дочери — Комито и Анастасия, но обладая горячим темпераментом восточной женщины, она не очень утруждала себя родительскими заботами, быстро откликаясь на предложения богатых поклонников, отбоя от которых на бегах не было. Однако ей удавалось сохранять свои отлучки в глубокой тайне и с блеском вести роль верной жены и заботливой хозяйки.

Когда Акакий умер, безутешная вдова, не успев утереть слезы, вышла замуж за одного из своих прежних ухажеров, надеясь сохранить для него и должность покойного супруга. К сожалению, она ошиблась: смотрителем назначили другого. Мать Феодоры, убедившись в бесполезности хлопот, решила апеллировать к симпатиям публики и во время одного из представлений вывела на арену своих девочек с веночками на головках, заставив их лить слезы и молить о милости. Партия «зеленых», предупрежденная об этом фарсе, сделала вид, что не заметила плачущих сироток. Зато они тронули сердца их соперников — «голубых», которые предоставили отчиму Феодоры место зрителя в своем зверинце.

Далее продолжить рассказ нам поможет Прокопий, придворный историограф Феодоры и императора Юстиниана, будущего супруга нашей героини. Он подробно и ядовито описал жизнь императрицы, благоразумно распорядившись обнародовать эти записки лишь после своей смерти. Кстати, благодаря Прокопию (его труд назван «Анектоды», что означает в переводе с греческого «неизданное», «неопубликованное», просьба не путать с современным значением этого слова) имя Феодоры вызывает сразу отрицательные эмоции, даже в последнем издании «Словаря Античности» говорится о том, что имя «Феодора» предназначено до сих пор исключительно для отрицательных персонажей. Справедливо это или нет, мы поймем ознакомившись с судьбой этой, безусловно, интереснейшей женщины. А сейчас — слово Прокопию.

«Когда девочки подросли, мать тотчас же пристроила их к здешней сцене (мимов), так как они были очень красивы, но не всех в одно время, а постепенно, по мере то-

го, как каждая, на ее взгляд, уже созрела для этого дела. Старшая из них, Комито, уже блистала среди своих сверстниц и сотоварок, следующая за ней, Феодора, одетая в короткий хитон с длинными рукавами, как полагается служанке-рабыне, следовала за своей сестрой, как ее служительница, и постоянно носила за ней на своих плечах сиденце, на которое в разных собраниях обычно садилась Комито. В это время Феодора, будучи еще подростком, не могла сходитья с мужчинами и отдаваться им, как женщина, но за деньги протитутировала себя, как это делают мужчины, с людьми одержимыми дьявольскими страстями, в том числе и с рабами, которые провожая своих господ в театры, между делом, имея свободное время, занимались такими гнусными делами. Долгое время жила она в этом блуде, предавая свое тело противоестественному пороку. Как только она стала взрослой и цветущей видом, она тотчас пристроилась при сцене и стала простой блудницей, такой, которых древние называли просто «выходными». Она не умела играть ни на флейте, ни на струнных инструментах (сопровождая их пением), тем более не отличалась в танцах, но умела она только первому встречному продавать свою юность и красоту, служа ему всеми частями своего тела.

Затем она стала выступать с мимами во всех постановках, там, где требовалась ее помощь, чтобы вызвать смех шутовскими выходками. Она была исключительно изящна и остроумна. Поэтому она, когда была на сцене, тотчас обращала на себя всеобщее внимание. Эта женщина не стыдилась ничего и никто не видел ее чем бы то ни было смущенной, но она без малейшего колебания проявляла себя в самых бесстыдных действиях; когда ее хлестали или били по щекам, она способна была, вызывая громкий смех, остроумно шутить; скинув с себя одежды, она показывала зрителям голыми задние или передние части, что даже для мужей полагается быть невидимым и закрытым. По отношению к своим любовникам она, возбуждая их своими развратными шутками и при помощи различных ухищрений отдаваясь им все новыми и новыми способами, умела навсегда привязать к себе души этих распущенных людей; она не считала нужным ожидать, чтобы к ней обращались со словами соблазна, но наоборот, сама вызывающим остроумием и нетерпеливым движением бедер соблазняла всех первых встречных, особенно безусых мальчиков.

Не было никого, кто бы меньше ее проявлял слабость и

чувство пресыщения от всякого рода подобных наслаждений; часто приглашенная на обед, даваемый вскладчину, или на пикник, где было десять, а то и более юношей, отличающихся большой физической силой и выносливых в делах распутства, она в течение всей ночи отдавалась всем сотрапезникам; когда они, ослабев, уже все отказывались от этих дел, она шла к их слугам — и их бывало человек тридцать — «спаривалась» с каждым из них, но даже и при этом она не получала пресыщения от разврата. Приглашенная в дом кого-либо из знатнейших лиц, когда, говорят, во время попойки все собутыльники разглядывали ее со всех сторон, она садилась на переднюю часть ложа и не считала для себя стыдом, подняв спускающиеся до ног одежды, бесстыдно показывать всякое неприличие. Она часто бывала беременной, но при помощи различных средств многократно умела делать выкидыши. Часто в театре (повидимому, в «Порнас», «у девочек» — Авт.) на виду всего народа она скидывала платье и оставалась нагой среди всего собрания, повязав свои половые органы и низ живота маленькой повязкой, не потому, что стыдилась показывать это народу, но потому, что никому не позволялось здесь выступать совершенно обнаженной, не имея повязок на половых органах. В таком виде, медленно сгибаясь назад, она ложилась лицом кверху. И поднималась после этого не только не покрытая краской стыда, но даже ожидая похвал и прославленная за такое зрелище...»

Прервем на минуту подробное описание «бесстыдств». Прокопий принадлежал к верхушке византийской аристократии. Он всю жизнь служил императорам, всю жизнь сочинял «официальную» историю империи и стремился представить ее гладкой, выдержанной и девственно чистой. Он восхвалял полководца Велизария, у которого был секретарем. Пел дифирамбы Юстиниану. Между тем, все подноготная властителей была ему прекрасно известна. Подспудно копилось негодование против двуличных владык, выплеснувшись в тайных записях. Каждодневно вынужденный лицемерить, Прокопий невольно, видимо, утрировал негативные стороны бытия своих господ, как ранее преувеличивал их достоинства.

И еще. Наверняка, он всегда презирал плебейку Феодору, которую в душе никак не почитал за императрицу. Это презрение, скрываемое много лет опытным царедворцем, вынужденным лебезить перед вчерашней циркачкой, тоже проглядывает в «Анекдотах».

«Она была не только сама бесстыдной, но и гениальной учительницей всякого бесстыдства. Часто скинув одежды, она стояла посреди сцены с мимами, бесстыдно выгибаясь и опять поднимаясь, с гордостью показывала арену своего обычного искусства перед теми, которые уже не раз испробовали ее и теми, которые еще к ней не приближались. С таким безграничным цинизмом и наглостью относилась она к своему телу, что свой стыд считала не там, где он по законам природы находится у других женщин, а у нее на лице. А о тех, которые сходились с ней, тотчас можно было со всей ясностью заключить, что общение с ней происходит не по законам природы. Поэтому более приличные люди, встречаясь с ней на площади, уклонялись и поспешно уходили от нее, чтобы, коснувшись одежд этой женщины, не заразиться такой грязью и нечистью. Для тех, кто особенно видел ее утром, это считалось неблагоприятным предзнаменованием. К своим же сотоваркам по театру она обыкновенно относилась, как самый ядовитый скорпион: она обладал большим даром злоречия...»

Короче — исчадие ада, если верить описанию Прокопия. Невольно, однако, несмотря на весь «яд» описаний, историк подмечает в Феодоре то, что предопределило ее феерический взлет — остроумие, красоту, необычайную гибкость тела, крепкое здоровье и фантастическую выносливость.

Хотя до взлета было еще далеко. От девочки для развлечений до императрицы — долгий путь. Скажи кто-нибудь тогда, что маленькая развратница в будущем станет хозяйкой императорского дворца, его бы высмеяли. И первой — сама Феодора. Уж слишком широко гремела ее слова распутницы, чтобы судьбе угодно было столь резко изменить ее. Византия середины первого тысячелетия совсем не походила на извращенный Рим в начале тысячелетия. На вершине власти исповедовали целомудрие и христианские догматы, почитавшие плотские утехы как самый тяжкий грех; маленькая Феодора исполняла для своих поклонников танцы в костюме Евы-прародительницы — как видим, пока многое их разделяло.

К восемнадцати годам Феодора успела родить ребенка и настояла, чтобы отец взял его с собой — он уезжал в Аравию в качестве государственного чиновника. Это свидетельство силы характера циркачки, ее волевого напора. Дьявольски красивая, умная, языкастая, умеющая постоять за себя и словом и делом, она была королевой констан-

тинопольского содома. Но ее любили в той степени, в какой можно любить запретные утехы и разврат — и не более того. Может быть поэтому в Феодоре в какой-то миг вся ее веселая жизнь показалась скучной, неинтересной. И она решила все изменить. Одним махом. Для такого поступка, безусловно, надо обладать верой в себя, в иное свое предназначение.

Она уехала из Константинополя в провинцию Пентаполис, находящуюся в Африке. Видимым поводом для отъезда послужило назначение туда наместником (префектом) Гекебола, одного из самых резвых любовников Феодоры. Артистка все рассчитала и рассудила правильно: Константинополь должен навсегда забыть о великой блуднице, она вернется сюда совсем в другом обличье...

...Феодора, непотребная девка, умрет; вместо нее явится, как птица Феникс, Феодора — богатая и недоступная дама...

Правда, Гекебол брал ее с собой в качестве метрессы, т. е. любовницы. Положение не самое завидное, но другого она пока и не заслуживала, а выбирать не приходилось.

Людам свойственно впадать в иллюзии и верить, что на новом месте все немедленно пойдет по-иному. Увы, все надежды самоуверенной Феодоры с треском провалились. Привыкнув делить свои симпатии сразу меж несколькими поклонниками, она и в Пентаполисе сохранила эту привычку, возмечтав предстать в роли сладострастного вулкана маленькой провинции и потрясти ее до основания. Она забыла, что Гекебол здесь — не просто один из многих любовников — он единственный повелитель и диктатор, которому вряд ли понравится делить свою наложницу с кем-либо еще. Посему последовал быстрый и суровый приговор — Феодору с позором изгнали из дома префекта.

Вот когда начался самый тяжелый период ее жизни. Без средств, без связей, одна, она пустилась в обратный неблизкий путь — через Александрию, Антиохию. Остался один доступный ей способ зарабатывать деньги в дороге — продажа собственного тела. Попутчики — в основном кочевники и купцы — плохо разбирались в женской красоте и с трудом расставались с каждым грошом, часто заработанной меди едва хватало на ужин. Это был путь отчаяния, он вел в никуда. В Константинополе пришлось бы начинать сначала, но сколько можно продержаться, торгуя собой? Женский век недолог. А что потом? Феодора в эти тяжелые дни часто задавала себе подобные вопросы и не

находила на них ответа. Уповать на судьбу, когда она только что так жестоко обошлась с ней, было бы вроде глупо. И все же в глубине души юная циркачка верила в свою звезду.

Так в несправедных трудах и грустных размышлениях прошло путешествие Фео до Антиохии, одного из красивейших городов империи, который подобно столице имел свои ипподромы, цирки, театры. Здесь Феодоре удалось свести дружбу с красавицей Македонией, занимавшейся той же профессией, что и Феодора. Наконец-то нашей героине улыбнулась удача!

Антиохийская куртизанка прекрасно знала племянника императора Юстина — Юстиниана и даже оказывала ему некоторые услуги, за что и получила право бывать при дворе. Желая помочь новой подруге, она дала ей рекомендательное письмо к своему царственному знакомцу. Феодора, которой к тому времени исполнилось только двадцать два года, обладала, тем не менее, огромным жизненным опытом и тотчас смекнула, какой шанс идет ей в руки, главное — его не упустить.

Приехав в Константинополь, Феодора поселяется в маленьком домике, снятом на скромные сбережения, сделанные в Антиохии. Она начинает заниматься хозяйством, сама прядет шерсть, ходит за домашним скотом и рассказывает всем о своем знакомстве с восточными патриархами: египетским — Тимофеем и антиохийским — Севером. С ними она действительно несколько раз встречалась во время своей одиссеи. Эти встречи были столь кратковременны, что у самих патриархов вряд ли остались в памяти. Феодоре важно другое: создать впечатление, что она ради этого и отправлялась на Восток, что великие духовники подвигли ее на нынешнюю праведную жизнь.

Странствия вписали новые черты в красоту Феодоры. Она словно посвежела, на щеках играл румянец. Наступила пора ее расцвета, и бывшая артистка сама чувствовала это, понимая, что природа, как и судьба, капризна и ветрена — если они дают тебе шанс, он может оказаться единственным.

Известный нам Прокопий и то вынужден был отметить, что она «была красива лицом и в общем изящна, но невысокого роста; кожа ее была не совсем белой, а скорее матового оттенка; ее взгляд был ясный, проникновенный и быстрый». Добавим, что благодаря ранней акробатической выучке Фео обладала необыкновенной грацией и завора-

живающей пластикой движений, ее черные большие глаза прожигали насквозь, заставляя биться сильнее самое равнодушное сердце.

Все это она берегла не менее тщательно, чем рекомендательное письмо, для встречи с Юстинианом. Он готовила себя к визиту к племяннику императора, как готовят хороших скакунов перед скачками, как выдерживают дорогое вино перед праздничным застольем, чтобы явить в час торжества букет его ароматов. Кроме того, ей надо было создать некое подобие добродетельной репутации, о чем раньше она попросту не думала. Когда бурный Константинополь успел подзабыть известную распутницу, а к благочестивой христианке уже привыкли, Феодора рискнула предстать пред очами Юстиниана.

Он был старше ее лет на восемнадцать, высок, строен, имел прекрасные манеры, свежий цвет лица, вьющиеся волосы и роскошные седеющие усы. Родственник императора сразу же понравился Феодоре, и свое восхищение им она не замедлила выказать на лице.

Задуманную роль Фео сыграла тонко, даже изящно, и холодный взгляд Юстиниана немедленно разгадал, что скрывается за показной смиренностью гостьи, тем более, что Македония хорошо знала, кого ему рекомендовать. Юстиниан любил таких женщин — блудниц под маской монашенок, он и сам был таков — внешне благочестивый, набожный сверх меры и страстный сластолюбец в душе, изобретающий самые невероятные способы разврата. Когда он узнал о прошлом Феодоры, его интерес к ней разгорелся еще больше, хотя это никак не выражалось. Усталость и равнодушие — вот что видела Феодора и тогда, и при следующей встрече с вельможей. Она была в отчаянии, выбивалась из сил, желая увлечь знатного собеседника и не ведала насколько жгуч и нетерпелив его интерес к ней.

В ту пору Юстиниан занимал должность начальника дворцовой гвардии, был сенатором и консулом, претендовал на звание нобилиссимуса (которое вскоре получил), дававшее право именоваться наследником престола. Все это предоставляло Юстиниану широкие возможности. В беседе с Феодорой он ненароком упомянул об этом и увидел, как вспыхнули ее глаза, но она тотчас сумела овладеть собой, приняв снова облик далекой от соблазнов христианки. Ее умение держать себя в руках не осталось незамеченным и весьма понравилось Юстиниану.

Он пригласил Феодору опять. На сей раз гостью ждал

накрытый стол с винами и фруктами, увидев его, она поняла, зачем ее позвали и не заставила себя долго упрашивать... В тот вечер она показала такое мастерство в любовных ласках, что сразу покорила Юстиниана, затмив всех женщин, которых наследник престола знал до сих пор. Сейчас же он осыпал Феодору подарками и драгоценностями. Короткое время спустя племянник добился от дяди-императора самой великой почести для новой возлюбленной: вчерешняя актриса стала «патрицей».

Феодора буквально околдовала Юстиниана, он проводил с ней все дни и ночи, не разлучался ни на миг, всякий раз желая ее сильнее, чем прежде. Это-то и пугало его опытную любовницу, она знала, что рано или поздно наступит пресыщение: даже самые желанные сладости надоедают. Вот почему Феодора старалась подольше растянуть часы удовольствий, не раскрывала сразу все свое искусство доставлять наслаждение, с каждым свиданием одаривая Юстиниана новыми и новыми ласками. Она успела быстро внушить ему, что жизнь коротка, а потому есть ли смысл им расставаться, ведь до конца дней своих Юстиниан мог бы вкушать сладкие плоды их любви. Видит Бог, они созданы друг для друга. Феодора настолько преуспела, что Юстиниан отправился к императору испрашивать разрешения жениться на дочери зрителя зверинца, ибо только с ней он испытал минуты настоящего счастья. Кроме того, Юстин сам взял в супруги простолюдинку — Евфимию, их брак подтверждал правильность выбора племянника.

Неожиданно против женитьбы Юстиниана восстала Евфимия. Она была хорошо осведомлена о прошлом Феодоры и не хотела, чтобы наследник брал в жены проститутку-циркачку. Как ни просили ее муж и племянник, императрица оставалась непреклонна.

Чтобы понять причины ее упорства, придется вернуться на несколько лет назад. Дело в том, что Юстин происходил из крестьян, карьеру начал солдатом. Благодаря личной храбрости, отваге, ловкости, выбился наверх, был замечен императором Анастасием, который назначил его начальником своих телохранителей, доверив тем самым один из важнейших постов в государстве.

В 518 году началась борьба за власть: Анастасий умер, не оставив прямых наследников. Правда, у него имелось три племянника, один из которых, Ипатий, рассматривался как наиболее вероятный кандидат на трон. Мечтал овладеть престолом и главный евнух — Аманций, ненавидев-

ший Ипатия. Для подкупа нужных людей он выдал огромную сумму денег Юстину. Хитроумный интриган представить себе не мог, что абсолютно безграмотный славянин сам вынашивает честолюбивые замыслы. К тому же бывалому вояке исполнилось шестьдесят лет — возраст мало подходящий для вступления в управление империей.

Роковую ошибку допустил Аманций! Юстин весьма поднаторел при дворе по части заговоров и козней, хорошо знал нравы и обычаи вельмож и сановников. Он все рассчитал тонко. Его любили воины, видевшие в нем своего брата-солдата, сумевшего сделать головокружительную карьеру, причем на поле брани. Он привлек на свою сторону церковь, ибо был поборником строгого православия без намека на какие-либо ереси, которые вносили смуту в доверчивую паству. Мешала Юстину сыграть собственную партию нехватка денег. И тут словно Бог послал Аманция, доверившего ему целое состояние.

Старый рубака спокойно принял деньги от скопца и поклялся использовать их наилучшим образом. Юстин сдержал клятву, он действительно использовал ненароком доставшееся богатство наилучшим образом... для себя. В один прекрасный день все влиятельные патриции вдруг сделались его сторонниками, гвардия тоже была за него, и напуганный Аманций снял свою кандидатуру. Об Ипатии никто и не вспоминал. Так императором стал Юстин.

Надо отдать ему должное — государственные дела он вел умело. Человек малообразованный, но обладающий живым природным умом, он придерживался консервативных позиций. А для тех, кто стоит близ трона, для патрициев — это наиболее приемлемый стиль правления. Ведь перемены сулят лучшее лишь тем, у кого ничего нет и кто не обладает реальной властью. Тем же, кто ее имеет, никакие перемены не нужны. Юстин железной рукой солдата прежде всего держал государственную машину империи в накатанной колее, мудро полагая, что потрясать устои без особой нужды нет смысла. Казна, накопленная Анастасием, полководческая сметка самого Юстина, отсутствие фанатизма и здравый ум варвара и позволили считать его одним из лучших императоров в истории Византии.

Чувствуя все же, что отсутствие образования не украшает политика и не имея своих детей, Юстин позаботился о том, чтобы воспитать своего племянника как патриция, регулярно и методично он передавал Юстиниану опыт управления государством, готовя его на свое место. К увлече-

нию наследника Феодорой император отнесся трезво, справедливо считая, что мудрая и искушенная жена принесет мужу больше пользы, нежели коронованная особа из чужеземных земель, о которой мечтает Евфимия. Она потому и противилась выбору племянника, что надеялась, породнившись кем-либо из наследственных владык, прикрыть собственное низкое происхождение.

К сожалению, Юстин стар, чтобы бороться с Евфимией. А она, конечно же, подговорит всех церковников против этого брака. Дядя велит Юстиниану повременить с женитьбой.

Надо думать, Феодору весьма огорчила отсрочка: нелегко удерживать в своих объятиях искущенного Юстиниана. Однако ж она дождалась своего. В 523 году, когда Евфимия умерла, император разрешил племяннику жениться на Феодоре.

1 апреля 527 года Юстин, почувствовал приближение смерти, призвал к себе Юстиниана и Феодору. В присутствии делегации от сената он дал им титул Августов, через несколько дней патриарх Епифан в соборе святой Софии короновал царственную чету. Немного погодя император Юстин умер, зная, что ему наследует племянник, которого жители империи приняли спокойно, без ропота. Рядом с новым императором непоколебимо встала императрица Феодора. Все префекты провинций и городов, командующие войсками и епископы принесли им присягу: «Клянусь во имя Всемогущего Бога и Господа нашего Иисуса Христа и Бога Духа Святого, во имя Пренепорочной Девы и Матери Господа нашего, во имя четырех Евангелистов и святых и честных архангелов Гавриила и Михаила, что я буду честно и неизменно служить государю нашему Юстиниану и супруге его, государыне Феодоре».

Повторял эту давно отработанную клятву на верность монархам и один из некогда высокомерных любовников Феодоры Гекебол. Он, доньше властитель Пентаполиса, вздрагивал в ожидании неминуемой мести за те страдания, которые причинил своей метresse. Кто же знал, что судьба так высоко вознесет ее?!

Итак, Юстиниан и Феодора — владыки одного из крупнейших и богатейших государств мира, раскинувшегося от Альп до Ефрата, от Дона до африканских пустынь. В период наивысшего расцвета Византийская (или Восточная Римская) империя состояла из шестидесяти четырех различных епархий, провинций, самой маленькой из которых

была Сицилия. Четкая иерархия и строгая централизация управления обеспечивали покорность тела-державы голове-Константинополю: любое повеление, отданное здесь тихим голосом императора, торопились исполнить в девятистах тридцати пяти городах. В каждом из них действовали единые законы, до сих пор, кстати, лежащие в основе государственного законодательства многих стран.

Империю пронизывало множество отличных дорог, по которым почта доставлялась за несколько дней в самые отдаленные ее уголки. Границы защищались армиями и крепостями — разработанной лучшими стратегическими умами единой системой фортификационных сооружений. Множились школы, больницы, дома призрения. Ремесла, торговля, культура, искусство процветали. Константинополь по праву считался жемчужиной мира, его украшали сотни и сотни храмов, дворцов, скульптурных ансамблей, барельефов, десятка из которых хватило бы для прославления любого другого города.

Константинопольская библиотека насчитывала сто двадцать тысяч манускриптов. На улицах столицы можно было встретить представителей всех племен и народов земли, и это как нельзя лучше отвечало космополитическому духу государства, лишеного какой-либо одной господствующей народности. Его целость поддерживалась идеей имперского патриотизма, провозглашавшей империю вечной и неизменной формой политического бытия. Эта идея подтверждалась христианской церковью, религией, базирующейся на строгом фундаменте догм и обрядов. И при всем том насаждались раболепие к светской власти, тяга к пустым словам и малозначащим титулам.

Успешно управлять подобной державой мог только человек весьма незаурядный. Вдобавок закон о престолонаследии отсутствовал, и верховная власть каждый раз не переходила к новому императору, а как бы отвоевывалась им. Ему требовались невероятная гибкость и изощренное политическое чутье, чтобы лавировать и обладать симпатиями если не всех, то большинства важнейших слоев столичного общества: бюрократии, церкви, армии, партий «зеленых» и «голубых», которые насчитывали в своих рядах десятки тысяч люмпенизированных столичных жителей, готовых в отдельные периоды на все. Именно таким человеком и правителем был Юстиниан. Не отставала от него по части мастерства в политических играх и Феодора.

Она довольно решительно и энергично защищала непос-

редственно ее касающиеся интересы, умело легко подчинять своей воле окружающих. Деятельная, одаренная проныцательным умом, несокрушимой твердостью духа, она довольно скоро стала вместе с мужем участвовать во всех государственных делах. Когда через пять лет после ее воцарения вспыхнуло восстание и Константинополь захватили мятежники, когда во дворце поселились уныние и паника и все думали только о бегстве, бразды правления взяла в свои руки Феодора. Она обратилась к царедворцам с краткой, но проникновенной речью.

— Если бы не оставалось иного спасения, кроме бегства, я бы не пожелала бежать. Те, кто носил корону, никогда не должны пережить ее потери. Никогда я не увижу того дня, когда меня перестанут приветствовать титулом императрицы. Если ты, Цезарь, — обратилась она к Юстиниану, — хочешь бежать — это твое дело: у тебя есть деньги, корабли готовы, море открыто; что до меня — я остаюсь. Я люблю старинное изречение о том, что порфира (красная мантия монарха — *Авт.*) — великолепный саван...

Император, до безумия любивший жену, остался вместе с ней в столице. Благодаря умелым и решительным действиям Феодоры мятеж был скоро подавлен.

Кажется, еще недавно хрупкая девочка ничего не знала и не умела, кроме любовных ласк; еще недавно она торговала своим телом на восточных базарах, чтобы заработать денег на ужин, а теперь ведет себя так, словно не одно десятилетие правит империей и происходит из рода самодержцев. Войстину владыками не рождаются, и тысячу раз был прав безграмотный Юстин, разглядевший в маленькой проститутке коронованную особу, надежную опору его единственного племянника.

Стоит отметить и другое. Годы, проведенные в цирке, среди обитателей дна, оказались хорошей школой для Феодоры, научили ее механике интриг, коварству, жестокости, алчности, злопамятности — всем тем качествам, которые позволили ей разгромить бунтовщиков (подробнее об этом — ниже).

Одержав победу и показав всем вельможам, с кем они имеют дело, Феодора обратила свое внимание на жизнь двора, его этикет, привычки и ритуальные обряды, решив изменить их сообразно со своими вкусами и взглядами. Спасенный от разъяренной черни Юстиниан теперь прислушивался ко всему, что предлагала императрица и охотно исполнял ее желания.

Послушаем опять Прокопия Кесарийского: «Из нововведений Юстиниана и Феодоры в придворной жизни надо отметить следующее. Издревле Сенат, являясь к императору, обычно приветствовал его следующим образом. Кто был родом патриций, целовал его в голову; все же остальные уходили, преклонив перед императором правое колено. Приветствовать и поклоняться императрице — такого обычая не было. При Юстиниане же и Феодоре все являющиеся к ним на прием, не исключая и тех, которые носили высокое звание патрициев, падали перед ним ниц, вытянувшись во всю длину руки и ноги, затем, облобызав и ту и другую ногу у обоих императоров, они поднимались. Таким образом, и Феодора не отказывалась от такого поклонения. Она считала вполне желательным для себя, чтобы к ней являлись послы персов и других варваров и одаряла их ценными подарками, как будто бы она была носительницей власти в Римской Империи — дело небывалое во все времена. В прежнее время те, кто являлся во дворец, приветствовали самого государя именем императора, а его супругу — императрицей, а из остальных высших магистратов каждого они приветствовали именем той должности, какую он в данное время занимал. Теперь же, если кто-нибудь в беседе с Юстинианом или Феодорой употреблял слово император или императрица, не называл их владыкой и владычицей... какую бы высокую должность они не занимали... считали совершенно невоспитанными, дерзкими и несдержанными на язык, и он уходил из дворца, как совершивший тягчайшее преступление (против этикета) и позволивший себе неслыханную и недопустимую дерзость. В прежние времена немного и нечасто люди бвали во дворец. Но с того времени, как Юстиниан и Феодора приняли власть, магистраты и прочие (виднейшие) люди все должны были непрерывно пребывать во дворце. Дело в том, что в старину магистраты имели право судить и совершать законные действия самостоятельно. Поставленные начальники выполняли обычные обязанности, оставаясь в своих присутственных местах, а подчиненные, не видя и не слыша по отношению к себе никакого принуждения, понятно, не надоедали императору. Эти же властители, захватывая на горе и гибель своих подданных все дела в свои руки, заставляли всех магистратов, как самых последних рабов, вечно падать возле себя. Почти каждый день можно было видеть суды по большей части безлюдными, а в приемной императора толпу, оскорбления, великую толкотню и веч-

ное и сплошное раболепство. Те, которые считались наиболее близкими лицами к Юстиниану и Феодоре непрерывно целыми днями, иногда и большую часть ночи, простаивали там, в приемной, без сна и без еды и, нарушая все привычные сроки жизни, безвременно погибали. Вот во что обращалось у них их кажущееся счастье!»

И далее Прокопий ядовито и грустно добавляет: «А те люди, которые были свободны от всех забот, вели между собой разные речи о том, куда девались богатства Римской Империи!»

Грусть историка понятна: на его глазах разрушался привычный механизм власти, его сменяла настоящая восточная деспотия, при которой безраздельно господствовал лишь один человек — монарх, владыка. Отсюда и желание Юстиниана и Феодоры именоваться этим титулом, отсюда и давление на церковь, и принижение роли армии, нежелание усиливать ее, дабы полководцы не обладали слишком большой властью и не могли бы воздействовать на власть верховную. Нововведения нельзя оценивать, как некое самодурство императорской четы. Укрепляя самовластие, она устраняла прежде всего всевозможные попытки заговора, лишала крупных вельмож и сановников рычагов самостоятельного управления определенной независимости. Отныне в первую очередь от них требовались такие качества, как преданность и исполнительность.

Конечно, с точки зрения будущего — отсутствие инициативы и самостоятельного мышления тормозит развитие государства. Однако Феодору мало беспокоило будущее. Настрадавшись в настоящем, она хотела своеобразной компенсации за эти страдания, хотела насладиться властью, как вином, которое помогает забыться и делает человека в сей миг счастливым. Заставляя подданных раболепствовать, она стремилась вытравить из их умов все помыслы к сопротивлению. Для бунта, как говорили некогда умные люди, нужно хоть одно непоротое поколение, которое могло бы уяснить для себя одну простую вещь: что такое человеческое достоинство. Раб же, будучи сытым и довольным, никогда не осмелится выступить против своего господина.

Чтобы еще больше закабалить придворных, Феодора начинает вмешиваться в их интимную жизнь. Она поощряет неверных жен, которые, если это требуется, находят у императрицы защиту. Их любовники также пользуются покровительством Феодоры, она раздает им награды и дол-

жности. Обманутые мужа подвергаются злорадному преследованию. Их разоряют при попытке развестись с изменницами, требуя назад утроенное приданное, бичуют морально и даже сажают в тюрьму. Поэтому многие царедворцы походили на оленей в расцвете лет, что было спокойнее нежели борьба за супружескую честь.

Феодора не раз говорила в узком кругу приближенных, что подданным нечего толковать о ее прошлом, пусть они лучше повнимательнее приглядывают за собственным женой. Подрывая авторитет мужей, глав почтенных семейств, императрица лишала тем самым вельмож последнего бастиона, где они могли ощущать себя личностями, полновластными хозяевами, вытравляла из сознания знати всякую мысль о равновеликости ее бытия с жизнью царственных особ, доводила пресмыкательство чуть ли не до инстинкта.

С той же целью — унижить и растоптать все ростки светлого начала в человеке, уничтожить нравственную опору юного создания — Феодора любила выдавать девушек из знатных семейств, известных своей скромностью и целомудрием, за растленных авантюристов, подбирая специально как можно более неравные партии, дабы старинные рода лишались не только настоящего, но и будущего. Для отвода глаз Феодора давала подобным «женихам» хорошие должности, что мало утешало и невест, и их близких.

У читателя может сложиться мнение о Феодоре, как о неком воплощении дьявола в образе женщины, поглотившем добродетельного Юстиниана. Это не совсем так. Мнительный и властолюбивый по природе, император сам начал прибирать всю власть в свои руки, отдаляя тех, кто выделялся на фоне нерассуждающей толпы у трона, и приближая угодников и лизоблюдов. Он по сути вдохновил Феодору на такую последовательную ломку независимых душ, поощряя ее психологические эксперименты с изменами, разводами и сватовством, правда, держась в тени, издали наблюдая за результатами.

Роль Юстиниана хорошо видна в истории с Антониной и Велизарием — супругами, с которыми императорская чета поддерживала почти что дружеские отношения.

Велизарий был самым талантливым полководцем Юстиниана. Но именно его военные дарования, любовь простых солдат к своему военачальнику и пугали императора. Кроме того, Велизарий слыл богатейшим человеком империи,

что тоже настораживало владыку. Обладая влиянием в армии и деньгами, можно легко совершить переворот и захватить престол, поэтому Юстиниан считал Велизария «опасностью номер один». В самые ответственные моменты ратных кампаний он неожиданно отстранял Велизария от командования, дабы плоды победы не вскружили вконец голову полководцу, в других случаях Юстиниан не давал Велизарию всей полноты власти на театре военных действий, позволяя руководить лишь отдельными армейскими соединениями. Словом, Велизарий долгие годы ходил как по тонкому весеннему льду, рискуя каждую секунду провалиться в бездонную глубину.

Антонина, близкая подруга Феодоры, в прошлом такая же танцовщица и проститутка, вышла замуж за Велизария благодаря императрице. Поскольку супруг постоянно воевал, Антонина не упускала случая поразвлечься с другими мужчинами, благо несокрушимое здоровье и молодость еще позволяли наслаждаться любовными приключениями. Она нисколько не скрывала свои похождения, и Велизарий долгие годы терпел это распутство. Пока однажды нервы не выдержали и он не выставил распутницу. Та побежала жаловаться подруге. Феодора настояла, чтобы Юстиниан отстранил Велизария от командования армией.

Как во всякой деспотии, где отсутствует частная жизнь граждан, отлучение от должности — своего рода гражданская казнь, предвестие казни подлинной. Велизарий оцепенел, ожидая худшего. Тем более, что официально его обвиняли — в виду того, что Юстиниан был долго болен — в намерении принять участие в выборе нового владыки. То есть в заговоре против государя. Было от чего ужаснуться даже воину, не раз глядевшему в глаза смерти! Велизарий уже мысленно прощался с жизнью, когда примчался гонец и вручил ему письмо от императрицы.

Феодора писала: «Что ты, любезнейший, сделал против нас, ты сам знаешь. Но так как я многим обязана твоей жене, я решила простить все тебе, в чем тебя обвиняют и жизнь твою я дарю ей. Отныне ты можешь быть спокойным и не беспокоиться ни о себе, ни о своем состоянии. Но из твоих дальнейших поступков нам будет известно, как за все это ты будешь к ней относиться».

И вот знаменитый полководец при гонце (он передаст императрице, как покорны ее воле) падает в ноги вдруг появившейся жене, наверняка знающей о «приговоре» Феодоры, и начинает с упоением лизать ей грязные подошвы.

Даже повидавший многое на своем веку гонец попятился и скрылся за дверь, чтобы не лицезреть это страшное человеческое поражение. Феодора могла быть спокойна за свою подругу, и за себя с Юстинианом: Велизарий — сломлен и отныне не опасен.

Только ли императрица этого добилась? Нет. Юстиниан начал травлю полководца, а Феодора завершила ее эффектной цирковой концовкой, недаром она выросла на арене. Так со временем союз Феодоры и Юстиниана стал союзом поистине равноправных фигур, хотя конечно же, император не мог угнаться за страшной фантазией Феодоры.

Чем увереннее чувствовала себя Феодора на престоле, тем сильнее становился ее гнет. И в случае с Велизарием она не столько помогла милой подруге, сколько мстила за свое прошлое, за детство, которое было растоптано такими вот знатными господами вроде Велизария.

Между прочим, она кое в чем завидовала Антонине. Хотя бы в том, что бывшая танцовщица могла себе позволить иметь любовников, предаваться без оглядки любым страстям — пусть даже благодаря Феодоре. Поступать подобным образом императрица не смела, ибо счастье ее зависело от Юстиниана, от его безумной любви к ней, а он, кроме нее, никаких других женщин не желал знать. Как писал один современник императора, Феодора была для Юстиниана «самым сладким очарованием жизни»; или, как говорил он сам, обыгрывая ее имя, — «даром Господа Бога».

Юстиниан придерживался умеренного образа жизни. Он никогда не предавался излишествам в еде и питье. Во время постов часто не ел по два дня, употребляя малое количество воды, спал по три-четыре часа в сутки. Единственной его чувственной слабостью была Феодора, которую он безумно любил. Чтобы не дать этой любви угаснуть, императрица прилагала немалые усилия для сохранения своего тела гибким, молодым, с гладкой и шелковистой кожей.

Дворец императора сам по себе представлял маленький город, в котором трудилось десять тысяч человек. Немалая их часть обслуживала покой императрицы. По рассказам очевидцев, «за своим телом она (Феодора — Авт.) ухаживала даже больше, чем это было нужно, но меньше, чем ей хотелось. Тотчас после сна она шла в баню; очень долго пробыв там и омывшись, она закусывала, а закусив, отдыхала. За завтраком и обедом она приказывала подавать кушанья и питье самые изысканные. Время сна у нее бы-

ло всегда очень продолжительно, днем — до сумерек, ночью — до восхода солнца. Предаваясь таким излишествам в своем образе жизни, небольшой остаток дня она считала для себя вполне достаточным для того чтобы управлять всей Римской Империей... Вести всякое дело с Юстинианом было легко не только потому, что он был по характеру человеком легко поддающимся, но и потому, что спал он мало и был очень доступен. Для людей даже незнатных и совершенно неизвестных имелась полная возможность не только быть принятыми тираном, но и беседовать и по секрету говорить с ним. Но чтобы быть принятым императрицей, даже для людей, занимающих высокие должности, требовалось много времени и труда; постоянно должны были они сидеть в каком-то рабском ожидании, находясь все время в узком душном помещении. Не быть здесь для любого из начальствующих лиц равнялось смертельной опасности. Все время стояли они на цыпочках, каждый стараясь вытянуть шею и голову выше своих соседей, чтобы выходящие из внутренних покоев императрицы евнухи могли его видеть. Приглашались из них только некоторые, и то с трудом, и по прошествии многих дней ожидания, и, входя к ней с великим страхом, они уходили возможно скорее, только положив перед ней земной поклон и прикоснувшись краями губ подошвы ее ног. Право, говорить с ней или просить ее о чем-либо, если она сама не приказывала, им не предоставлялось. Таким образом, вся политическая жизнь обратилась в сплошное холопство, а она была надсмотрщицей и дрессировщицей этих рабов. Дела римлян (как себя называли византийцы, или ромеев — Авт.) приходили в упадок, как вследствие кажущейся легкой доступности и податливости деспота, так вследствие недоступности и высокомерия Феодоры».

Конечно же, такое помыкание высших чинов империи являлось органической частью общей системы подавления любого инакомыслия разработанной Феодорой (о чем говорилось выше). Хотя со стороны казалось, что все это происходит вследствие эгоизма и дурного характера владычицы. Надо отметить другое — удачное распределение Юстинианом и Феодорой между собой ролей: он прост и доступен, она холодна и высокомерна. Юстиниан поддерживает ортодоксальную церковь, Феодора же в память о своих восточных странствиях и для того, чтобы укрепить связь с богатыми восточными провинциями, где господствовали монофизиты («одноприродники», последователи учения, по

которому в Иисусе Христе признавались не два естества — божественное и человеческое, а только одно — божественное — *Авт.*), покровительствует этой ереси. Императрица с детства горячо ратует за цирковую партию «голубых», Юстиниан делает вид, что не одобряет подобной склонности супруги, хотя в душе он сочувствовал именно им («зеленые» — партия земледельцев и землевладельцев, «голубые» — моряков, купцов и т. п.).

Во всяком случае, в Константинополе «голубые» имели большее влияние, чем «зеленые», в их руках была вся торговля, и император не мог с этим не считаться. Негласное сочувствие Юстиниана сделало «голубых» полновластными хозяевами столицы, где они постоянно притесняли своих соперников.

Вражда переросла в открытые столкновения, и первыми вступили на путь террора именно «голубые», находившиеся под высочайшим покровительством. Так, когда антиохийский правитель высек нескольких «голубых», он сам был за это прилюдно выпорот. Сицилийского префекта, казнившего двух разбойников, которые принадлежали к партии торговцев, по приказу Феодоры распяли. Вот почему «голубые» не боялись преступать законы.

В столице им активно помогал один из начальников константинопольской полиции некто Калоподий. Он покрывал все преступления «голубых», обвиняя в них «зеленых», и, не стыдясь, подвергал последних самым жестоким наказаниям. Его деятельность и стала той каплей, которая переполнила чашу терпения «зеленых».

11 января 532 года в цирке состоялось всеобщее собрание жителей Константинополя, на которое пришли представители обеих партий. Страсти были накалены, и едва в цирке появился Калоподий, трибуны, где сидели «зеленые», взорвались криками негодования. Юстиниан, восседавший вместе с Феодорой в почетной ложе, повелел привести к нему крикунов. Лидеры «зеленых», приблизившись к владыке и поклонившись ему, начали чинно объяснять причину своего гнева, заявляя, что у них уже нет более сил терпеть несправедливость от властей.

Речь «зеленых» была сумбурна, кроме того она не доходила непосредственно до императора, а передавалась через глашатая, который громогласно повторял их слова. Юстиниан, желая быстрее покончить с неприятным инцидентом, заявил, что ему ничего не известно о бедах «зеленых» и о во вверенной ему империи никто не может причинять

им зло. Ответ «зеленых» не удовлетворил, и они тогда назвали имя своего врага — Калоподия, объявив, что если не найдется на него управа, они сами с ним расправятся.

Подобный ультиматум разгневал императора, он во всеуслышании обвинил «зеленых» в ереси. Те, разозленные, обрушились на Юстиниана с бранью. За монарха вступились «голубые», и перебранка уже пошла между двумя враждующими партиями. Вот-вот могла начаться настоящая резня. Понимая, что потасовка закончится не в их пользу, «зеленые» в нарушение высочайшего этикета, которое равнялось оскорблению императора, до ухода Юстиниана покинули цирк.

Префект столичной полиции Евдемон, присутствовавший при этом и боявшийся наказания за допущенный скандал, поспешил проявить активность. Схватили троих подвернувшихся под руку и тотчас приговорили к повешению. Причем Евдемон не поинтересовался, кто из них к какой партии принадлежит.

Во время казни у двоих смертников лопнули веревки, и разъяренная последними событиями толпа силой отбила осужденных, полагаясь на старинное право помилования в подобных случаях. Тут же выяснилось, что двое осужденных принадлежали к двум противоположным партиям. На следующий день в цирке, помимо здравиц императору, выкрикивали новый лозунг: «Многая лета «зеленым» и «голубым», соединенным во имя милосердия!»

Однако Юстиниан милосердия не проявил: бедолаги, избежавшие накануне смерти, были пойманы и казнены. И тут вчерашние враги вмиг объединились против общей несправедливости.

Вспыхнул мятеж. Запылала столичная префектура, за ней — другие здания (выгорело более четверти Константинополя), начались повальные грабежи и убийства.

На следующий день ослепленная яростью толпа, подойдя к императорскому дворцу, потребовала от Юстиниана отстранения от власти главных советников. Император исполнил это требование, надеясь погасить пламя бунта. Но мятежники, опьяненные первой победой, решили, что час низложения Юстиниана пробил. Знать быстро выдвинула кандидата на престол — безгласного Ипатия (уже упоминавшийся племянник покойного императора Анастасия).

Во дворце царила растерянность. Часть войск отказалась подавлять мятеж, и Юстиниан уже не хотел кому-либо доверять. Все собрались бежать: упаковывали сундуки,

готовили корабли. Даже император не видел иного выхода, несмотря на боевую решительность Феодоры. Она же в такие опасные минуты словно пробуждалась от спячки. Хладный ум действовал быстро и безошибочно.

Императрица нашла среди придворных некоего Нарсеса и дала ему золото для подкупа лидеров обеих партий. Последние неожиданно — для непосвященных в тайну сделки — отказались от дальнейшей борьбы. Это внесло смятение и раскол в ряды восставших. На улицах и площадях вдруг появились ораторы, которые призывали «зеленых» и «голубых» вспомнить свои партийные интересы.

Толпы постепенно стали расслаиваться, вновь возродились прежние распри, а полководцы Юстиниана Велизарий и Мунд с помощью верных солдат довершили дело, истребив до пятидесяти тысяч человек, собравшихся в цирке.

К Юстиниану привели Ипатия и его родного брата, обоих поставили перед императором на колени. Ипатий, понимая, что жизнь его висит на волоске, стал доказывать свою верность императору, он уверял, что именно ему, Ипатию, тот обязан победой: ради него мятежники явились в цирк, он специально собрал их, дабы Велизарий смог без труда превратить их в трупы. Логика неотразимая, что и говорить!

Юстиниан задал незадачливому претенденту на трон всего один вопрос.

«Прекрасно, — холодно улыбнулся император, что не предвещало ничего хорошего. — Но раз вы пользовались таким влиянием над этими людьми, почему не остановили их прежде чем они сожгли Константинополь?»

Ответа не последовало. Юстиниан выдержал победную паузу и дал знак страже. Пленников увели. Юстиниан был склонен пощадить братьев, чтобы не давать пример черни — убивать людей императорской крови. Береженого, как говорится, и бог бережет. Однако на следующий день племянников Анастасия убили, а трупы бросили в Босфор. Это было сделано под нажимом Феодоры, которая поклялась не щадить никого из посягавших на ее власть.

Начались процессы над бунтовщиками, оставшимися в живых. Юстиниан с Феодорой использовали суды в своих целях. Людей состоятельных, богатых намеренно заточали надолго в тюрьмы, а то и вовсе казнили, имущество их конфисковывали.

Впрочем, подобный способ обогащения использовался коронованной четой постоянно.

«Многих..., — пишет Прокопий Кесарийский, — этот самодержец заносил в число своих приближенных и давал им полную возможность производить насилия и совершать всякие правонарушения в государственной жизни, но как только они являлись обладателями огромных богатств, тотчас же, поссорившись с Феодорой, они становились ему врагами. Относительно тех, кого вначале он не считал недостойным для себя привлечь на свою сторону, проявляя всякое к этому старание, он потом, лишив всякого расположения, внезапно забывал... И Феодора начинала тогда действовать против них самым безбожным образом, а Юстиниан, конечно, не замечал, что совершается против них и, бесстыдно завладев их состоянием, наслаждался им. И вот всегда, при помощи таких махинаций на основе взаимной доверенности, наружно показывая вид несогласий, они могли держать разобщенными своих подданных и тем свою тиранию делать наиболее прочной».

Еще до мятежа отнюдь не праведным путем множилось императорские сокровища. Просто воспользовавшись разгромом «зеленых» и «голубых», ликвидацией их лидеров, грешно было лишний раз не поживиться.

Зато какой искусный спектакль, по свидетельству Прокопия, разыгрывали Юстиниан и Феодора! Грабили народ не они. Грабили (при их попустительстве) некие негодяимздоимцы. Но едва они наполняли свои сундуки золотом, на них обрушивались репрессии, они теряли все накопления, которые попадали прямоком в руки державных супругов. Оригинально, не так ли? И порок наказан, и подданные этим довольны, и деньги сыплются как из рога изобилия...

Алчность — сродни помешательству. Феодора не упускает ни малейшего случая, чтобы поживиться, вмешиваясь то в торговлю шелками, то манипулируя штрафами на купцов и вынуждая их идти к ней с подношениями.

Безусловно, богатство и власть — близнецы. Имея в руках рычаги управления, легко нажать деньги, а владея деньгами, не сложно сделать зависимыми от себя множество людей. А что надо тому, кто обладает и властью, и богатством?

...Феодоре хотелось управлять одной. Конечно, Юстиниан и без того шел ей на уступки, потворствовал любым капризам, но его каждый раз приходилось просить, напоминать... И вообще чувствовать свою зависимость Феодоре не доставляло радости. Она давно имела при дворе дове-

ренных лиц, которым щедро платила, они подчинялись только ей и никому больше, это были ее глаза и уши. Со временем императрица наводнила своими шпионами всю империю, и горе было тем, кто посмел ее неосторожно задеть словом или поступком.

На нее трудно было повлиять или склонить к иному решению, она не прислушивалась ни к чьему мнению и уж тем более, ходатайству, заступничеству. Тут срабатывала копившаяся с годами подозрительность — своего рода профессиональная болезнь монархов. Кстати, непреклонность, жестокость, как ни странно, помогали Феодоре вербовать новых агентов. Люди боялись перечить супруге Юстиниана и когда вставала дилемма: с ней или не с ней, всякий знающий человек выбирал моментально первое, ибо второе означало неминуемую гибель. И не только для отказавшегося служить императрице, Феодора мстила всему его роду, уничтожала всех его близких и дальних родственников.

За время своего царствования Феодора достигла истинной виртуозности по части репрессий. Просто убить врага, считала она, — самая легкая для него кара. Преступник должен ощутить, сколь глуп и самонадеян он был, когда противился императорской власти. Публичные порки, на которые собирался почти весь Константинополь, ссылка в отдаленные провинции, насильственное пострижение в монахи — вот лишь некоторые наказания, бывшие в ходу. В огромной столичной тюрьме заключенный подвергался самым изощренным пыткам и истязаниям. Как правило, из нее мало кто выходил живым, а если чудо происходило, спасшийся не мог и слова вымолвить про те ужасы, которых он натерпелся.

Сладострастник и садист — нередко два лика одной натуры. Феодора получала наслаждение от созерцания пыток, от того, как мучается, сотрясается от ударов человек. Вот настоящий театр, в котором ты можешь быть и зрителем, и драматургом, и постановщиком. И в любое время в твоём распоряжении самый страшный финал, которого все так боятся, — смерть.

Феодора полюбила организовывать судебные процессы, где приговор был известен только ей. Судьи, обвинители, присяжные — целый штат «актеров» разыгрывал блистательный «спектакль», который по прихоти всевластного режиссера заканчивался то трагическим, то радостным концом. Зрители в зале бушевали, вопили близкие, а невидимая никому владычица утомленно опускала занавес...

Один знатный юноша по имени Бассиан как-то во всеуслышание сострил по поводу прошлого Феодоры. Императрице донесли о неудачной шутке, остряка схватили, причем в храме святой Софии, где Бассиан укрылся, наивно полагая, что здесь его не посмеют тронуть. Но от Феодоры в ее государстве не было укрытий.

Незадачливый шутник был обвинен в педерастии и подвергнут публичному бичеванию. Народ роптал и молил императрицу о пощаде, но Феодору эти просьбы лишь раззадорили. Бассиану отрубили детородный орган, и он истек кровью. После этого никто уже не отваживался вспоминать распутные «подвиги» Феодоры.

Чем прочнее становилась власть Феодоры, тем сильнее она оберегала ее. Вырос Иоанн, старый грех Феодоры, и его отец решил открыть сыну, кто его мать. Восемнадцатилетний юноша, полный радужных надежд, осмелился прибыть в Константинополь и явиться перед взором императрицы. Можно представить, какие нежные чувства обуревали наивного провинциала, какие пылкие слова он приготовил для этой встречи...

Выслушав Иоанна, Феодора кликнула стражу и повелела арестовать его, отправив в одну из своих тайных тюрем. Ведь признай она сына, предстоял щекотливый разговор с Юстинианом, который неизвестно как отнесся бы к появлению пасынка, а значит возможного наследника на престол. Материнских чувств она никогда не испытывала, и красивый юноша, представший перед ней, был для нее лишь соперником, претендентом на ее власть, богатства. В подобных компаньонах она не нуждалась. И чтобы не обречь юношу на излишние муки, спустя некоторое время Феодора отдала приказ убить его. Это все, что она могла сделать для родного сына.

Та же участь постигла юного варвара Ареобинда. Впервые увидев его, Феодора пришла в необыкновенное волнение: ангельская красота чужеземца покорила ее сердце, она властно захотела получить его на ночь. Сделав Ареобинда своим любовником и наслаждаясь его красотой, когда ей захочется, Феодора формально назначила варвара хранителем своих драгоценностей. Однако по городу поползли слухи о связи императрицы, и едва Феодора прослышала об этом, она тотчас уличила хранителя в провинности и приказала жестоко выпороть его плетьюми. Чтобы о ее тайне никто никогда больше не узнал, Ареобинд после этого тоже исчез в одной из тайных тюрем владычицы.

Другого ангелочка она найти сможет, а вот вернуть утерянную власть вряд ли.

Власть — вот что доставляло Феодоре наивысшее счастье. Она любила пышные выезды с мужем, любила появляться на императорской трибуне и слышать восторженный рев толпы, которая приветствует ее; любила ощущать суету роя просителей своей приемной, зная, что от ее слова зависит счастье и благоденствие самых известных людей империи.

Однажды у нее выклянчил аудиенцию знатный патриций. Феодора знала, что старик задолжал большую сумму денег одному из ее слуг и теперь будет просить у нее денежного вспомоществования. Императрица решила повеселиться. Она собрала евнухов и служанок и распорядилась ввести вельможу. Тот, переступив порог, весь в слезах, упал к ее ногам и стал покрывать их поцелуями. Феодора не препятствовала этому, даже помогала, подставляя одну ножку за другой, и внимала речам просителя.

— Бедность, ваше величество — худшее из несчастий для патриция, — жалобно канючил он. — Бедный человек простого сословия пользуется всеобщим участием, для аристократа же нищета — источник всевозможных насмешек и издевательств. Обедневший патриций, которому нечем заплатить свои долги, стыдится такого признания, да и трудно уверять ему кого-либо, что человек в его положении может дойти до нищеты: его ждет бесчестье. Итак, ваше величество, у меня есть и должники, и кредиторы. Но я не могу из уважения к своему сану продать с молотка имущество должников, а мои кредиторы, не принадлежащие к патрициям, отказываются ждать. Я нахожусь, таким образом, в очень затруднительном положении и умоляю вас прийти на помощь и избавить меня от моих страданий!

Когда он закончил, Феодора самым ласковым, самым сочувствующим тоном произнесла:

— Мой милый патриций...

Ее окружение, уже разучившее необходимую реплику, подхватило:

— ... вы страдаете ужасной грыжей!

И так повторялось несколько раз, пока до старика не дошло, что над ним просто издеваются. Осмеянный, он удалился. А Феодора смотрела партицию вслед и вспоминала, каков он был на почетной трибуне в те годы, когда она таскала за своей старшей сестрой Комито ее сидение.

Сейчас императрица спокойна за нее, она выдала Ко-

мито за крупного военачальника Ситтаса, друга детства Юстиниана, ныне его любимого советника. Не волновалась она и за других своих родственников, обо всех она позаботилась: внук Афанасий, сын ее единственной известной Юстиниану дочери (да и вообще единственного ее ребенка, ибо Иоанна уже не было в живых) делал блестящую карьеру и получил от любящей бабки несметные богатства; племянницу Софью она выдала за Юстина, племянника мужа (он после смерти дяди правил вместе с женой Византией). Дядя императрицы Феодор получил титул патриция и место главы сената. Всей огромной родне было грех на нее жаловаться. Равно, как и друзьям, благо их было немного. Взять хотя бы ту же Антонину. Или Македонию, которой Феодора была обязана своим возвышением. Ее боялся сам префект Антиохии, где она по-прежнему жила.

Феодора благодетельствовала всех, кто ей был дорог. Она и сама веселилась, жила в свое удовольствие, тиранствовала всласть, пока болезнь внезапно не приковала ее к постели. Она умирала в страшных муках, крики ее по ночам наводили страх на дворцовую челядь, а муж беспрестанно молился и просил отпустить ему грехи, точно опасаясь, что всевидящий Бог покарает такой же болезнью и его. Ибо было за что карать их обоих, но провидение знает, кто должен пойти на Страшный Суд первым.

29 июня 548 года, прожив всего сорок восемь лет, Феодора умерла от рака. Историки пишут, что ее супруг был безутешен. Впрочем, ему давно уже перевалило за шестьдесят, и он тоже готовился к путешествию в загробный мир. Однако земля не думала пока его отпускать. Юстиниан прожил еще долго, проводя ту же политику, какую вел при Феодоре. Давая народу торжественные клятвы, он по-прежнему клялся и именем Феодоры. Так продолжалось до дня его смерти — целых семнадцать лет.

ФЕОФАНО

/941 — конец 900-х годов н. э./

Ее называли второй Феодорой, ибо она была столь же вожденно красива. Византийская императрица Феофано...

С юных лет вознесшаяся к властительному пределу, дарованному лишь единицам, и низвергнутая с этой высоты в бездну отчаяния, губельного забвения и бесконечных лет суровейшего прозябания. Прелестница Феофано, божественная Феофано...

Византийский историк Лев Диакон говорил, что она «наиболее прекрасная, обольстительная и утонченная женщина своего времени, одинаково выделявшаяся своей красотой, способностями, честолюбием и порочностью». А другой летописец с придыханием сообщал, что «она отличалась несравненной красотой, была истинным чудом природы».

Первые годы жизни этого «чуда» историки почти не зафиксировали в своих трудах и, восполняя позже сей пробел, торопливо напишут, что Феофано принадлежала к древней и благородной семье, что, конечно же, не соответствовало действительности.

В детстве и юности ее звали Анастасией. Имя «Феофано», что означает «избранная Богом», появилось намного позднее, когда она уже взошла на первую ступень сверка-

ющей лестницы власти. Ее отец Кратер из Лаконии был простого происхождения и содержал трактир в одной из византийских трущоб. И вот у самого заурядного трактирщика вдруг рождается необыкновенная красавица-дочь, которой позже придумают и новое имя, и даже биографию; возвысится вместе с дочерью и отец.

Конечно, надо было еще случайно познакомиться с наследником византийского престола, сыном императора Константина Багрянородного Романом. Историки почему-то этот миг неожиданного знакомства опустили, а может быть, сознательно вычеркнули из всех анналов, дабы не портить биографию императрицы. Впрочем, существуют две версии. По одной Роман познакомился с Анастасией на бесшабашной приятельской пирушке и жгучая красота дочери трактирщика так увлекла его, что она заболела ею навсегда. По другой — Анастасия выиграла состязание византийских красавиц, которое устраивалось специально для выбора невесты царевича. Впрочем, познакомиться они вполне могли на пирушке, а уже потом Анастасия благодаря протекции Романа смогла одержать победу в конкурсе.

Роман тоже удался на славу — и ростом, и красотой, и манерами. Он рано почувствовал вкус к мужским победам, любил быстротечные романы с простолюдинками, веселые застолья, охоту, с радостью откликался на зазывные взгляды как юных красоток, так и почтенных матрон, одаривавших юношу своим искусством любви. Он пил жизнь из полной чаши большими глотками, и жажда эта не проходила. Юность всегда была ненасытна в своих желаниях.

Строгий отец-император был недоволен такой разнузданностью сына, желая видеть в нем степенного и мудрого своего преемника. Как отмечал один из летописцев, «отец его наставлял, как царь должен говорить, ходить, держать себя, сидеть, улыбаться, одеваться». И в конце добавлял: «Если ты будешь поступать согласно с этими наставлениями, ты будешь долго управлять государством ромеев».

Константин даже написал для сына две книги, в которых излагал основные принципы византийской дипломатии и политики — «О демах» (провинциях) и «Об управлении государством». Но Роман был слишком молод для восприятия столь серьезных и скучных вещей, избыток энергии и здоровья восемнадцатилетнего юноши звал к развлечениям. Наставления отца тотчас улетучивались, как только он попадал в приятельский круг и прижимался щекой к пышной груди византийки.

Возможно, другому Константин и не спустил бы такого небрежения к его поучениям, но Роман был любимцем отца, и последний многое прощал сыну. Когда сынок объявил отцу-императору, что выбрал себе невесту, то последний не стал противиться, хотя в душе желал, чтобы избранницей Романа стала более родовитая девушка. Но что делать, когда избалованный женским вниманием Роман был околдован красотой Феофано и побежден силой ее характера. Будучи человеком мягким, податливым, привыкшим к тому, что любая красотка покоряется ему с первого взгляда, он не ожидал встретить яростный натиск и твердую волю. После нескольких свиданий Феофано неожиданно заявила, что ждет ребенка и была бы счастлива, если б Роман не струсил, а признал свое отцовство. Со стороны Феофано это был рискованный поступок — произвести младенца от императорского сына, видимо, она всерьез решила окрутить его и сделала все, чтобы забеременеть от Романа.

Наследник в первый миг растерялся: до этого никто не отваживался вот так впрямую объявить ему о подобной ситуации. Простолюдинки знали свое место и не претендовали на более высокую роль, нежели любовница. Феофано же вела себя как аристократка, как равная, и это тоже не могло не покорить уступчивого Романа.

Едва отец дал согласие, как тотчас сыграли пышную свадьбу и вскоре после нее — в 958 году — Феофано (она уже называлась именно так) родила мужу сына, будущего императора Василия II. Эти роды разом погасили весь хоромод разгневанного придворного шушукания, а Феофано укрепила свое положение в императорском дворце.

Следующий год — 959-й стал уже годом ее настоящего триумфа. Умер император Константин, и на престол вступил Роман II со своей супругой-императрицей Феофано. Роману шел 21 год, Феофано исполнилось восемнадцать.

Императрица, несмотря на молодость, была одержима самой сильной своей страстью — честолюбием. Как рождается оно в хрупких и прекрасных девах, взгляд которых так чист и невинен? Можно понять честолюбивого мужчину, ему власть и могущество дают возможность реализовать себя. Но зачем эта неподъемная тяжесть женщине, какой мед заключен в столь тяжком бремени?

На наш взгляд, зависть составляет ядро этой страсти. Недооцененное, это чувство способно на многое. Пока все равны, никто и не подозревает за собой злой черной силы. Но вот дочь трактирщика становится невестой наследника

императорского трона, и словно рушится запруда, злоба и ненависть разъедает сердце, и любимая подруга готова подсыпать яда в твой стакан с вином. А уж какое волнение среди дворцовой челяди, которая каждый день трется при императоре и его сыне, знает их слабости и привычки, снисходительна к ним, и вот на тебе: простолюдинка хочет завладеть самым вкусным куском пирога! Дабы противостоять всей этой злобе и пересудам необходимы не только огромная внутренняя сила, решительность, отвага, но также и власть. Без нее не справиться с толпой злобствующих завистников. И Феофано пришлось бросить им вызов и вступить в изнуряющую борьбу, дабы утвердить себя в качестве императрицы. А как это сделать на первых порах без Романа? Ведь в его руках главные рычаги власти. Способ воздействовать через него один — еще сильнее привязать его к себе, своими ласками заставить его выполнять любую свою прихоть, любое желание.

Роман не сопротивлялся, выполняя все ее желания и капризы. Зная, как сопротивлялись их браку родственники мужа, Феофано в первую очередь приказывает ему удалить свою свекровь Елену и ее пять дочерей. Роман покорно соглашается с пожеланием супруги.

Еще через некоторое время был заменен весь высший административный аппарат, державший в своих руках управление империей.

Мать Романа императрица Елена, не выдержав позора и бесчестья, через несколько месяцев умерла от горя, а ее дочери, родные сестры Романа (одна из которых, Агафия, даже заменяла отцу секретаря), были насильно отправлены в монастырь. Несмотря на слезные просьбы сестер, Феофано распорядилась, чтобы все они были высланы в разные места и обители и содержались там в послушании и строгости. Можно понять причину столь сильной мести, но оправдать ее трудно. Нужен был жесткий характер, чтоб свершить подобное наказание, и Феофано всем доказала, что она его имеет. Взамен прежних чиновников на ключевые административные посты она сама набрала людей из тех, кто ей нравился или угодничал, льстил и заискивал. Наступало время ее торжества и ее власти.

Правда, оно длилось недолго, до 15 марта 963 года, именно в этот день умер Роман II. Ему доставляли огромную радость бешеные скачки верхом, что и послужило причиной неожиданной смерти. Феофано в одночасье стала вдовой с четырьмя детьми на руках. Младшую дочь Анну

(будущую жену киевского князя Владимира Святого) Феофано родила за два дня до кончины мужа.

Можно лишь представить, сколь неутешно было ее горе. Она потеряла не столько красавца мужа, сколько саму опору собственной власти. И вот все это рухнуло. Старшему сыну Василию шел только пятый год, Константину исполнилось два: оба слишком малы, чтобы взойти на престол. Что же делать? Не для того она завоевывала его, чтобы в один миг распротиться с ним. Нужно было действовать решительно, не медля ни минуты, пока не опомнились соперники...

Феофано почти на следующий день объявила себя регентшей, возведя на престол Василия и Константина. Правда, объявить об этом было легко, гораздо труднее — выстоять в борьбе с конкурентами, ибо ситуация в государстве складывалась непростая, и передавать бразды управления империей женщине в то время было не принято.

Кроме того, у императрицы имелись влиятельные враги, свалить которых ей так и не удалось. Одним из них был паракимомен Иосиф Вринга, занимавший пост первого министра. Он никогда не относился к Феофано с должным почтением, питая в душе презрение к наглой выскочке. Теперь он вполне мог помешать ей стать регентшей, поскольку еще при Константине как-то самостоятельно управлял империей, обладал для этого необходимым опытом и прочными связями в провинциях.

Был еще один опасный соперник — полководец Никифор Фока, обладавший немалой популярностью в народе и стоявший во главе мощной победоносной армии, находившейся в тот момент в Азии. Никифор Фока обладал достаточным честолюбием, чтобы не упустить столь заветный шанс и от него можно было ожидать чего угодно. Происходя из знатного каппадокийского рода, Фока находился в зените своей полководческой славы. Он только что отвоевал у арабов Крит, находившийся сто пятьдесят лет под их владычеством, перешел через Тавр и разгромил всю Киликию, ущемил эмиров Сирии, захватив у них город Алеппо.

Так что Фоку следовало бояться еще сильнее, чем Вринга. Ведь простой народ любит сильных и властных правителей, приносящих империи, помимо крепкой защиты, еще и неслыханные богатства. Роман II, конечно, сгнул, когда перед смертью сделал Фоку главнокомандующим всей армией, и теперь за его ошибку прелестная вдова могла заплатить дорогую цену. Ибо она всегда относи-

лась к Фоке с пренебрежением, слишком уж внешне он был неказист, и Фока болезненно переносил ее неприязнь, а теперь у него есть возможность отыграться за все годы унижений.

Фоке в 963 году исполнился 51 год. Маленького роста, коротконогий, с большой головой, до черноты обгоревший на солнце, он и впрямь представлял из себя довольно забавное существо. Лишь черные глаза с полыхающими как уголь зрачками, прямой с горбинкой нос и черная с проседью борода выдавали в нем огромную внутреннюю силу, которую ощущал всякий, кто сталкивался с Фокой лицом к лицу. Под стать внешности был и характер Фоки — суровый, аскетичный и неожиданный. Он недавно потерял жену и единственного сына, дав после этого себе обет целомудрия и погрузившись в мистицизм, перестал есть мясо, спал только на жесткой циновке, ходил, обряженный во власяницу своего дяди монаха Малеина, почитавшегося в Византии святым. Духовником Фоки был будущий основатель Афонского монастыря. Обычно молчаливый, не разговорчивый Фока предпочитал его советы и общение с ним любому другому обществу. Заветной мечтой полководца было иночество, но подобно утонченному сладострастнику Фока не спешил тотчас осуществить ее, а как бы готовил себя к столь великому подвигу. В обыденной жизни у Фоки был один недостаток: он чрезмерно любил деньги.

Словом, он совсем не походил на героя сентиментального романа и не годился на роль пылкого возлюбленного, но из двоих претендентов Феофано кого-то надо было выбирать в соучастники: в одиночку, она это уже знала, победы ей не добиться.

Феофано выбрала Фоку. И, надо сказать, не ошиблась. Во-первых, Вринга только и мечтал о престоле и не хотел его делить ни с кем. Фока же был равнодушен к императорскому жезлу, ему хватало и воинских почестей. Во-вторых, Фока был намного популярнее и значительнее в глазах народа, нежели Вринга, а кроме того, будучи главнокомандующим, он обладал реальной силой и мог устранить, имея армию, любые притязания на власть, от кого бы они не исходили. В третьих, Фока знал, что Вринга его ненавидит.

Императрица тотчас послала Фоке приглашение прийти в Константинополь, оставив на время разгром ненавистных сарацин. Простодушный Фока немедленно прибыл в столицу, полагая, что надо будет завоевать еще какую-то

страну. Однако первая же встреча с Феофано ошеломила его. Великий полководец, привыкший побеждать огромные полчища варваров, не мог устоять перед колдовскими чарами императрицы. Солдат-полумонах плохо знал себя и свою душу. Он сразу же воспылал к Феофано безумной любовью и поклялся сделать все, чтобы заслужить ее расположение и милость.

Эта первая встреча не ускользнула от внимания честолюбивого Вринги и, несмотря на то, что Фока повсюду рассказывал о своем желании принять схиму, Вринга задумал ослепить полководца и тем самым покончить с опасным для себя соперником. Вринга пригласил Фоку во дворец, где главнокомандующего уже поджидали наемные убийцы, готовые выколоть Фоке глаза, но полководец, в последний миг заподозрив неладное, бежал в храм Софии под защиту патриарха Полиевкта. Патриарх, узнав о надвигающейся опасности, бросился во дворец, настоял на созыве сената и произнес там пламенную речь, благодаря которой добился для своего любимца Фоки неограниченных полномочий. Фока тем временем выехал в свою ставку, в Кесарию, оставив Врингу с носом. Вскоре он, получив известия из Константинополя и поняв, что первый министр не успокоится до тех пор, пока не разделается с ним, позволил армии провозгласить себя императором. Это произошло в июле 963 года. Три месяца понадобилось Феофано, чтобы разыграть этот дебют, который уже удачно складывался для нее.

Месяц усиленного марш-броска, и армия у стен Константинополя. Феофано и Полиевкт тоже не теряют времени даром. Они быстро подготовили, и едва показался Фока, тотчас запустили в действие восстание горожан против Вринги и его приспешников, что позволило новоиспеченному императору Никифору Фоке без всяких осложнений войти в город.

Восстание внешне, казалось, вспыхнуло стихийно. Незаметным для малосведующих двигателем его были Феофано, Полиевкт и бывший министр Василий. Причем императрица общалась только с патриархом, и Василий даже не знал о том, что Феофано управляет непростой механикой бунта. 26 августа 963 года император Фока торжественно въехал в Константинополь через Золотые ворота. Народ приветствовал его, как спасителя государства и христианства. В тот же день Фока был венчан на царство, как покровитель малолетних царей Василия и Константина,

сыновей Феофано и Романа II, а через месяц с небольшим — 20 сентября 963 года Никифор получил свою главную награду: произошло торжественное бракосочетание его с Феофано, они были объявлены мужем и женой.

Любопытная метаморфоза, не правда ли? Человек дает обет целомудрия, готовит себя в монахи, более того ненавидит женщину, с которой... через несколько месяцев вступает в брак, становится ее рабом. И все решает единственная встреча. Что сказала ему такого Феофано? Что сделала? Как произошла метаморфоза сильного характера в слабое, зависимое существо, готовое все бросить к ногам алчной и смазливой женщины? Может быть, и впрямь Феофано обладала таинственной магией любовных чар, колдовством любви, о котором приходилось ранее читать только в сказках и легендах, иначе чем еще объяснить столь внезапную перемену, происшедшую с волевым и решительным полководцем?

Во времена, о которых идет речь, подобные вещи существовали, были написаны тома об удивительных свойствах корней и растений. Так, сок краитайгоса, если жена и муж будут принимать его натошак, гарантировал рождение мальчика. Растение телефилон возбуждало в другом человеке любовь, сердцевина граната возрождала половую потенцию. Омела, корень мандрагоры и другие растения широко употреблялись для подобных целей. Не менее популярны были и колдовские зелья, рецепты которых дошли и до наших дней. Стоило человеку попробовать хоть каплю такого снадобья, состоящего обычно из разных экзотических вещей, и он мог вспылать сильной страстью к кому-либо. Вот пример одного из рецептов: взять одну землеройку, двух майских жуков, одного речного рака, немного козьего сала, два яйца ибиса, две ложки обезьяньего навоза, растолочь их в ночь полнолуния в ступке с двумя граммами мирровой смолы, пылью цветка шафрана, ладаном и луком, сварить на крыше дома в жертвенной чаше на древесных углях и медленно принимать, призывая трех богинь — богиню Луны Селену, богиню-мать Гекату и богиню подземного мира Персефону и выкрикивая определенные заклинания.

Сей рецепт помогал от бездетности, но были, повторяем, свои зелья и для возбуждения любовной страсти. И если учесть, что со стороны Феофано присутствовал тонкий расчет, можно вполне допустить, что она предпочла обратиться к помощи магических снадобий. Однако ей, как и

раньше, совсем не нравился невзрачный Фока, она намеренно пошла с ним на любовный альянс. И если на супружеском ложе и бушевали страсти, то со стороны Феофано это был лишь искусно разыгрываемый спектакль, изощренная техника любви, скрывающая равнодушие к новому супругу. Фока, оглушенный неожиданно вспыхнувшим чувством, вел себя как юноша, напрочь позабыв о мистicisme и аскезе, будто он народился заново и открыл для себя волшебную страну любви. Война закончилась для талантливого полководца, он воткнул меч в землю, сраженный стрелой Амура.

В разгар этих необыкновенных событий из Афона неожиданно приехал Афанасий, духовник Никифора Фоки и, встретившись с императором, обвинил его в нарушении священного обета. Этот приезд, как гром с ясного неба, произвел в душе Фоки невероятное смятение. Он не хотел быть отступником, что могло подорвать его популярность в народе. Посему Фока заявил Афанасию, что женитьба дело чисто политическое, он собирается жить с Феофано как брат с сестрой ради спасения взошедших на престол малолетних царей. Как только они укрепятся на троне, он без промедления уйдет в монастырь. К этим сердечным клятвам Фока присовокупил богатейшие дары афонскому монастырю, и поверивший императору Афанасий, облаканный и задобренный, уехал обратно со спокойным сердцем.

Нам думается, что Феофано не без удовольствия выслушала оправдания Фоки, которое снимало с нее определенные обязательства перед полководцем. Императрице — теперь уже дважды нареченной этим именем — важно было сразить своих врагов, победы она уже добилась и вполне могла управлять всей империей сама, как при первом муже. К тому же у Фоки возникали новые неприятности. Если Афанасий уехал успокоенный, то убедить патриарха Полиевкта в подобных намерениях было сложнее. Он многое знал из того, что скрыл Фока от своего афонского духовника. Преданный церковным постулатам и живущий лишь интересами церкви, неподкупный и строгий, делавший выговоры даже отцу Романа Константину Багрянородному, самому благочестивому из всех императоров, Полиевкт со всей страстью непорочной души своей обрушился праведным гневом на свершенный брак между Феофано и Никифором, ибо по всем каноническим законам вдовствующий император не имел права жениться на вдовствующей императрице. А когда спустя некоторое время он уз-

нал, что Фока являлся восприемником от купели одного из детей Феофано (а такого рода духовное родство категорически препятствовало браку), тотчас же предложил Фоке расторгнуть сей невозможный с точки зрения церкви союз. В противном случае Полиевкт грозил отлучением от церкви.

Надо сказать, что Фока был искренне верующим человеком и возможная кара повергла его в трепет. Несколько дней он ходил сам не свой, не смея даже вообразить, что может произойти нечто подобное. Не на шутку испугалась и Феофано. Фока, разведясь с ней, все равно останется императором, народ любит его. А кто поручится за то, что старому солдату не приглянется какая-нибудь другая женщина или кто-нибудь из врагов Феофано не воспользуется создавшимся щекотливым положением и не склонит Фоку к браку с заморской княжной или принцессой? Феофано приложила все старания, чтобы вдохновить Никифора на борьбу с Полиевктом, и ей это удалось. Фока вызвал к себе патриарха и наотрез отказался от развода. Более того, он пригрозил Полиевкту, если последний будет настаивать на своем, также отлучением ... церкви от государства и лишением ее императорской поддержки.

К вечеру об этом разговоре знал уже весь клир, и духовенство не на шутку запаниковало. Полиевкт ради идеи готов отказаться от всех благ, уйти в монастырь и остаток жизни посвятить Богу, но чем они-то виноваты? Каждому из них богатства текут рекой, жизнь не в тягость, зачем омрачать ее? Буквально на следующий же день священнослужители, посоветовавшись, выделили из своей среды священника, который не побоялся поклясться публично, что восприемником ребенка Феофано был не сам Никифор, а его отец Варда.

Патриарх, как и все его сподвижники, знал, что это была ложь. Но Полиевкта все покинули, испугавшись императорского гнева, и патриарх смирился. Он сделал вид, что поверил и освятил супружество. Владыка даже не требовал более соблюдения годичной епитимии — церковного покаяния, которое он наложил на Фоку, когда узнал, что последний нарушил святой канон о брачных узах.

Полиевкт смирил гордый нрав, яростный огонь погас в его мятежной душе, но это смирение уже не удовлетворяло царственных супругов. В первую очередь Никифор не мог простить патриарху его грубого вмешательства в любовные отношения императорской четы, да и Феофано не хотела

забыть пережитые тревожные дни. Впрочем, и сам владыка уже не питал почтения и нежности к этой семье, вокруг которой ходило немало разных слухов, вплоть до обвинений в кровосмешении. Он, хоть и молчал, но не пытался даже опровергать эти поносные наветы, чем раздражал Феофано и Никифора еще больше. Взаимная неприязнь разрасталась, как снежный ком. Эта же неприязнь заставляла обоим супругам еще крепче держаться друг друга. В первую очередь это касалось Феофано, которая несмотря на холодок к новому мужу и его мужским добродетелям, умеривала свою гордыню и выказывала ему подчас неподдельное внимание. А Фоке было достаточно и нежной улыбки, и легкого касания руки — он тотчас расцветал, как майская роза и готов был потакать любому капризу своей любимой женушки.

Феофано же хотела править империей, и ей это легко удавалось. Как писал Лев Диакон, Фока делал для Феофано «более, чем позволяло приличие». Словом, как говорится, прочно обосновался под женским каблуком.

Некогда суровый и беспощадный, он таял, как воск в нежных ручках избалованной красавицы, которая лепила из него все, что хотела. К примеру, ранее Фока отличался бережливостью, граничащей со скупостью, любил копить денежку, а тут вмиг стал расточителен, одаривая свою драгоценную супругу немислимыми подарками, роскошными туалетами, бриллиантами, собирая для нее украшения со всего мира. Даже личные свои владения — обширные земельные участки и дачи — Фока переписал на Феофано.

Вскоре он не мог даже несколько дней находиться вдали от нее, бросал все дела и мчался к своей возлюбленной. Так, начав в следующем после своего восшествия на престол году новую войну, он берет в поход и Феофано, а когда она, не выдержав трудностей походной жизни, решила возвратиться назад, Фока, впервые за долгие годы участия в битвах, неожиданно прекращает боевые действия и летит вслед за ней в столицу.

Конечно, если бы подобное состояние влюбленности продолжалось несколько лет подряд, то можно было бы вполне говорить о некоей болезни, которая сразила полководца: жить постоянно в запале огненной страсти попросту невозможно. Вскоре Фока стал понемногу утихать, осознавая, что жена от него не сбежит и вряд ли изменит с другим, рискуя лишиться звания императрицы. К тому же другая его страсть — война требовала от него постоянного

внимания и пренебрежения не прощала, а император Фока любил воевать и не любил отказывать себе в этом удовольствии. К тому же бурная страсть к Феофано основательно утихомирила его мужские силы. Он ослабел, а дабы не краснеть перед своей возлюбленной, быстренько умчался на войну, надеясь поднакопить свежих сил. К тому же война утоляла его мужское тщеславие, которое все чаще страдало в постельных сражениях.

Фока успешно воюет с арабами, болгарами, русскими, наслаждаясь победами и предвкушая по возвращении встречу с женой-красавицей. На расстоянии порой любить слаще. Так постепенно он стал избавляться от своей ненормальной влюбленности и получать новый вид наслаждений — томление по предстоящей любовной страсти.

И это томление так захватило его, что он все реже стал появляться в Константинополе, предпочитая в пропыленной палатке мечтать о прохладном бассейне и ласках первой красавицы империи. Отлучению от мирных забот способствовали и рутинные обследования государственных дел, которые быстро наскучили ему, бойцу и воину, привыкшему держать в руках меч, а не перо. Кроме того, надо было набирать и увольнять чиновников, вникать в тысячи мелких вопросов, от которых голова шла кругом и которые он быстро возненавидел, предпочитая им жизнь полную опасностей и постоянного риска. Поэтому Фока подчас намеренно доводил отношения с соседними государствами до предела, дабы можно было тотчас начать войну.

Но если Фоке нравилась ратная слава, то простые жители вскоре начали понимать, что выбрали себе совсем не того государя, ибо война уносила не только жизни самих византийцев, но и постоянно требовала новых и новых расходов, которые взимались с них в виде увеличенных податей. Роптало и духовенство, ибо сокращались и его привилегии, деньги надо было откуда-то брать, а безболезненное всего оказывалось урезать тучные монастырские земли. Многие вновь стали с надеждой посматривать на патриарха, который не скрывал своих антипатий по отношению к императору. Среди народа начали вспыхивать восстания. Тревожно было и в столице, чернь открыто выражала недовольство воинственной политикой Фоки, и Феофано все чаще стала писать призывные послания мужу, дабы он навестил ее и сам, своими глазами убедился сколь непрочно становится их царствование.

В одно из возвращений Фоки в Константинополь его

встретил град камней. Так чернь приветствовала некогда любимого императора полководца. Если б не вмешательство гвардии, разогнавшей недовольных, кто знает, чем бы закончилась эта грустная встреча.

Хуже всего было то, что несмотря на ропот и недовольство черни, Фока не собирался вкладывать боевой меч в ножны. Он был воином до мозга костей и радовался, как ребенок, когда снова мог вернуться к любимому занятию. Бросить победоносные походы и вновь возвратиться к досмотру чиновничьих папок? Нет, он даже подумать об этом не хотел.

Феофано долго и терпеливо уговаривала его прекратить войну, убеждая, что империя как никогда нуждается в мире. Но Фока был неумолим. Теперь в нем появились новые черты: раздражительность и своеволие. Раньше он был готов Луну с неба достать, лишь бы угодить своей женушке, а ныне его словно подменили. Он и слушалто ее, хмурясь и раздумывая о своем. Она понимала, что былой страсти в нем уже не осталось, и никакими ласками ей не удастся склонить его на свою сторону. А значит, рушится все, к чему она так стремилась все эти годы, рушится ее власть. Империя находится в руках этого неказистого, коротконового и занозистого человека, которому приятней всего размахивать мечом и завоевывать ненужные пустыни. Если так продлится еще год, то волна народной ненависти сметет ее с престола, будто сорнуто траву, если еще раньше не устроят заговор министры вместе с духовенством.

Фока становился опасен для нее. Он тащил ее в пропасть и надо было срочно что-то предпринимать, а если выразаться яснее, то искать замену. Империи Феофано требовался новый император.

Естественно, поиски нового властителя начались с ближайшего окружения. Нужна была прежде всего сильная личность, которая смогла бы противостоять самому Фоке и избавить Феофано от бремени в рутинных государственных хлопот. И Феофано нашла такого человека. Им оказался племянник Фоки Иоанн Цимисхий.

Он был такого же маленького роста, как и его дядя Никифор, и являлся таким же талантливым военачальником. Правда, Фока, точно предчувствуя что-то недоброе, сместил племянника с его поста за неудачную операцию — Цимисхий командовал восточной армией — и предложил ему уехать в свои владения, что, естественно, не вызвало бурной радости у честолюбивого родственника. Иоанну

шел сорок пятый год, он был невероятно ловок и силен (мог перепрыгивать через нескольких коней, стоящих рядом друг с другом), имел изящное телосложение и был недурен собой, что тотчас же привлекло притомившуюся без любовных бдений императрицу. А Цимисхий как раз обладал репутацией завзятого сердцееда, и Феофано решила, что сама судьба подсказывает ей нужный выбор.

Феофано, повторим, отличалась великой способностью с первого раза околдовывать любого мужчину. Не стал исключением и Цимисхий. После первой же встречи Иоанна охватила столь серьезная любовная горячка, что он был готов убить своего дядю, лишь бы полностью обладать несравненной Феофано.

Вскоре об этой любовной связи узнал и Фока. Пока он размышлял, какое бы страшное наказание придумать жене, случилось одно горестное событие: умер отец императора — Варда Фока. Эта смерть очень опечалила полководца, он впал на некоторое время в меланхолию, чем не преминула воспользоваться Феофано. Прежде всего она упростила супруга вернуть Цимисхия, которого Фока уславил из столицы. А чтобы снять с себя подозрения по части возобновления любовных кружев с ним, Феофано заявила, что намерена женить Иоанна на одной из своих родственниц. Никифор обрадовался, решив, что любовная болезнь покинула супругу и совместная жизнь войдет в прежнюю колею, а посему разрешил Иоанну приехать в столицу.

Едва Цимисхий появился, благодаря верным сводникам любовь с Феофано вновь расцвела пышным цветом: они начали видеться почти каждый день. Опасность быть застигнутыми врасплох Никифором придавала этим свиданиям особую остроту, и чем чаще они встречались, тем сильнее возрастала неумемная страсть. Наконец, Феофано предложила своему возлюбленному:

— Мы должны его убить. И как можно скорее. Так долго продолжаться не может!..

Цимисхий был готов к такому разговору. Не откладывая, любовники принялись разрабатывать детальный план убийства и будущего переворота. После чего рьяно взялись за его осуществление.

Цимисхий, хорошо зная армейскую среду, в первую очередь надеялся перетянуть на свою сторону войско. Он нашел полководцев, которые были недовольны самоуправным главнокомандующим. Те в свою очередь посвятили в заговор преданных им людей.

Днем 10 декабря 969 года множество заговорщиков, переодевшись женщинами (это придумала Феофано), пробрались с помощью преданных слуг на половину императрицы. Этот приход однако не остался незамеченным, Никифору донесли о большой группе людей, укрывшихся в покоех Феофано. Император послал узнать, что это за люди, и если пробрались воры, то немедля задержать их. Стража явилась к императрице с обыском, но Феофано успела надежно спрятать заговорщиков.

Однако сам приход стражи и поиск проникших во дворец людей испугали сообщников. Они решили, что император теперь примет самые тщательные меры предосторожности, усилит свою охрану, запрет дверь в свою спальню и покушение не удастся. Предлагалось даже перенести замышленное убийство на другой день и час. Настораживало и отсутствие самого Цимисхия в этот момент. Решительно пресекла начавшуюся панику Феофано, пообещав сама устранить все препятствия, если вдруг таковые возникнут. Смелый и властный голос императрицы придали заговорщикам силы и уверенности.

Феофано, чтобы потушить возникшее беспокойство у мужа, — он по природе своей был мнителен и боялся заговоров — пошла к нему в спальню, нежно обласкала его, поцеловала и вышла, многозначительно объявив, что скоро вернется, дабы провести с ним всю ночь, и попросила его не закрывать дверь.

Возбужденный Фока пообещал ей и шепнул, что с нетерпением будет ждать ее возвращения. Он помолился и лег, ожидая жену, но ее все не было, и он невольно заснул.

Настало одиннадцать часов вечера. Ко дворцу со стороны набережной причалила лодка, из нее бесшумно вышел Цимисхий. Его в корзине подняли на второй этаж дворца, на женскую половину. Появление Иоанна взбудило заговорщиков, они во главе с ним бросились в опочивальню императора.

Там они замерли, увидев ложе Фоки пустым, но один из евнухов Феофано, хорошо знавший привычки императора, указал в угол покоев, где Никифор лежал на шкуре пантеры. От шума он проснулся и вместо красавицы Феофано увидел бородатых людей в женских одеяниях. Сразу же все поняв, он метнулся к мечу, но один из заговорщиков опередил его и ударил клинком по голове.

— Богородица, спаси нас! — воскликнул Никифор, од-

нако его уже никто не слушал. Полуживого Фоку подтащили к Иоанну, который начал осыпать императора бранью и рвать его бороду. По примеру Цимисхия на Фоку накинулись и остальные, вымещая на беззащитном правителе свой гнев и злобу. Его пинали, кололи кинжалами, вырывали у него волосы, терзая и наслаждаясь этими пытками, пока Цимисхий не ударил мечом по голове уже лежащего на полу венценосца и не отрубил ее.

На шум в спальне императора сбежалась было охрана дворца, но Феофано встала на пути стражи. В этот миг Цимисхий показал императрице и солдатам окровавленную голову Фоки. Сильный всегда прав — в Византии появился новый император. К тому же поддерживаемый вдовой предыдущего. Солдаты приняли смену царствования, а за ними последовала и вся империя.

Феофано могла торжествовать: она возвела на престол нового императора, на этот раз пришедшегося ей по вкусу как нравом, так и обличьем. Кроме того, ей не надо было угождать ему. Не он возвел ее на трон — она привела его к власти, ради него она рисковала жизнью и положением, и теперь Цимисхий обязан ей всем. Это обстоятельство особенно льстило ее самолюбию: наконец-то она полновластная царица в своем государстве и можно не беспокоиться, что кому-то могут не понравиться ее указы. Иоанн влюблен в нее без памяти, он с помощью армии приведет в послушание кого угодно. Так рассуждала императрица, встречая нового любовника и государя на следующий день после переворота в своих покоях.

Был день коронавания, и все готовились к этому торжественному событию. Однако произошло непредвиденное. Когда Цимисхий прибыл для коронавания в храм святой Софии, патриарх Полиевкт не пустил его под своды собора, потребовав сначала наказать убийц, а также изгнать их дворца Феофано. Это же условие выставил и клир. Положение было довольно щекотливым. Если заговорщиков Цимисхий выдал сразу же — ему и самому не хотелось, чтобы остались в живых свидетели его злодеяния, то с Феофано разлучаться ему не хотелось, и он попробовал уговорить Полиевкта оставить ее во дворце, ведь она мать двух коронованных императоров — Василия и Константина. Увы, патриарх был неумолим. Поколебавшись, Цимисхий согласился и на эту жертву, отдав приказ сослать свою возлюбленную в монастырь Проти, расположенный на одном из Принцевых островов неподалеку от Константинопо-

ля, так что в хорошую погоду Феофано даже могла видеть дворец, в котором когда-то жила.

Можно представить, какие чувства бушевали в душе Феофано при воспоминании о предательстве возлюбленного. Это, видимо, и заставило ее через несколько месяцев бежать из монастырского заключения в Константинополь. Там она укрылась от преследований в храме святой Софии, уповая на неприкосновенность убежища и неутраженность своих чар. Экс-императрица рассчитывала снова околовдвать Цимисхия и полноправно взойти на престол. К сожалению, ее надежды не оправдались. Первый министр Цимисхия Василий силой удалил беглянку из храма, повелев сослать в один из удаленных монастырей Армении.

Перед отправкой Феофано потребовала личной встречи с императором. Цимисхий дрогнул и уступил. Но Василий настоял на своем присутствии при разговоре.

Свидание было бурным, как свидетельствуют историки. Впрочем, иным оно и не могло быть — Феофано заочно давно вела диалог с Цимисхием и подготовила немало упреков в его адрес. Однако она знала, что одними упреками жестокое сердце не тронешь и завела любовные речи, свергнув Иоанна в необъяснимый трепет. Василий, видя, куда клонится беседа, попробовал вмешаться. Бесполезно! Цимисхий разрешил Феофано продолжать и таял как воск от сладострастных слов бывшей императрицы. Она говорила о тяжких монастырских ночах, о том, как изнывает ее тело на жестком ложе, как страсть терзает ее душу, ибо совсем не к монашеской жизни приготовлена она, а к тому, чтобы дарить другим наслаждения и чувственную истому...

Василий, наблюдая этот страшный гипноз, который все более охватывал податливого Цимисхия, решительно встал, желая прекратить встречу. Тогда Феофано, сорвавшись, набросилась на первого министра с кулаками. Вбежала стража и увела ее. В тот же день ее отправили из столицы.

Шесть лет правил Цимисхий, и шесть лет Феофано томилась в далеком армянском монастыре. На ее долю остались только молитвы, воспоминания, ненависть и надежды на будущее.

В 967 году Цимисхий умер. На престол вступили сыновья Феофано, достигшие совершеннолетия. Но всеми делами по-прежнему ведал Василий, который в ответ на требование сыновей вернуть мать из заточения, поставил ус-

ловие: она ни единым жестом, ни единым словом не должна вмешиваться в управление империей.

Это условие было доведено до Феофано. Сломленная монастырем, измученная постоянной борьбой со своими чувствами, со своей бунтующей плотью, Феофано приняла его. Дух ее был окончательно сломлен, да и годы брали свое. Она разучилась интриговать, забыла азбуку заговоров, и напрасно волновался первый министр, опасаясь за свою жизнь. Поселившись во дворце, Феофано никому не напоминала о себе, живя затворницей рядом с сыновьями. Постепенно все позабыли о ней. Летописцы даже не вписали в свои анналы факт ее смерти, каким образом она умерла... Она, божественная Феофано...

ЛЮБОВНЫЕ РОЗЫ И ШИПЫ ЭПОХИ РЕНЕСАНСА

Мы начнем данную главу с крамольного заявления. Скажем, что плохо верим в развитие общества по спирали, о чем так упоенно твердили материалисты и Гегель (последний, правда, говорил об абсолютной идее), мы склонны больше к метафизике и верим в то, что провозгласил философ Арнольд Тойби: общество развивается циклично, и эти циклы повторяются. Во всяком случае, на женском фронте почти всегда без перемен, и редко кому из владычиц или влиятельных фавориток удается удержаться на плаву добродетели.

Прошло тысячелетие, а за ним еще половина, но по-прежнему все верили, что женщины совокупляются с бесами, что они ведьмы, колдуньи, а если повезет, то натолкнешься на добрую ведьму. Публичные женщины для привлечения мужчин пользовались разной ерундой, толкли в ступах волосы, черепа, зубы и глаза мертвецов, детские пупки, подошвы башмаков, одежду, добытую из могил и обожали трупное мясо — все это они потихоньку давали отведать своим возлюбленным, почему-то веря, что те будут любить их еще больше. Но ничего кроме отравлений и поноса не происходило, а, оправившись от недуга, который опять же приписывался дурному женскому взгляду, мужчины охотнее нежились с мальчиками, нежели с юными красотками.

Астрологов была тьма, все что-то предсказывали, иногда весьма удачно. Поэты верили в демонов, в битвы между галками и сороками, в русалок, в приведения и вообще во что придется. Без гороскопов никто не жил, не женился, не крестил детей, не отправлялся в недалекое путешествие. Даже кондотьеры и пираты согласовывали свои операции с

предсказателями. В одной из книг Христос нежно шепчет монахине: «Присаживайся, моя любимая, я хочу с тобой понежиться. Моя обожаемая, моя прекрасная, мое золотко, под твоим языком мед... Твой рот благоухает, как роза, твое тело благоухает, как фиалка...». Прямо заправский герой-любовник.

«Декамерон» Бокаччо заменил Библию, и, надо сказать, что чем ретивей молились отдельные монахи в отдельных монастырях, тем сильнее другие же монахи пускались в разгульный блуд и пьянство. Роз без шипов не бывает. Свобода Возрождения пьянит всех и каждого. Точно после долгого средневекового поста начинается всеевропейский пир, какого не было во веки вечные. Священники владеют мясными лавками, кабаками, публичными домами, постоянно издаются декреты, которые запрещают святым отцам сводничать и распутничать. Монастыри напоминают вертепы, монахи и монашенки пьют, устраивают оргии, совершают вооруженные налеты.

Да, кое-где встречаются образцы добропорядочности, но эти исключения лишь подтверждают общее правило: затмение нашло на старую Европу. Что уж говорить о правителях и правительницах. Они задают тон в этом великом театре похоти.

Например, миланский герцог Галеаццо Сфорца любит послеобеденные сцены содомии, это тот десерт, без которого нет хорошего пиршества.

Известный философ и блестящий знаток Ренессанса Алексей Федорович Лосев пишет: «В Италии той эпохи нет никакой разницы между честными женщинами и куртизанками, а также между законными и незаконными детьми. Незаконных детей имели все: гуманисты, духовные лица, папы, князья. У Поджо Браччолини — дюжина внебрачных детей, у Никколо д'Эсте — около 300. Папа Александр VI будучи кардиналом, имел четырех незаконных детей от римлянки Ванощи, а за год до своего вступления на папский престол, уже будучи 60 лет, вступил в сожительство с 17-летней Джулией Фарнезе, от которой имел дочь Лауру, а уже пожилую свою Ванощу выдал замуж за Карло Канале, ученого из Мантуи. Имели незаконных детей также и папа Пий II, и папа Иннокентий VIII, и папа Юлий II, и папа Павел III.

Папа Климент VII сам был незаконным сыном Джулиано Медичи. Кардинал Алидозо, пользовавшийся особым благоволением папы Юлия II, похитил жену почтенного и

родовитого флорентийца и увез ее в Болонью, где был тогда папским легатом. Кардинал Библиена, друг папы-гуманиста Льва X, открыто сожительствовал с Альдой Бойарда. Многие кардиналы поддерживали отношения со знаменитой куртизанкой Империей, которую Рафаэль изобразил на своем Парнасе в Ватикане».

Закончим на этом длинную цитату великого энциклопедиста, думаем, что читателям уже ясна картина жизни духовных отцов, которые задавали тон в этом невероятном разгуле плоти, пиршестве наслаждений. Ренессанс стал не только великим водопадом искусства, дерзновением мысли и чувств, он явил и «обратную сторону титанизма», как метко назвал это явление А. Ф. Лосев. Она выразилась в разрушении всех нравственных норм, всех добродетелей и канонов.

В 1490 году в Риме проживало 6800 проституток. Это лишь те, кто добывал свой хлеб насущный известным еще с древних пор ремеслом. Любительниц предаваться любви из чистого энтузиазма было еще больше.

Неаполитанская королева Джованна (годы правления 1343—1382) очень быстро поняла, сколь сладостен грех плоти, и стала предаваться ему с разнузданной силой. Когда ее муж, сын венгерского короля Андрей, пробовал остановить ее, супруга заколола его в собственной постели.

Брат Андрея, венгерский король Людовик пошел войной на Джованну, но она сумела откупиться от него за 300 тысяч флоринов. Оправившись от испуга, связанного с нашествием Людовика, Джованна вышла замуж за своего родственника Лодовико Тарентского, видимо, посчитав, что он-то не станет мешать ее разгульной жизни. Выбор оказался точен: Лодовико стал принимать участие в оргиях вместе с женой. Пиршества, содержание любовников — все это требовало немалых денег. Кроме того, Джованне надо было вести постоянные войны: кто-то нападал на нее, кому-то угрожала она. В один прекрасный день королева вдруг обнаружила, что ее казна пуста. Что сделала Джованна: одумалась, приняла монашество? Ничего подобного. Она заложила корону, подобно тому, как еще раньше продала свое наследственное владение Авиньон.

Лодовико не выдержал таких перегрузок и отбыл в ад. Пожелав столь смиренному супругу счастливого пути, Джованна тут же вышла замуж за потрясающего красавчика Джакомо Орагонского. Увидев его, она пришла в такой восторг, представив его в постели, что никакие силы не могли изменить ее желания. И напрасно уговаривал Джо-

ванну королевский казначей, убеждая, что Джакомо прибежит к ней и за сотню флоринов, потому что гол, как сокол, что с него будет достаточно положения платного любовника, а ей надобно выбрать мужа богатого и тем самым поправить дела королевства, но разве убедишь того, кто и слышать ничего не хочет?!

Джакомо был не дурак и, попав во дворец королевы, быстро понял, что попал в вертеп, что он лишь пешка в водовороте страстей. Поэтому недолго думая, он сбегает от Джованны. Королева посылает погоню, несчастный муж возвращен. Но ненадолго. Через несколько месяцев он снова бежит, причем на сей раз продумывает побег столь тщательно, что погоня возвращается ни с чем. Как свидетельствуют летописцы, Джакомо Орагонский умер в нищете и безвестности, зато он был счастлив.

Джованна выходит замуж в четвертый раз, за немецкого феодала Оттона Брауншвейского, хотя она уже стара, немощна и ей не до услад плоти. К тому же королева втянута в споры наследников, и один из них, герцог Карл Дураццо захватывает неаполитанский замок, бросает Джованну в тюрьму, где она умирает от удушения. Так закончилась жизнь одной из коронованных сладострастниц.

Почти аналогична судьба Бьянки Капелло, которая благодаря любовному искусству сумела настолько привязать к себе великого герцога Франческо I из рода Медичи, что последний приказал убить ее мужа, а сам женился на возлюбленной, дав ей титул великой герцогини Тосканской. Герцог жаждал иметь сына, и Бьянка, притворившись беременной, взяла новорожденного у своей служанки, объявив его своим. Все, знавшие об этом, в том числе и роженица, заплатились жизнью.

После смерти мужа она, решив стать единоличной правительницей, задумала отравить брата Франческо, кардинала Фердинандо. В пирог с мясом был положен сильнодействующий яд, но по ошибке преступница сама взяла отравленный кусок и мгновенно умерла.

Так болтали злые языки, зная жестокий нрав Бьянки и ее тайные цели.

Но самую великую известность по части гнусностей и разврата получило семейство Борджиа, глава которой был папа Александр VI (о нем мы уже упоминали). Далеко не последнюю скрипку в этом семейном ансамбле играла его дочь Лукреция, рожденная от той самой римлянки Ваноцци. Вот о Лукреции мы и расскажем поподробнее.

ЛУКРЕЦИЯ БОРДЖИА

/1480-1519/

Но прежде чем начать рассказ о самой Лукреции, мы бы хотели коротко охарактеризовать других членов этого славного и знаменитого семейства, один из которых, Цезарь, вошел в историю, как «абсолютный злодей».

Род Борджиа — это испанский род Борхо, перебравшийся в Италию в XV веке. Семейный герб Борхо (Борджиа) — красный бык — как нельзя более подходил для них, обуздать этого кровожадного и похотливого быка было не так просто.

Начнем с деда Лукреции — Алонсо Борхо, впоследствии ставшем римским папой Каликстом III. Отметим, кстати, что история рода Борхо тесно связана с периодом жизни Ватикана, отмеченным жестокой схваткой за папский престол, когда в мире сразу было по несколько пап, один из которых объявлялся истинным, а все остальные ложными — антипапами. Духовная карьера Алонсо началась в 1416 году, когда ему было уже 36 лет. В то время, будучи делегатом Констанского собора, где происходили выборы папы, он быстро распознал, что к чему, и проголосовал за низвержение своего благодетеля антипапы Бенедикта XIII. Действовал как Алонсо по тайному приказу короля Арагона Альфонсо V, на которого Борхо и сделал ставку. Король Альфонсо в награду за предательство до-

бился назначения Борхо епископом богатой Валенсийской епархии.

Семь лет Алонсо верой и правдой служил своему королю, борясь против Бенедикта XIII и, наконец, произошло то, чего он добивался: Бенедикта низложили, а Бархо, доблестный и послушный добился от Альфонсо новой награды — должности канцлера его величества. Спустя некоторое время Альфонсо счел нужным подружиться с очередным антипапой — Феликсом V, надеясь с его помощью посадить на трон Неаполя своего побочного сына Ферранте. Но Борхо, уже осознавший собственную значимость, мечтал отдать тепленькое местечко в Неаполе своему племяннику (а злые языки утверждали, что сыну) Педро-Луису. И как только представилась возможность, канцлер тотчас предал своего короля, за что папа Евгений IV возвел его в кардиналы.

Новый кардинал перебрался в Рим, куда к нему приехали два племянника. Один из них, Педро-Луис, второй, на год его постарше — Родриго.

Матерью Родриго была Иоанна Борджиа, женщина сластолюбивая. Поэтому когда Родриго появился на свет, муж Иоанны, Готфрид Ленсуоли попросту не признал его своим законным сыном, ибо давно замечал, как Иоанна бегала к своему брату Альфонсо. Это непризнание привело к тому, что супруги разошлись, и бедный Родриго, которому отказано был в фамилии Ленсуоли, вынужден был называться Борджиа.

Итак, два испанских паренька приехали в великолепный Вечный город, шумный, более свободный и демократичный в нравах, нежели Мадрид. Это все равно, что из провинции приехать в столицу и окунуться в ее пестрый красочный мир. Однако племянники быстро вошли во вкус римской жизни. Особенно им пришлось по душе итальянки, они оказались куда более покладистыми в сердечных уговорах.

Поначалу молодой Родриго решил специализироваться в юриспруденции и, надо сказать, сразу же преуспел, стал признанным авторитетом по защите всяких сомнительных лиц и деяний. Однако адвокатура заставляла вести более строгий, чем ему хотелось бы образ жизни. Для адвоката, постоянно имеющего дело с законом, очень много значила собственная репутация и не всякий раз разгуляешься, не каждый раз согреешь бедную вдовушку: законники люди злопамятные и быстро сгонят с доходного места. Посему

после не очень тягостных раздумий бравый и смазливый Родриго Борджиа поменял мантию адвоката на мундир военного.

Отныне его похождения не только не осуждали, а наоборот, всячески приветствовали. Ведь угодить хорошенькой красотке для военного человека — своего рода отличие. Посему жизнь Родриго потекла привольно. Особенную огласку на этом этапе получила связь с одной знатной вдовой, значительно старше его летами. Он не только сумел увлечь немолодую даму, но и ее двух подрастающих дочерей. Когда вдова умерла, старшую дочь Родриго принудил уйти в монастырь, а младшую, более хорошенькую, оставил при себе, развлекаясь с ней каждый день и рассказывая сослуживцам пикантные истории.

Настал звездный час и Алонсо Борхо. По смерти очередного папы Конклав кардиналов избрал заместителем святейшего престола его. Так он стал папой Каликстом III. Открылись новые перспективы и для бедных племянников. Вскоре Педро-Луис стал комендантом папской армией, а еще через некоторое время и кардиналом. Родриго при всей сметливости добился еще большего. При помощи дяди его возвели в сан архиепископа Валенсии, где когда-то служил сам папа. Забегая вперед, скажем, что позже Валенсийскую епархию Родриго отдаст своему сыну Цезарю, так что Валенсия прямо-таки вскормила этот знаменитый род.

Имея сильного покровителя в Риме, Родриго не очень долго задержался на посту архиепископа. Он, как и Педро-Луис, получил кардинальскую шапку и должность вице-канцлера курии, фактически став вторым человеком после папы. Лавина милостей, обрушившаяся на незаметного прежде офицера, породила самые невероятные слухи, даже о том, что папа Каликст III питает к кардиналу не только родственные чувства.

Альфонсо Борджиа (фамилию «Борхо» быстро изменили на итальянский манер — Борджиа) просидел на папском престоле чуть меньше пяти лет, скончавшись в 1458 году. Еще лежа на смертном одре и пытаясь выпросить прощение у Бога за цепь своих предательств, он с ужасом обнаружил, что его смерть — это было видно — станет сигналом итальянцам, намеренным повести решительную борьбу против его сторонников испанцев, которых Алонсо пригласил на разных должностях в Ватикане. Дело дошло до того, что Родриго, спасая Педро-Луиса, вынужден был даже

увезти его из города, но это не спасло молодого кардинала. Вскоре он проглотил-таки какой-то яд, подсунутый ему, и умер. Родриго же вернулся в Рим к дяде, который был еще жив. Кардиналу Родриго Борджиа исполнилось только двадцать семь лет, он был еще слишком молод даже для такого сана, так что претендовать на место папы попросту не имело смысла. Лучшее, что он мог сделать, — уйти в тень и переждать смуту. Пять владык Ватикана сменилось за это время, и каждому он вынужден был угождать, изъяслять преданность и покорность, за что и получил в народе прозвище «слуга пяти пап». Но эта послушность и спасла его, и не только спасла, но и дала возможность, когда приспела пора, стать, наконец, и самому папой под именем Александра VI.

К тому времени (минуло несколько десятилетий) кардинала Борджиа хорошо знали в Риме. И не только как кардинала. При обете безбрачия он имел девять детей, был богат, употребляя нажитое на собственные прихоти и услады. Любовницы менялись одна за другой, слухи о развратном облике кардинала просачивались в дома римских вельмож, но тогда сие считалось вполне естественным даже для святых отцов. Кардинал Борджиа не выделялся среди остальных высших служителей церкви. Недаром Петрарка еще в XIV веке говорил: «Достаточно увидеть Рим, чтобы потерять веру», а современник Александра VI герцог Лоренцо Медичи, прозванный Великоколелным, назвал Рим «отхожим местом, объединявшим все пороки». Не забудем и кардинала Беллармина, жившего в следующем столетии, который в духе лучших софистов уверял, что поскольку среди пап немало злодеев, то факт существования католической церкви есть чудо.

Родриго Борджиа, повторяем, не выделялся среди священнослужителей, наоборот, он импонировал гражданам Вечного города изысканностью своего разврата, стабильностью своего образа жизни. В частности, он долгое время имел постоянную любовницу — римскую аристократку Ванноццу Катанеи, родившую ему четырех детей — Цезаря, Хуана, Хофре и Лукрецию. Такая привязанность даже вызывала уважение, поскольку другие меняли своих любовниц чуть не каждую неделю, а то баловались и с мальчишками.

К тому же он был богат. Богатства Родриго Борджиа и помогли ему склонить кардинальский конклав на свою сторону, когда встал вопрос об избрании нового папы. Он раз-

давал золото, обещал епископства, аббатства. Достаточно здесь привести лишь один пример его щедрости: одному венецианскому кардиналу, дряхлому пахотливому старцу с трясущейся головой Родриго заплатил пять тысяч золотых дукатов и пообещал, в случае его избрания, юную дочь Лукрентию на ночь.

Александр VI расходы потом возместил сторицей, придя к самой простой незатейливой мысли, до какой-либо другой не мог додуматься: стоит кому-нибудь из князей церкви умереть, как его состояние тотчас передается в общее владение, то есть в общую казну, которой заправляет папа. А раз заветный ключ у него и в казне очень много денег, то почему часть их не переложить в свой карман или не передать своим детям, которых — что уж поделаешь — тоже надо кормить. Тем более, что чада, подрастая активно включались в папские заботы, и первой бремя этих хлопот почувствовала на себе Лукрентия.

Папа решил воспользоваться красотой дочери в своих чисто политических нуждах. Да и денежных тоже. Он отправляет ее на помолвку сначала с одним испанским дворянином, потом с другим. Сначала с доном Гаспаро де Просида, потом с графом Аверзой. Казалось, нашелся весьма выгодный канал для выкачивания денег: ведь каждая помолвка — это подарки и весьма значительные. Но вскоре стало не до игр, события повернулись таким образом, что срочно понадобилось укреплять реальную власть папы в самом Риме и Италии, где позиции его неожиданно резко пошатнулись.

Нужно было искать крепкого союзника, и Александр VI решает породниться с миланским герцогом Людовико Моро, одним из самых богатых и сильных государей Италии, который боролся против арагонской династии, восседавшей на троне в Неаполе. Людовико Моро в этой схватке была необходима поддержка папы, он помог бы безболезненно проглотить Неаполь и подчинить лакомую область, жемчужину юга. Переговоры оказались недолгими и успешными: два воротила ударили по рукам. Лукрентия объявлялась невестой родственника Моро Джованни Сфорца, владевшего Пезарой. В 1493 году худенькая тонконогая тринадцатилетняя Лукрентия — к тому времени обладавшая уже немалым сексуальным опытом — впервые выходит замуж. Хотя, по слухам, она была уже женой графа Аверзы, и папе пришлось срочно улаживать дела с первым мужем, дабы он особо не кипятился, потеряв юную женушку.

Тем не менее свадьбу между Лукрецией и Джованни сыграли открыто и столь пышно, что даже привычные ко всему римляне были поражены невиданным размахом и блеском свадебного пиршества, которое продолжалось почти неделю. Но поскольку деньги постоянно пополнялись за счет неожиданно умиравших святых князей, казна редко пустовала, несмотря на подарки папы своим отпрыскам.

Старший из детей Катанеи сын Хуан был любимцем папы. Не долго думая, Александр VI делает его главнокомандующим папской армией, дарит ему герцогство и прорву денег на экипировку, костюмы, слуг, любовниц, экипажи и так далее; перечислять все статьи расходов попросту невозможно. Не забыт и второй сын Цезарь. Он с семи лет апостолический пронотарий, через год после избрания папы — архиепископ и кардинал. А каждая должность — это солидная сумма обеспечения, разные привилегии, земли и прочее.

Прошло несколько лет от начала нового понтификата, т. е. от вступления Александра VI в заветную должность. Хуан то и дело получал новые милости, что приводило в ярость завистливого Цезаря. К тому времени на диво всем расцвела Лукреция. Золотые волосы, рассыпанные по плечам, глубокие темные глаза, завораживающие своей томностью и поволокой, ее воздушность, грация, необыкновенная улыбка ласкали взор каждого, кто встречался с ней. Первым очнулся от спячки сам папа, обнаружив, какую драгоценность он потерял. Вслед за ним устремили взоры на сестру и остальные мужчины Борджиа. По Риму шли разговоры о том, что Лукреция начала жить с отцом, а потом с Хуаном и Цезарем.

Безусловно, сама Лукреция к родным относилась по-разному. Если сближаясь с отцом она послушно выполняла лишь его волю, если Цезарю она уступала благодаря его силе и нахальству, то к красавцу Хуану, получившему титул герцога Гандиа, она тянулась сама. Отметим, что во всех трех случаях не усматривалось никакого вопиющего злодейства, такие любовные игры были в характере самой эпохи. Разнузданность любовных игр поощрялась, и даже насилие Цезаря, который каждый раз грубо с ней обходился, заставляя выполнять самые гнусные свои желания, не приносило ужасных страданий или душевной боли. Просто ей это не очень нравилось, и она с большей бы охотой предалась тому же самому с Хуаном или даже с папой, который был по отношению к ней более внимателен и дели-

катен. Сам воздух Италии той поры был напоен столь грубой чувственностью, столько разговоров велось вокруг о сладких ночах любви, что монашенки, читая по ночам «Декамерона», просто волосы рвали на голове.

Мы бы рискнули назвать этот разгул грубой чувственностью в некотором роде эпидемией, которая разом охватила не только Италию, но и целый ряд стран Западной Европы. Не случайно едва французы заняли Милан, как началась повальная «французская болезнь» — так в то время мило звали сифилис. Еще Петрарка в свое время пытался найти поэтическое определение этого распутного поветрия, которое явно не походило на привычную любовь со свиданиями украдкой, долгими томными вздохами и редкими поцелуями в темноте.

Коль не любовь сей жар, какой недуг
Меня знобит? Коль он — любовь, то что же
любовь? Добро ль?.. Но эти муки, боже!
Так злой огонь?.. А сладость этих мук!..

На что ропщу, коль сам вступил в сей круг?
Коль им пленен, напрасны стоны. То же,
Что в жизни смерть — любовь. На боль похоже
Блаженство. «Страсть», «Страданье» — тот же звук.

Призвал ли я иль принял поневоле
Чужую власть?.. Блуждает разум мой.
Я — утлый чели в стихийном произволе,
И кормщика над праздною нет волной.
Чего хочу — с самим собой в расколе —
Не знаю. В зной дрожу, горю — зимой.

Да, любовь походила на чуму, на смерть. Стихийный произвол царствовал над всеми, и невозможно было остановиться. Один флорентийский монах Савонарола подал яростный голос протеста, пытаясь своими проповедями остановить этот разгул сатанинских страстей, обличая погрязших в роскоши и разврате правителей Флоренции Медичи. Его проповеди на короткое время нашли отклик в сердцах народа, который сверг Медичи, образовав новое правительство во главе с Савонаролой. Обращения монаха явились как бы глотком чистой воды среди оскверненной пустыни.

Монастырь святого Марка не вмещал всех желающих послушать его, под влиянием Савонаролы зажиточные банкиры и купцы возвращали людям несправедливо нажитое ими имущество, женщины снимали богатые украшения, повсюду раздавались милостыни, совершались покаяния. Были преданы огню непристойные книги и картины, шутовские

наряды и карнавальные маски. Поэты и художники, философы восторженно приветствовали Савонаролу. Микеланджело постоянно посещал его проповеди и потом в течение жизни постоянно перечитывал их, с благоговением вспоминая человека, перевернувшего его душу.

Позднее этого человека окрестили мракобесом, что не соответствовало действительности. Вот лишь короткий отрывок из одной проповеди Савонаролы: «В чем состоит красота? В красках? Нет. В линиях? Нет. Красота — это форма, в которой гармонично сочетались все ее части, все ее краски... Такова красота в предметах сложных, в простых же она — свет. Вы видите солнце и звезды: красота их в том, что они имеют свет. Вы видите блаженных духов, красота их — свет. Вы видите Бога, которые есть свет. Он — сама красота. такова же красота мужчины и женщины: чем она ближе к красоте изначальной, тем она больше и совершеннее. Итак, что же такое красота? Это такое качество, которое вытекает из пропорциональности и гармоничности всех членов и частей тела».

Естественно, среди первых и главных противников Савонаролы оказался папа Александр VI. Слова флорентийского монаха били и по нему, поэтому Борджиа сделал попытку вызвать монаха в Рим и там устранить его. Он написал Савонароле ласковое письмо, призывая приехать и побеседовать на разные темы. Но монах был в то время болен и с чистой совестью ответил отказом. В ответ папа разразился яростным посланием, где уже впрямую обвинял Савонаролу в сеянии смут и соблазнов. Александру не терпелось захватить владения Медичи и передать их кровожадным сынкам. Наконец, не зная как заткнуть рот монаху, ему тайно была предложена кардинальская шапка с условием, что он прекратит свои обличения. Взрыв негодования Савонаролы в ответ на гнусное предложение заставил Александра VI действовать. Ибо теперь Савонарола впрямую обличал порочную и распутную жизнь папы и требовал его переизбрания. Трудно представить, сколь много сил и денег бросил на устранение своего заклятого врага папа, ловко использовав разногласия Савонаролы с Синьорией. По ложному доносу сфабриковали дело и прибывшие во Флоренцию папские эмиссары довершили начатое. Савонаролу сначала повесили, а потом сожгли. Было ему 45 лет.

Голос Савонаролы не оздоровил мир, его попытка противостоять нашествию разврата окончилась неудачей, и

папа со спокойной совестью занялся продолжением блуда со своей дочерью. Лукреция же почти ежедневно совершала ритуальный обход, осчастливливая всех домашних, своих друзей и мужа.

К этому времени Цезарь уже основательно подрост и его агрессивность то и дело давала о себе знать. Никто не мог его укротить. Более всех других он ненавидел Хуана. Тот был любимчиком папы, который от сладкого пирога отрезал ему самый большой кусок, Хуан родился красавцем, и Лукреция отдавалась ему чаще, чем Цезарю, и любила его сильнее. Во всем везло братцу, и его богатство, слава, красота приводили каждый раз Цезаря в жгучую ярость. Один раз, пребывая в таком ослеплении, Цезарь вдруг нашел простейший выход: нужно убрать Хуана, и тогда никто не станет мешать Цезарю.

Сказано-сделано. После дружеской пирушки с Хуаном в доме матери — Ваночки — Цезарь ушел один, оставив после себя двух наемных убийц, которые закололи Хуана кинжалом и бросили в Тибр. Случилось это в 1497 году. Убийство наблюдал паромщик, который не сразу сообщил об этом губернатору. На вопрос последнего, почему он молчал, паромщик простодушно ответил: «С тех пор как я занимаюсь перевозом, я видел, как более 100 трупов было брошено в этом месте реки, и об них еще ни разу не производилось следствия. Поэтому я думал, что этому случаю не будут придавать значения больше, чем предыдущим».

Однако значение убийству придали: как-никак герцог Гандиа, сын папы Александра VI! А тот сумел ловко расправиться со своими политическими противниками, желая уверить округу, что убийство его сына — дело рук недругов дома Борджиа. Когда же тайное стало явным и на поверхность всплыла роль Цезаря в кровавом злодеянии, папа, по свидетельству его церемониймейстера И. Бурхарда, «осушил слезы и, запершись в своих покоях, утешался в объятиях Лукреции, тоже повинной в убийстве». Естественно, он простил родного сына, ставшего Каином, и в знак прощения даровал ему титул главнокомандующего папской армией, попав с той поры окончательно под влияние Цезаря, озабоченного теперь созданием для себя светского королевства в Италии.

По случаю назначения на новую должность Цезарь устроил гигантскую охоту в Остии. Он пригласил туда отца и сестру, собрал огромную свиту своих приближенных, со-

стоящую из придворных, светских дам, куртизанок, шутов, паяцев, плясунов, танцовщиц и многочисленной охраны.

«Четыре дня, — пишет современник, — они провели в лесах Остии, свободно предаваясь порывам плоти; пиры сменялись пирами, и там царило такое распутство, какое в состоянии придумать лишь самое извращенное воображение. Вернувшись в Рим, они превратили его в притон, в святилище гнусностей. Невозможно перечислить все грабежи, убийства и преступления, которые совершались ежедневно при дворе папы. Человеческой жизни не хватило бы описать все подробности».

Как вспоминает Бурхард, «Цезарь с лихорадочной поспешностью обирал и живых и мертвых. Величайшим наслаждением для него было лицезрение человеческой крови... Однажды он приказал оградить площадь святого Петра, согнав за ограду военнопленных — мужчин, женщин, детей. Сидя верхом на породистом скакуне, вооруженный, он носился по площади, усеивая ее трупами, в то время как святой отец и Лукреция любовались этим зрелищем с балкона. «И далее церемониймейстер добавляет: «Даже распушенность непотребных домов далека от тех насилий и гнусностей, кои происходят во дворце святого Петра, того мерзкого обращения с юношами и девушками, какие там допускаются, того количества блудниц, что там бывает, тех состязаний в разврате, какие там устраиваются».

Надо сказать, что внешне томная и неторопливая Лукреция с постоянной зазывной улыбкой, блуждающей на губах, и блудливым огоньком во взоре лишь постороннему казалась далекой от всех интриг и хитросплетений, какие проворачивались с каждым часом в папском доме, во главе которого реально встал Цезарь Борджиа. Лукреция знала, что всем куртизанкам и шлюхам Цезарь предпочитает ее, и умело пользовалась свалившейся на нее властью, добывая для себя богатые подарки и привилегии. Она знала, что всякая власть недолговечна, поэтому надобно подумать и о черных днях.

Цезарь же, кажется, имея теперь все, с вождением поглядывал на царственный Неаполь, которым правила арагонская династия. По его приказу Александр VI женил еще одного своего сына Хофре на неаполитанской принцессе. Но этого было недостаточно, чтобы завладеть целиком югом Италии. Цезарь задумал выдать Лукрецию за побочного сына неаполитанского короля герцога Альфонса Бишельи. Но чтобы отдать сестру за Бишельи, надо сначала

было развести ее с Джованни Сфорца, который неплохо жил будучи зятем самого папы.

Тогда в дело вступил Цезарь. Он организовал покушение на Сфорца, лишь чудом оставшегося в живых. Это быстро привело мужа Лукреции в чувство, он немедленно дал согласие на развод. Но нужна была причина. В те времена просто так еще не разводили. Сфорца обвинили официально в бесплодии, и брак был расторгнут. В этом отношении любопытна одна деталь: в 1501 году у Лукреции неожиданно появился ребенок, которого она стала воспитывать. Для отвода глаз и для утоления общественного интереса она объявила его своим братом, взятым, якобы, из любви к детям, ибо ей так хотелось иметь ребеночка. Мальчика называли Джованни. Когда его поселили в доме Лукреции, ему исполнилось уже три года. Александр VI в зависимости от ситуации то называл его сыном Лукреции и Цезаря, то своим сыном, рожденным от Лукреции. В последнем случае определение этого мальчика, как «брата» справедливо.

Второй брак нашей героини был менее продолжителен, чем первый и закончился для ее нового супруга более печально. Политические интересы Борджиа неожиданно потребовали сближения с французским королем Карлом VIII и разрыва с неаполитанской династией. Лукреции объявили об этом в деловом тоне за обедом в семейном доме, и она не выказала никакого сострадания к своему Альфонсо.

За работу вновь взялся неутомимый и беспощадный Цезарь. Для него доставляло удовольствие убивать мужей Лукреции. Этим актом он как бы снова возвращал ее себе. Итак, 2 января 1500 года на лестнице храма святого Петра четверо неизвестных в масках напали на Бишельи. Ему было нанесено пять ножевых ран. Он упал, и убийцы, уверенные в успехе, скрылись. Но герцог очнулся и сумел добраться до внутренних покоев своего дома. Целый месяц он находился между жизнью и смертью, целый месяц Лукреция ходила грустной и озабоченной. Она терпеть не могла неопределенности. Крепкий организм Альфонсо и его испанская кровь взяли свое, он стал поправляться. Лукреция в испуге прибежала к Цезарю и сообщила ему пренеприятное известие. Дело снова происходило за обедом. Она любила обедать у Цезаря, собравшего в своем доме всех искуснейших поваров Италии. Но сейчас за столом ни у кого аппетита не было. Цезарь сидел мрачный и к концу пиршества обронил одну единственную фразу: «Что не сде-

лано за обедом, совершится за ужином», и через несколько дней мужа Лукреции задушили на глазах ее брата. Цезарь решил сам проверить, в точности ли исполнен его приказ, лишь удостоверившись в этом, он покинул с сестрой дом Альфонсо. Теперь уже навсегда...

...Пройдя огнем и мечом ряд земель Италии, герцог Цезарь Борджиа стал властителем Романьи. Дабы укрепить свои позиции и обезопасить их от врагов он вместе с отцом выдает Лукрецию за наследного принца соседней с Романьей области — Феррары, которого вновь зовут Альфонсо, Альфонсо д'Эсте, члена одного из стариннейших княжеских семейств Италии.

«Всего только восемь лет прошло, как Лукреция вышла замуж за Джованни Сфорца, своего первого мужа, — пишет Бурхард. — Свадьбу отпраздновали с такой пышностью, какой не знала даже языческая древность. На ужине присутствовали все кардиналы и высшие придворные духовники, причем, каждый из них имел у себя по бокам двух благородных блудниц, вся одежда которых состояла из прозрачных муслиновых накидок и цветочных гирлянд. После ужина 50 блудниц исполнили танцы, описать которые не позволяет приличие — сначала одни, а потом вместе с кардиналами. Наконец, по сигналу Лукреции накидки были сброшены, и танцы продолжались под рукоплескания его святейшества. Затем перешли к другим забавам. Папа подал знак, и в пиршественном зале были симметрично расставлены в двенадцать рядов огромные серебряные канделябры с зажженными свечами. Лукреция, ее отец и гости кидали жареные каштаны, и блудницы подбирали их, бегая совершенно голые, ползали, смеялись и падали. Более ловкие получали от его святейшества в награду шелковые ткани и драгоценности. Наконец, папа подал знак к состязанию, и начался невообразимый разгул. Описать его и вовсе невозможно: гости проделывали с женщинами все, что им заблагорассудится. Лукреция восседала с папой на высокой эстраде, держа в руках приз, предназначенный самому пылкому и неутомимому любовнику».

Этот невероятный ритуал, наверное, весьма поразил нового мужа Лукреции: в их роду еще придерживались строгих правил, но освященное самим папой пиршество покидать было нельзя. Кроме того, еще причиталось приданное в 100 тысяч золотых дукатов — сумма огромная по тем временам. Получив ее, молодые укатили в свою Феррару проводить медовый месяц, оставив двух пылких лю-

бовников — отца и брата — Лукреции в грустном одиночестве.

Отметим, что и Лукреция не могла сдерживать слез, уезжая из Рима. Ведь ей так было хорошо здесь! Тот же Бурхард ярко описывает дни ее жизни в Вечном городе: «...Сегодня его святейшество, чтобы развлечь госпожу Лукрецию, велел вывести на малый двор папского дворца несколько кобыл и молодых огненных жеребцов. С отчаянным взвизгиванием и ржанием табун молодых лошадей рассыпался по двору; гогоча и кусая друг друга, жеребцы преследовали и покрывали кобыл под аплодисменты госпожи Лукреции и святого отца, которые любовались этим зрелищем из окна спальни. После этого отец и дочь удалились во внутренние покои, где они пребывали целый час».

Лукреция чувствовала себя в папском дворце, как дома. Несмотря на то, что здесь запрещалось жить женщине, Александр VI всячески поощрял приезды Лукреции, каждый раз устраивая специально для нее необычные развлечения, главным из которых была их собственная близость, ведь оба они знали толк в сладострастных играх. Чтобы Лукреция не скучала, Александр разрешил ей помогать ему в управлении церковью. Его дочь и любовница вскрывала конфиденциальные папские послания и, лежа в постели, устав от телесных забав с интересом читала письма епископов, сама принимая по ним решения — увольняя, наказуя, лишая жизни или вознаграждая. Папа даже разрешил Лукреции созывать коллегии, на которой она председательствовала.

Бывало, что сразу же после очередного пиршества-оргии, она занимала верховное место председателя на совещании святой коллегии. Облачившись в костюм афинской гетеры, состоявший из прозрачной муслиновой накидки на чреслах, с обнаженной грудью сидела над всеми, обводя томным взглядом похотливых кардиналов, которые, забыв о деле, только и пялили на нее глаза, томясь в сладком предчувствии. Александра VI все это забавляло и он, дабы придать этим тайным вожделениям еще более резвый ход, подходил к дочери, позволяя себе ласкать ее на виду у всех. Лукреция нередко вмешивалась в разбор дел, задавала щекотливые вопросы, если речь шла о делах, связанных с нравственностью святых отцов. Подобные совещания хорошо «воспитывали» кардиналов в том направлении, которое для себя Александр VI считал главным: ни в чем не сдерживать ни свои желания, ни потребности.

Лукреция разыгрывала подобные эротические спектакли с присущим ей блеском и артистизмом. Любил театральные эффекты и Александр VI. Еще на свадьбе с Джованни Сфорца он взялся разыгрывать роль матроны — самолично отвел дочь с супругом в спальню и там у ложа следил, чтобы оба супруга выполнили положенный обряд посвящения девственницы в женщину. Лукреция охото разыгрывала и первую боль, и незнание всех приемов, а Александр следил за тем, чтобы все было исполнено в точности.

Лишь у Цезаря отсутствовал этот артистический дар, он действовал всегда грубо и прямолинейно. Ему очень хотелось быть похожим на отца и сестру в плане легкости и утонченности забав, он даже пытался подражать им. Один раз затащил в свой замок шесть быков и расправился с ними по всем правилам тореадорского искусства. То стал приставать к жене Дон Жуана де Червильоне, разыгрывая из себя галантного кавалера и ухажера, но едва Червильоне вмешался в эти ухаживания и попробовал защитить жену от приставаний Цезаря, последний приказал обезглавить его прямо на улице.

Правда, излюбленным методом устранения противников в роду Борджиа являлся все-таки яд. Именно с помощью яда Александр вместе с Цезарем отправил на тот свет трех богатых кардиналов — Орсини, Феррари и Микаэля — и завладел их состоянием. Наричательным даже стало само выражение — «яд Борджиа», когда речь шла об искусстве отравления. Здесь Борджиа умели все: отравить без всяких на то намеков, отравить мгновенно или медленно в зависимости от момента и собственных потребностей. Великим специалистом в этом деле был сам папа, взявший за основу восточные и венецианские яды, усовершенствовав их собственными придумками и компонентами, которые ему доставляли из стран вновь открытого Нового Света.

Александр VI, Цезарь и, конечно же, Лукреция действовали всегда или сами, или через проверенных подручных, сбиров. Сбир по их приказу колот тонкой иглой, в резервуаре которой находился яд, намеченную жертву — на людной площади или на светском приеме — и человек тотчас падал замертво. Александр VI любил, например, угостить неугодившего ему человека бутылкой сладкого вина. После такого угощения обласканный папой глупец уже мог заказывать себе похороны.

Цезарь, любивший вообще-то убивать свои жертвы кинжалом, шпагой и т. п., изобрел свой способ применения

яда. Он пожимал руки своим недругам, имея на пальце кольцо, состоящее из двух стальных львиных когтей, пропитанных отравой. Крепкое сильное рукопожатие неизменно давало желаемый результат. Чуть позже с помощью Лукреции Цезарь придумал забавный способ убийства, названный «персик»: Цезарь угощал жертву разрезанным пополам персиком, одну половинку (неотравленную) он на глазах собеседника съедал сам, а другую подавал противнику. Причем для того, чтобы случайно не перепутать стороны Цезарь смазывал ядом нож для разрезания фруктов, естественно, лишь с одной стороны, гостевой.

Лукреция для надоевших ей любовников изобрела специальный ключ. Он был приспособлен для тугого замка и на рукоятке имел почти невидимый глазу шип, который достойная дочь своего отца смазывала ядом. Перед тем как войти в спальню она подавала любовнику этот ключ, пылая страстью, неловкий ухажер сначала шарил впотьмах, пытаясь найти замочную скважину, потом силясь открыть дверь, естественно колотся этим шипом и через сутки безболезненно умирал. Данный способ давал еще одно неизъяснимое наслаждение: ложась с опостылевшим любовником в постель, Лукреция уже знала о его трагическом конце и это придавало приевшейся близости волнующий оттенок.

И ключ, и перстень, и «персик» Борджиа еще долго были в ходу после смерти их изобретателей...

Вот каких забав лишилась бедняжка, уезжая в Феррару с новым мужем. Она знала о строгом нраве новых родственников, знала, чего лишается, покидая Рим. Ее тешила лишь одна мысль: надо немного отдохнуть от долгого разгула. Тело уже почти отказывалось реагировать на ласки, возбуждение не приносило той сладкой неги, какая накачивала на нее раньше. Теперь все чаще приходила усталость, организм с трудом справлялся с эротическими перегрузками. Она начала толстеть, хоть и старалась умерить себя во всем. Но отказ от еды не помогал, словно что-то сломалось в самом организме, какая-то ниточка порвалась. Возможно, еще и поэтому она не чинила препятствий к столь быстрому отъезду.

В Ферраре, как Лукреция и предполагала, дни потекли медленно и монотонно. Спокойствие, однако, воцарилось в ее душе, начала понемногу проходить усталость. Правда, она не смогла отказать себе в одной излюбленной привычке — завела любовника кардинала д'Эсте, брата мужа, ко-

того знала раньше и который хоть как-то связывал ее с прежней жизнью в Риме.

Тяжело переносил разлуку и Цезарь, не любивший лишаться того, что ему нравилось. А узнав, вдобавок о новом поклоннике сестры, он и вовсе пришел в ярость, грозя лишить жизни счастливец. Лукреция обеспокоилась всерьез — Цезарь не любил откладывать на потом подобные угрозы, но тут сама судьба вмешалась в ход событий. Пришла весть о внезапной смерти Александра VI и о тяжелом отравлении Цезаря.

Существуют две версии происшедшего. По одной, наиболее распространенной, папа умер, съев отравленную конфету, приготовленную для одного из богатых кардиналов. По другой — и Александр, и Цезарь отравились, выпив вино, которое они припасли для убийства сразу пяти кардиналов. Папа умер, а Цезарь выжил, поскольку давно уже приучил себя к ядам. Позднее он жаловался Макиавелли: дескать, «обдумал все, что могло случиться, если его отец умрет, и нашел средство для всего, но что он никогда не мог себе представить того, что в этот момент он сам будет находиться при смерти». Кстати, если уж мы упомянули имя небезызвестного ныне философа и историка Никколо Макиавелли, стоит сказать, что Цезарь Борджиа являлся для него образцом идеального государя. Макиавелли восхищался многими качествами его личности и впоследствии оплакивал в нем великого государственного деятеля, единственного, кто бы мог объединить Италию. Стоит также отметить, что Цезарь произвел должное впечатление и на Леонардо да Винчи, который служил некоторое время у Борджиа военным инженером.

После смерти Александра VI дела у Цезаря пошли плохо. Преемники его отца на папском престоле открыто начали гонения на сына Александра VI. Он был арестован, после чего бежал, поступив на службу к королю Наварры и погиб в бою в 1513 году. Так незавидно завершилась судьба тирана и злодея, распутника и интригана Цезаря Борджиа.

Попритихла и Лукреция, понимая, что недругов у ее семьи слишком много и не так просто будет многим из них позабыть те злодеяния, в которых принимала участие и она. Но не только это заставило ее резко изменить свою жизнь. После смерти брата она прожила еще шесть лет, но уже совсем по-другому, стараясь заслужить иное мнение о себе. По отзывам современников, она пыталась поднять нравы высшего общества, стала бороться с роскошью, от-

личалась крайней религиозностью и благотворительностью. Говорят, даже закладывала драгоценности, чтобы помочь бедным. Неправда ли, совсем неожиданная метаморфоза для распутницы высшего ранга? И надо признать феррарцы поверили ей, прозвав ее «мать народа». И все же в мировую историю она вошла с другой славой, подобной той которую имела Мессалина. Правда, у Лукреции — в отличие от римлянки — была отчаянная попытка искупить все грехи при жизни, избежать ада, который был уготован для нее. Но сил оставалось мало. Их хватило на шесть лет, после чего жизненные родники иссякли и она умерла.

ЕКАТЕРИНА МЕДИЧИ

(13.4.1519 — 1589)

В свое время один из вождей Великой Французской революции 1789 года граф Мирабо, представитель родовитейшего аристократического клана, одним из первых поднявший голос против короля, изрек: «В роду у меня был только один мезальянс — это Медичи». Можно лишь представить себе, как довольно хохотали, реагируя на эту реплику, его друзья из низшего сословия. Ведь Медичи всегда принадлежали к высшей элите, к царствующему французскому дому, и оскорбление коронованных особ считалось у лавочников своего рода «бонтоном», а чем еще мог позабавить революционную гольтубу сиятельный граф, надеясь заслужить ее великое доверие?

В годы революции одна принадлежность к благородному сословию стоила жизни. Однако не пройдет и пяти лет, как третье сословие, завоевавшее себе место на государственном Олимпе, будет старательно выискивать для украшения собственного генеалогического дерева родовитых предков, не боясь заглядывать и в библейские времена. Впрочем, и род Медичи когда-то вышел из низов, сумев в конце концов прорваться на блистающий верх сословной пирамиды.

Основателем клана Медичи, вошедшим прежде всего в богатую историю Флоренции, явился Аверардо Медичи,

ставший в 1314 году гонфалоньером этого города. Само понятие «гонфалоньер» означало в старину «руководитель военных отрядов». Позднее это звание давалось также главе правительства. Вероятно, им и был Аверардо, принадлежавший к числу самых богатых городских купцов.

Второй Медичи, упоминающийся в летописных хрониках, Сальвестро тоже стал гонфалоньером, но уже в 1378 году. Известно, что он поддержал восстание «чомпи» (буквально «валяльщиков шерсти») — мелких ремесленников и рабочих, которые выступили против диктатуры старших цехов. Сей популизм в дальнейшем сослужил немалую службу Медичи в их восхождении наверх. Наследник Сальвестро Джованни занялся учреждением банков и, умирая, оставил своим сыновьям уже гигантское состояние, с которым те смело занялись окончательным захватом политической власти.

Ходили упорные слухи, что основу сказочного богатства Медичи составили сокровища папы Иоанна XXIII, известного в миру как пират Бальтазар Косса. Он оставил Джованни все нажитое грабежами, растовщицеством и продажей индульгенций перед тем, как Констанский собор сместил его и посадил в тюрьму. Когда много лет спустя он вырвался из заточения, выторговав себе свободу за кардинальскую шапку взамен утраченной папской тиары, то тотчас потребовал у Джованни свои сокровища назад, но получил ответ, достойный рода Медичи: «Я получил все это на хранение от папы Иоанна XXIII и обязался все вернуть по первому его требованию, — спокойно заявил Джованни. — Я отдам все папе Иоанну двадцать третьему, когда он вернется...»

Наследник Джованни, сын Козимо Старший, видимо, зная об источниках родового богатства, не поскупился и дабы не гневить господ, поставил Бальтазару Коссе часовню после его смерти.

Тот же Козимо получает от флорентийцев титул «Отца Отечества», что больше говорит о его влиянии на город, нежели о его благодеяниях.

Козимо, большую часть жизни проживший на своей вилле в Кареджи и посвящавший все свободное время идеям Платона и покровительству искусствам, мало вникал в нужды республики, управляя ею через раболепствующие перед ним органы самоуправления.

Пиратское прошлое сказалось не только в богатстве этого рода. Вся его дальнейшая история изобилует заговорами, убийствами и зверствами.

Еще до Козимо I делами рода заправлял Алессандро Медичи. В 1437 году он был убит своим родственником и приятелем по разгулу Лоренцино Медичи, а последнего с помощью наемного убийцы убрал уже Козимо. Он же в припадке бешенства заколол своего сына Гарциа. Другой сын Козимо — Пьетро — умертвил кинжалом жену Элеонору, а дочь Пьетро Изабелла была задушена мужем Паоло Орсини. Наследник Козимо Франческо I велел убить мужа своей любовницы Бьянки Капелло. Другой сын Козимо — Лоренцо, прозванный Великолепным, с именем которого связан расцвет флорентийской культуры XV века, собиравший в своем саду знаменитую Платоновскую академию, давшую миру великие имена поэтов, художников, мыслителей; Лоренцо — «чистейшее воплощение Ренессанса», так вот этот Лоренцо вешал, убивал, отбирал приданное у девушек, жестоко разграбил город Вольтерру и был известен не только как поэт, но и как искусный интриган, умело пользовавшийся ядом и кинжалом.

Об истории этого семейства написаны целые тома, в них хватает и хорошего, и плохого. Последнего, к сожалению, больше. Мы же хотим рассказать об одной из поздних представительниц этого рода, дочери герцога Урбино Лоренцо II Екатерине Медичи, которую тогдашний глава рода папа Климент VII выдал за второго сына французского короля, будущего монарха Генриха II.

Лоренцо II был человеком слишком вольных взглядов. Он не стеснялся удовлетворять свою похоть с кем попало. Своего сына Алессандро (тоже деспота и тирана, окончившего свои дни насильственной смертью) он, например, прижил от невольницы-мавританки. В среде аристократии любили рассказывать анекдот о происшедшем будто бы разговоре Лоренцо с дочерью Екатериной по вопросу о физическом недостатке ее жениха Генриха, вследствие чего Екатерина долго не могла забеременеть. Лоренцо, якобы, простодушно заявил дочери, что «умная девушка всегда сумеет стать матерью!»

Герцог вполне мог так выразиться, и не удивительно, что эту фразу приписывали ему, но, увы, его дочь Екатерина родилась за несколько дней до кончины отца, которая случилась 28 апреля 1519 года. Рождение Екатерины принесло и вторую скорбную весть — в родах скончалась ее мать, вторая жена Лоренцо, Мадлена де Латур Д'Овернь.

Таким образом, Екатерина с самого рождения стала круглой сиротой, имея в наличии лишь довольно скверную

память о семейке, которую во Флоренции никогда не любили, а однажды даже изгнали. Медичи (уже родственники Екатерины) восстановили свою власть, но скоро их снова прогнали. Когда Екатерине исполнилось девять лет, Медичи осадили Флоренцию. Екатерина как раз находилась в городе, и неистовые республиканцы воспользовались этим и заточили бедняжку в монастырь. Потом некий Баттиста Чей (этим поступком он и прославился в истории) предложил даже поставить девочку на крепостной стене между двумя зубцами под непрерывный огонь пушек ее родственников. К счастью для Екатерины, предложение Чей не прошло большинством голосов. Вмешался папа и потребовал не трогать ни в чем неповинного ребенка. Тут некий Бернардо Костильоне предложил другое — отдать Екатерину солдатам, чтобы те позабавились напоследок с наследницей великого рода. Последнее предложение, видимо, не показалось республиканцам ужасающим, и Екатерина впервые получила представление о «любви» — не лучшее, разумеется. Эта страшная психическая травма потом еще даст о себе знать.

Республиканцы потерпели поражение, Флоренция снова попала под власть Медичи. Екатерину увозят в Рим, ее забирает к себе папа Климент VII, дабы зарубцевались душевные раны внучки. Из несчастной пленницы она становится сиятельной дамой. Ее робкая красота уже притягивает к себе глаза окружающих, воспаленный взор, столь много говорящий о пережитом, внушает уважение.

Екатерина живет в роскошном дворце, который в Риме называли «палаццо Мадана». Ее редко поначалу видят в обществе, да и папа пристально следит за ней глазами своих подручных, не желая, чтоб у малютки появлялись легкомысленные кавалеры и знакомые. Он бережет, выдерживает ее, как драгоценное вино, намеренно создавая легенды вокруг ее имени, заставляя кардиналов вслух говорить о ее немислимой красоте, о ее затворническом образе жизни, об огромной страдающей душе, которая находит утешение в общении с Господом. Но все это слова, внутри Екатерина оставалась совершенно равнодушной к Богу и к тем проповедям, которые так любил папа Климент. Здесь в Риме она научилась прятать самые сокровенные мысли и желания под багочестивой маской смиренницы.

Как это и бывает, — запретный плод сладок. Чем больше распускалось легенд о Екатерине, о ее затворничестве, тем больший рой ухажеров кружил вокруг палаццо Мада-

на. Слух о красавице Медичи уже давно пересек пределы Италии и гулял по Европе, разжигая у королевских сыновей и принцев алчные страсти. Им не терпелось покорить великую твердыню нравов, за которой, словно в награду, смельчака ждал океан страстей. Двор папы осаждал целый сонм женихов и кавалеров, которые жаждали взглянуть на божественную Екатерину. К тому же она принадлежала к славному и богатому роду, можно было надеяться на немалое приданое, что распалило нетерпеливых еще сильнее.

Стоит, наверное, назвать имена некоторых из них. Это и Эрколе д'Эсте, сын феррарского герцога Альфонсо, и молодой шотландский король Яков V (его предложение папа Климент VII отверг очень быстро, справедливо заметив, что «на одних курьеров придется употребить гораздо больше, чем сколько будет стоить ее приданное»), и один из принцев Лотарингского дома, граф Водемон, и побочный сын английского короля Генриха VIII, герцог Ричмонд, и имперский принц Филиберт Оранжский, предводительствовавший войсками императора-союзника папы в войне с мятежной Флоренцией, и герцог миланский Федерико Гонзаго, и наследный принц Урбинский делла-Ровере, и сын миланского герцога Франческо Мора, и еще множество других, менее громких и именитых. Фактически соискателями руки и приданого Екатерины являлся весь цвет Европы, и папа не спал ночами, раскладывая пасьянсы из женихов, выведывая с помощью своих шпионов-католиков секретные сведения об их богатстве и влиянии, да думая, как бы не прогадать.

Начал делать первые шаги к сватовству и король французский, искавший подходящую партию для своего второго сына Генриха, герцога Орлеанского. Это был настолько серьезный кандидат, что стоило подождать с другими предложениями. Екатерина же равнодушно относилась ко всем наездам, смотринам, балам, жантильным комплиентам, дорогим подаркам. Сердце ее сумел покорить один из родственников — двадцатилетний похотливый кардинал Ипполит Медичи, который подумывал о том, как бы сложить с себя духовное звание и заняться светской карьерой. Он выдавал это за великую жертву, приносимую им на алтарь любви, как Ипполит уверял Екатерину, заставляя ее склонить деда Климента в свою пользу, но папа и думать об этом запретил Ипполиту, ибо в Риме, несмотря на вольность нравов, все же придерживались внешнего багочестия, каковое считало подобный брак кровосмешением. Посему

отказ последовал крутой и решительный. Бедняжка Екатерина неделю рыдала, оплакивая захватившую ее любовь.

Из всех лестных предложений папа Климент VII выбрал наидостойнейшее, отдав предпочтение принцу Орлеанскому. Впрочем, отдать-то отдал, но брачные переговоры тянулись целых два года. Хитроумный папа боялся проделывать, выторговывая льготные условия для внучки. Мало ли что может случиться: династийные браки дело тонкое, надо все учесть. Пока судили-рядили, Екатерине уже исполнилось тринадцать лет, она расцвела, похорошела. Венецианский посланник в Рим Сориано отмечал в своих донесениях: Екатерина — «девушка очень живых свойств, общительного характера и тонкого образования. Она не велика ростом и худощава, черты лица ее нельзя назвать тонкими; в наружности ее замечательны особенно выдающиеся глаза, как у большей части членов дома Медичи». Эта характеристика внешности Екатерины довольно точная. Все современники также отмечали правильные, хотя и несколько грубоватые черты лица: высокий лоб, большие навывкате глаза, сразу покорявшие своим таинственным блеском. Глаза делали Екатерину даже красивой, привлекательной, но ей не хватало главного: нежности и теплоты. В ее взгляде более читался острый, болезненный ум и раскусод, нежели душа.

Впрочем, ум впоследствии пригодился Екатерине. Французский двор обожал всяческие интриги и не доверял открытым чувствам. Поэтому игра и актерство стоили больше, чем искренность и страсть. Посему первые классы королевской науки Екатерина Медичи начала вполне подготовленной и талантливой ученицей, превзойдя в этом отношении как самого короля, так и его фавориток. Таковой, впрочем, и должна была быть настоящая королева.

Но все это было еще в будущем. А пока Медичи свершили главное: утрясли финансовые вопросы, и вопрос о свадьбе тотчас же решился. Она состоялась в 1533 году. Папа Климент VII дал за внучкой большое приданое. Кроме наследственных имений своей матери Екатерина получила 130 тысяч золотых монет, большие россыпи жемчуга (об имениях же напомним: мать Екатерины — дочь графа Бульонского Жане и Екатерины Бурбонской; дед и бабушка Екатерины по материнской линии — представители знатнейших и богатейших родов Франции). Были подарены и другие украшения, стоимость которых превышала тысячи и тысячи дукатов. Несмотря на столь великие дары в среде

французских придворных пополз злой шепоток о том, что папа Климент поспешил и многие богатства утаил. Кардинал Ипполит Медичи, он же — экс-жених в прошлом, — присутствовавший при вручении приданого, даже оскорбился и громогласно объявил:

— Господа! Вы плохо осведомлены очевидно о секретах вашего короля! Его святейшество обещался передать Франции три жемчужины помимо этих, жемчужины, которые не имеют цены: Геную, Милан и Неаполь!..

Вовремя произнесенная тирада мигом успокоила собравшуюся французскую знать. Безусловно, сказанное так и осталось пустым звуком, тем более, что оно принадлежало всего лишь кардиналу из рода Медичи.

Незадолго до бракосочетания произошло незначительное, на первый взгляд, событие, которое в дальнейшем имело свои серьезные последствия: брат Екатерины герцог Алессандро, прозванный «африканцем» за свой неумный темперамент, познакомил папу Климента VII с графом Себастиано Монтекукулли, который незадолго до описываемых событий покинул службу у императора Римской Империи и испанского короля Карла. Граф ранее изучал медицину и многое знал о сильных мира сего, об их интимных секретах. Знал граф, видимо, и о болезнях жениха Екатерины Генриха Орлеанского, о его неспособности иметь детей. Возможно, после этой встречи о тайне Генриха оповестили его невесту.

Надо полагать, что передача важного секрета изменила судьбу и самого графа. Папа Климент VII предоставил Себастиано возможность прибыть ко французскому двору, дал ему самые лестные рекомендации и в конце концов очень ловко пристроил Монтекукулли кравчим к старшему сыну короля, названному в честь отца также Франциском. К нему после смерти Франциска I должна была перейти корона. Все это было сделано, как мы увидим потом, с дальним прицелом, в толковых и знающих людях своего «покроя» Медичи хорошо разбирались.

Со свадебным торжеством более не тянули. Папа Климент даже торопил молодых познать побыстрее друг друга, он спешил удостовериться, что Екатерина и Генрих стали мужем и женой, ведь новобрачным исполнилось по четырнадцать и оба достигли половой зрелости, но все усилия Екатерины сделать папе столь дорогой подарок оказались тщетными.

Папа не зря хотел до своего отъезда иметь, как гово-

рится, на руках доказательства полноценной супружеской жизни молодых. История знала немало примеров того, как бесплодных жен заточали в монастырь и лишали всех законных прав, а Климент, вложив в родственницу уйму денег и сил, не мог даже подумать о столь ужасном исходе. Все это усугублялось болезнью Генриха, о которой нельзя было объявлять во всеуслышанье, но папа-то знал о ней и ему хотелось прежде всего доказать, что его протезе здорова и вполне созрела для супружества. Отчаявшись получить сакраментальные знаки на простынях, папа произнес знаменитую фразу о том, что «умная девушка всегда сумеет стать матерью», которую молва впоследствии приписала отцу Екатерины. Мертвый возражать не будет, а папа должен быть вне подозрений.

Подарив хитроумную подсказку, папа отбыл в Рим, полагая, что его совет найдет добрую почву для хороших всходов. Однако целых десять лет у Генриха и Екатерины не было детей. Пришлось освоиться в новой, непривычной для себя жизни, получить в руки реальную власть, убедить Генриха в его болезни и склонить на операцию. Лишь после этого Екатерина родила ему десять детей.

Таким образом официальные факты: десять лет бесплодия и появление на свет сразу один за другим десятерых отпрысков. Поскольку потом Францией правили наследники Генриха и Екатерины, то последующие историки вряд ли могли вносить какие-либо существенные поправки в установленную версию, а позже, увы, не осталось в живых свидетелей, да и появились новые проблемы у обладателей престола, требовавшие своего разрешения, так что о родовых трудностях Генриха и Екатерины позабыли. И все же много неясного в этой истории: что за болезнь была у Генриха II, не позволявшая ему иметь детей, с помощью какой операции можно было так легко от нее избавиться, что после этого дети посыпались как будто из рога изобилия?

Допустить можно все, что угодно, но вот факты: свадьба состоялась в 1533-м, а первенца Екатерина родила в 1544-м. Почти одиннадцать лет напряженного ожидания — как французским двором, так и итальянским — чем же разрешится семейная ситуация? За эти годы Екатерина, наверняка, не раз вспоминала великую фразу папы Климента относительно «умной девушки», не могла не вспоминать и не п р е д п р и н и м а т ь — предположим мы — какие-либо шаги в этом направлении.

К 1544 году на сцену французского двора уверенно вы-

ходит некая итальянская синьора, имя которой запомнили дотошные французские историки и анналисты. Известно лишь, что эта таинственная Синьора (будем называть ее так, с заглавной буквы) являлась женой сына флорентийского банкира Альбера Гонди, сеньора дю Перрона. Последний проживал в Лионе и именно из Лиона была доставлена Синьора, чтобы воспитывать детей Екатерины. Безусловно, подбор кормилицы да еще в семью сына французского короля — дело непростое, и Синьору могли выписать откуда угодно, даже из Италии, но имена Альбера Гонди и папы Климента были настолько тесно связаны между собой, что и гадать не надо о том, принимал ли последний участие в поисках означенной Синьоры. Чем вызваны столь серьезные поиски?.. Неужели вопрос кормилицы столь труден и неразрешим, что сам папа, бросив государственные дела, занимается им с таким усердием?

Альбер Гонди, несмотря на звание банкира, был беден, а семья дю Перрона не имела и двух тысяч ливров дохода в год. И вдруг — точно золотой дождь пролился на их головы. Об этом узналось позже, а во времена Генриха и Екатерины подобные сведения тщательно скрывались. Опять загадка: ради чего?! Сведения о доходах Гонди стали известны лишь к моменту смерти второго сына Генриха и Екатерины, французского короля Карла IX. Старший из семейства Гонди — Альбер — к тому времени являлся первым камергером французского двора, маршалом Франции и губернатором, получая, по самым скромным подсчетам, сто тысяч ливров годового дохода.

Брат Альбера Пьер де Гонди неожиданно для всех стал епископом Парижским, имел около сорока тысяч ливров дохода благодаря ренте и бенефициям (бенефиций — недвижимость, приносящая доход — *Авт.*). А движимое имущество скромного епископа оценивалось в сумму более чем шестьсот тысяч ливров.

Младший Гонди — господин де Латур — скромный капитан полуроты жандармов — неожиданно становится кавалером высшего французского ордена Святого духа, а также, как и старший брат Альбер получает звание гардеробмейстера, то есть, придворную должность, которая солидно оплачивается королем.

Кроме того, все трое братьев Гонди являлись членами тайного совета короля.

Неплохо для родственников обыкновенной кормилицы, которая остается в тени, не претендуя ни на звания, ни на

должности. Чем же заслужили Гонди столь щедрое покровительство? А точнее будет задать иной вопрос: какую великую тайну они охраняли, получая щедрые подачки из королевской казны? Французские историки на сей счет немые как рыбы, летопись королевского двора столь подчищена, что неизвестно имя даже кормилицы. Может быть, «умная девушка» Екатерина воспользовалась услугами какого-либо из Гонди?.. Или кормилица сыграла главную роль в пополнении столь многочисленного семейства будущего короля Генриха II?

Теперь остается лишь гадать и строить предположения, ибо факты столь неожиданного возвышения и обогащения трех родственников простой кормилицы дают почву для подобных толкований.

Вернемся же к «умной девушке» Екатерине Медичи. Десять лет напряженного ожидания, поисков выхода, борьбы за власть, в конечном итоге многому научили нашу героиню. Сами обстоятельства сформировали сильный и властный характер, научили суровой закулисной борьбе, тактике интриг, слухов, провокаций, подметных писем, они сделали из четырнадцатилетней девочки настоящую королеву — правительницу. Недаром в ответ на сообщение о смерти Екатерины известный французский историк Жак Огюстен де Ту, автор книги «История моего времени», воскликнул: «Нет, умерла не женщина, умерла королевская власть».

Судьба испытает каждого из нас, и многое зависит от того, насколько мы успешно справимся с этими испытаниями. В жизни Екатерины было два таких серьезных испытания.

Первое и самое, пожалуй, неожиданное, болезненное. Не успели отгреметь свадебные фанфары, как ветреный Генрих всерьез увлекся двоюродной сестрой своей жены Дианой де Пуатье, женщиной старше его почти на двадцать лет. Для новобрачной — девочки, многое к тому часу уже пережившей, узнать об этом было и впрямь тяжело.

Диана родилась в 1499 году в одной из знатнейших семей королевства. Бабка Дианы — Жанна де Латур де Булонь, тетка матери Екатерины. Диана де Пуатье некоторое время была замужем за Луи де Брезе, великим сенешалем Нормандии, но в 1531 году она овдовела, и, недолго погоревав, отправилась ко двору искать приключений. Прежде всего амурных, такова была эпоха Ренессанса, когда за любовь умирали, любви служили доблестные рыцари и по-

эты, наконец, таковой родилась сама Диана — прелестная, волнительная, чарующая, созданная для ласк и любви. И если уж влюбляться, то в принца. Неважно, что он женат: возлюбленных и фавориток иметь было положено. Диана не знала лишь, что эта безумная любовь станет единственной, как для нее, так и для Генриха, умершего в 1559 году (сама Диана переживет его на семь лет).

Как вести себя в подобных обстоятельствах юной королеве? Закатывать бурные сцены? Требовать развода? Самой пускаться в любовные интриги? Ведь уколы самолюбия в юности самые болезненные, да и гордости Медичи было не занимать. Как сумела она впитать в столь раннем возрасте мудрость зрелой дамы, тонко рассудившей, что ссоры и скадалы пользы не принесут, что пламя любви рождает и пепел привычки, переходящей в прах и забвение? Екатерина запаслась терпением и стала ждать, внешне сохраняя хорошие отношения с соперницей, хотя, естественно, не отказываясь и от тайной войны против нее.

Рассказывают, как-то Диана застала королеву Екатерину читающей (дело происходило в те времена, когда молодые супруги стали соответственно королем и королевой, а Диана из пассии принца — его первой фавориткой, такое постоянство со стороны Генриха тоже, надо сказать, заслуживает уважения). Так вот, Диана застала Екатерину за книгой.

— Что Вы читаете, Ваше величество? — томно улыбаясь, любезным тоном спросила Диана, хотя и сам вопрос уже был верхом бестактности — придворные не имели на то права.

— Я читаю историю Франции, — ответила Екатерина, подчеркнув тем самым, что она итальянка и никогда об этом на забывает. Но повод для крепкой остроты был слишком хорош, дабы просто ограничиться сказанным. Поэтому, выдержав паузу, Екатерина, одарив Диану ласковой улыбкой, продолжила:

— И представьте себе, обнаружила, что во все времена шлюхи управляли делами королей, — Екатерина снова ласково улыбнулась.

Можно представить себе в этот миг лицо бедняжки Дианы. Вряд ли ей удалось сохранить самообладание. Во всяком случае, подобных вопросов королеве она больше не задавала.

Необходимо было обладать завидной силой воли, чтобы выдерживать столь долгое противостояние с Дианой, жен-

щиной во много раз более опытной, нежели Екатерина, имевшей серьезное влияние на короля, который потакал многим ее капризам. Не раз в истории предыдущих столетий фаворитка-из потайной спальни победно переезжала в королевскую и даже меняла правителей. Возможно, Диану останавливали лишь родственные отношения с Екатериной да собственный возраст. Так как в остальном ситуация поначалу складывалась не в пользу королевы, не способной родить наследника. Поэтому и приходилось Екатерине вести себя сдержанно и деликатно первые десять лет, таиться в тени, наблюдая за пиршеством страстей и слыша постоянно во дворце смех любовницы.

Второе испытание оказалось не легче. Екатерина, как известно, вышла замуж за второго сына французского короля Франциска I Генриха. Наследником же престола являлся его старший брат, Франциск. Его отец-король не спеша подыскивал сыну хорошую невесту, именитую и богатую, которая благодаря приданному смогла бы расширить территорию Франции. Такие вот имелись намерения. О них в свое время писал Бальзак и, видимо, тогда это ни для кого не было тайной. В связи с этими планами вступление на престол Генриха отодвигалось надолго, скорее всего навсегда, ибо Франциск имел крепкое здоровье и надеялся прожить долгую жизнь.

Принц Генрих Орлеанский, увлеченный Дианой Путье, переживал бурные дни любви и мало думал о наследных приоритетах своего брата. Генрих вообще не был честолюбив и без зависти смотрел в будущее. Жаркие ласки Дианы вконец свели его с ума, он хотел одного — чтобы его оставили в покое. Неравнодушной же ко всем венценосным приготовлениям деверя оставалась Екатерина Медичи. Честолюбие не давало ей спокойно спать, она хорошо понимала, что будет обречена на полное забвение, если на престол взойдет Франциск. Поэтому Екатерина была настроена действовать решительно и сразу обратилась за помощью к дяде Клименту VII. Последний не без тревоги следил за событиями во Франции и как только обнаружил, что ситуация начинает ускользать из-под его влияния, тотчас предпринял решительные меры. Их не зафиксировали историки и напрасно ворошить архивы, в которых об этом ничего не сказано.

Фактические же события описаны достаточно подробно. В жаркий августовский полдень кравчий принца Франциска подал своему разгоряченному господину стакан воды со

льдом. Тот залпом его выпил и тотчас же умер. В отравлении не было ни у кого сомнений. Не отрицал сей факт и Себастиано Монтекукулли. На допросах с пристрастием (т. е. под пыткой) он сознался, что выполнял волю императора Карла V. То была явная отговорка, чтобы увести следствие в сторону и не бросить тень на семейство Медичи, которое в первую очередь было заинтересовано в устранении соперника и возведении на трон ветреного Генриха с умной и властной Екатериной.

Медичи издавна хорошо знали яды, и смерть Франциска от стакана холодной воды еще одно тому подтверждение. Из всех придворных лишь одна Диана Пуатье осознала, чьих рук и ума сей промысел дьявольский, она одна понимала натуру принцессы, видела в ней то черное, злое, которое не замечали окружающие. Но что могла доказать Диана, связанная интрижкой с принцем? К тому же при французском дворе Екатерина Медичи выбрала довольно удачную для себя роль обожательницы свекра Франциска I. При виде его она немела, щеки ее покрывал румянец, глаза увлажнились, и Екатерина смущенно опускала голову. Старому греховоднику-королю льстила любовь невестки, он хорохорился, распускал перья, и особо привечал женушку своего второго сына. Конечно, все делалось в пределах правил, да и сама Екатерина не допускала в этом отношении никаких вольностей, но такая куртуазная игра помогла ей завоевать определенный привилегированный статус при королевском дворе. И когда произошло несчастье со старшим сыном, которого страстно любил король-отец, то благодаря такому поведению Екатерины на дом Медичи не пало ни малейшего подозрения. Возникший было шепоток подозрительности сразу притих, едва король на следующий день со слезами на глазах обнял при всех свою невестку.

Говорят, что именно тогда, обратившись вдруг в супругу наследника престола, она выбрала свой поздний символ — радугу — и слова: «Приношу свет и спокойствие». Радуга — это спектр красок, в котором каждый волен выбирать себе свой цвет по вкусу и каждый по-своему волен понимать выбранные слова. Воистину мудрость, достойная властителей.

Такое же трогательное и нежное отношение к королю Екатерина сохранила и после того, как ее муж стал дофином (т. е. наследником престола). Франциск I по-прежнему являлся ее единственной надеждой и опорой при дворе:

в сердце Генриха безраздельно царила беспутная Диана, чувствуя себя там настолько уютно и привычно, что дерзала соперничать не только с Екатериной, которую все же побаивалась, но и с самой герцогиней Анной д'Этамп, фавориткой короля.

Французский двор постепенно раскололся на две партии: на партию госпожи д'Этамп и партию жены сенешала (так звали Диану Пуатье в царствование Франциска I). Герцогиня д'Этамп поддерживала Кальвина и протестантов, Диана Пуатье, как бы от противного, вместе с герцогами де Гизами стояла во главе католической партии. Сам Франциск I, потакая своей возлюбленной, долгое время поддерживал протестантов, врагов воинственного Карла V, но потом начал яростное их преследование. Диана Пуатье выдала обоих своих дочерей за видных католиков. Одну за Робера Ламарка, герцога Бульонского, принца Седанского, другую — за Клода Лотарингского, герцога Омальского, что с приверженностью ее к католикам сильно укрепило позиции фаворитки дофина. И хотя она была старше д'Этамп на девять лет, а дофин пока не царствовал на французском троне, Диана Пуатье чувствовала себя гораздо увереннее фаворитки короля и не боялась изредка портить настроение как ей, так и осторожной Екатерине, ощущавшей себя весьма неловко между противоборствующими группировками. Лавировать меж двумя светскими львицами и стараться не навлечь на себя гнев одной и ярость другой было весьма непросто. Екатерина понимала: стоит им объединиться, заключить дружественный союз, настроить против нее сына и отца — и беда неминуема.

В этом и заключалась каждодневная изнурительная борьба, в которой запрещались кинжал и яды, а вместо них предлагались улыбки и легкое слово, каковое жалило гораздо сильнее, чем острие клинка. Так неделями, месяцами, годами оттачивалось мастерство дворцовых интриг, и Екатерина Медичи постоянно переигрывала своих соперниц в этих жестких играх, празднуя втайне от всех незримые победы. Они одни давали ей утешение.

Сложность ее положения проистекала еще и от долгого отсутствия в браке детей. Двор, естественно, не зная о тайной болезни Генриха, возлагал всю вину на нее. Взойди сейчас Генрих на престол, бесплодие королевы давало ему прекрасный повод для развода. Церковь, во всяком случае, всегда шла в таких вопросах навстречу монархам, и Диана такой случай бы не упустила.

Пока царствовал Франциск I Екатерина чувствовала себя спокойно, хотя это спокойствие было лишь наружным, показным. Диана давно окружила Екатерину целым сонмом своих фискалов, которые внимательно следили за каждым ее шагом. Сама атмосфера во дворце была напоена эротикой, у каждого вельможи были любовницы; покориť сердце прекрасной Дамы (а чем выше она по рангу, тем это престижней) считалось поступком доблестным, отважным, и Диана не раз подговаривала своих наперсников поволочиться за Екатериной, немало воздыхателей кружилось вокруг нее, весьма нелегко было Екатерине отказываться от сладких соблазнов, но она знала, к т о следит за ней и держалась стойчески.

Диана Пуатье и Екатерина Медичи... Вот уж действительно плутовской роман, действительно царственный поединок двух сильных женщин, которые стоили друг друга. А между ними довольно вялый, слабохарактерный Генрих. Диана словно присушила его к себе, и он ничего не мог поделать с этой болезненной страстью. Он приказывал художникам рисовать ее обнаженной, дабы иметь возможность повсюду лицезреть божественные изгибы ее тела, а поскольку впрямую делать все было неуместно, то живописцы изображали Диану то в образе Юноны, то Венеры. Таких картин-портретов делалось множество, но Генриху и этого показалось мало. Он приказал изваять обнаженную Диану в мраморе и отлить из серебра. Что, интересно, чувствовала Екатерина, разглядывая эти портреты, которые выставлялись на всеобщее обозрение, и слыша злорадное шушуканье за спиной? Может быть, эта неумемная страсть Генриха и заставила ее действовать смелее, решительнее, ведь именно Екатерина переломила ход событий и подвигла мужа на операцию, благодаря ей у них появились дети, надежды Дианы на развод окончательно рухнули... Не менее интересно и другое. К моменту коронавания Генриха II Диане уже было под шестьдесят, и тем не менее она еще целых тринадцать лет держала в своей власти короля, не давая ему взглянуть на других красоток.

Екатерина пыталась бороться с этой невероятной страстью мужа, подсылая к нему юных красавиц, но справиться с Дианой не могла. Это было, как наваждение, и ненависть Екатерины стала похожей на любовь. Исчезни Диана из жизни королевы, Екатерина, наверняка, стала бы тосковать по ней. Так бывает. Хотя, конечно же, никто кроме Дианы не принес Екатерине столько боли и огорче-

ний. Возможно, поэтому, наблюдая страдания молодой королевы, — а сей случай происходил уже в первые годы царствования Генриха II, — маршал Таванн, поверенный в делах Екатерины и преданный ей, с горячностью предложил:

— Хотите, я отрежу вашей сопернице нос?!

Это был искренний жест пылкого вассала, готового пожертвовать всем ради своей госпожи. Екатерина усмехнулась, выдержала паузу, видимо, представляя Диану Пуатье без носа, и, покачав головой, отказалась.

— Ведь сей поступок нанесет вам вред?! — не без любопытства спросила Екатерина.

— Я знаю об этом и с радостью пожертвую собой дабы угодить вам! — воскликнул маршал.

Екатерине стоило немало труда отговорить темпераментного кавалера от подобной затеи.

Этот случай, как мы уже сказали, относится к 1547 году, когда умер Франциск I и французский престол занял Генрих II. Екатерина стала королевой. К сожалению, данное событие не увеличило ее власть, скорее наоборот, теперь влияние Дианы Пуатье было вовсе безраздельным.

Историк Гастон Могра писал о положении любовниц при французском дворе: «Место официальной любовницы было равносильно официальной должности. Официальная метресса тесно связана с личностью короля. Она следует за ним во все его летние резиденции, имеет свои комнаты в Версале, получает определенное жалованье, а министры работают в ее покоях. Все остальные дамы королевской постели распределены соответствующим образом, и каждая из них занимает особое место, особый ранг».

Прежде всего Диана, пользуясь тем, что ее возлюбленный взошел на трон, принялась назначать на основные командные должности своих доверенных лиц. Так, коннетаблем Франции (командующим всеми королевскими войсками — *Авт.*) стал близкий друг Дианы герцог Монморанси. Казалось, еще недавно Франциск I завещал держать этого человека в немилости и подальше от королевского двора, как вдруг он — один из первых в королевской иерархии.

Начиная с 1544 года Екатерина каждый год рожала и поэтому не могла участвовать в делах двора. Диана же с лихвой сей шанс использовала, и король целые дни проводил с ней, наслаждаясь прелестями жизни и чувствуя себя прекрасно, а смотреть на подурневшую от родов жену ему попросту не хотелось. Если первые десять лет Екатерина

провела в страхе и страданиях душевных, то вторые десятилетия — в муках физических. Ей ничего не оставалось, как наблюдать за схватками придворных партий и демонстрировать свою любовь к мужу и его фаворитке. Она уже не требовала постоянного соблюдения супружеского церемониала, не наговаривала мужу о кознях любовницы, она потихоньку прибирала к рукам политические вожжи, вникая в азы державной политики. Вот ведь недаром Франциск I боялся Монморанси, недаром Диана дала ему столь высокий пост, недаром она стала и его любовницей (последнее действовало отрезвляюще на Генриха!). Значит, что-то затевается серьезное и надо быть начеку. Так постоянно она тихим голосом внушала Генриху свои мысли, заставляя его более трезво смотреть на вещи.

Конечно, Генрих больше прислушивался к советам Дианы, но он не мог не видеть, сколь много внимания та уделяет новому коннетаблю и семейству Гизов. Тихие наплевательства Екатерины падали на благодатную почву. И вот уже Генрих всерьез гневается на Монморанси, и последний, точно чувствуя, откуда дует ветер, пытается угодить Екатерине. Безусловно, он додумался до этого не сам, а с подачи Дианы, которая знает силу королевы и ее зоркость. Однако Монморанси не хватает такта, он ухаживает грубо, порой даже неучтиво, и Екатерина просит мужа оградить ее от подобного кавалера. Снова фиаско, и на этот раз Монморанси уже дует на короля и, что совсем глупо, ссорится с Дианой. Екатерина на мгновение счастлива. Хуже, когда у противников все получается.

Еще более важная задача для Екатерины — разбить союз герцогов Гизов с Дианой. Монморанси — простой вассал, исполнитель их воли и только. А вот Гизы — соперники очень серьезные. Они ревностные католики, и Диана сразу поняла, сколь много может ей дать приверженность католической партии. Кроме того, она породнилась с Гизами, выдав дочерей за ближайших родственников герцогов. Поползли слухи, что и сама она сдала крепость своей добродетели галантному кардиналу Лотарингскому, но и это не смогло поколебать стойкой симпатии Генриха к своей любовнице.

Тогда Екатерина снова попробовала найти достойную замену Диане, ведь все-таки фаворитке шел шестой десяток и ее резвость несколько поуменилась. Воспользовавшись тем, что Диана однажды заболела — дело происходило в 1554 году — и попросила короля пока отменить их

встречи, Екатерина познакомила мужа со своей дальней родственницей мисс Флеминг, созданием юным и прекрасным. Генрих не устоял перед молодостью и красотой и в положенный срок на свет появился незаконный сын Генриха — Генрих Валуа, граф Ангулемский, великий приор Франции. Но роды и жуткая аллергия перед ними надолго вывели из строя очаровательное создание, Диана же, почуввав опасность, проявила столь завидную быстроту, что Генрих снова вернулся в ее объятия, прощенный своей старой, но искренней любовницей.

Чуть позже Бальзак, размышляя об этом поступке королевы, риторически спросит: «...с какой же стороны такая попытка характеризует Екатерину? Что это: любовь к власти или любовь к к мужу? Пусть женщины решают».

Что ж, нам остается лишь присоединиться к высказыванию известного писателя. Поступок королевы действительно трудно поддается логическому объяснению, но по-женски очень понятен: для Екатерины пусть кто угодно спит с королем, лишь бы не Диана, любая ее победа — нож в сердце королевы.

Безусловно, рано или поздно Диана Пуатье сошла бы со сцены, но судьба не любит вялые концовки напряженных жизненных драм. Звезды переменялись, предвещая молодому королю беду. В последнее время, желая угодить Диане, Генрих даже стал пользоваться символикой ее цветов — черного и белого. Черный цвет — знак траура, который Диана всю жизнь носила по своему мужу — де Брезэ, белый же цвет — символ невинности, чистоты, который обозначал, видимо, состояние души Дианы, ибо она всегда была чиста перед королем. С некоторых пор Генрих постоянно носил черно-белый шарф, и всем было понятно, для кого это делается. Диана же просто таяла от удовольствия. В этом шарфе король явился и на очередной рыцарский турнир. Но он не двинулся в сторону королевской ложи, а изъявил желание сам участвовать в поединках. Придворные тотчас начали отговаривать Генриха от подобной затеи, вмешалась даже Екатерина, король, однако, закусил удила и настоял на своем. Соперником его оказался граф Монтгомери. Последний, заикаясь, также умолял короля отказаться от схватки. Напрасно: Генрих, держа на ветру легкий шарф своей Дианы и размахивая им как флажком, требовал графа отойти к барьеру. Диана видела все это, и улыбка не сходила с ее лица...

Остановим на мгновение прекрасную сцену начала ры-

царского поединка, где отважные воины не столько мерялись силой друг с другом, сколько защищали честь Прекрасной Дамы. Таков был священный ритуал, и Генриху, конечно же, захотелось показать свое право на сердце Дианы, а где, как не в сражении, не на турнире он мог это сделать? Хотя король носил звание рыцаря, не участвуя в подобных ритуальных боях, тут никто не смог отговорить его...

Молодой лев победит старого
В странном поединке в ратном поле.
Он ему проколет глаз через золотую клетку:
Из одного станут два, затем умрет,
Мучительная смерть.

Эти строки принадлежат астрологу и прорицателю Мишелю Нострадамусу. В том, 1559 году, когда происходил сей рыцарский турнир, Нострадамус жил неподалеку — в Провансе, в городке Салон. Свои пророчества он начал писать шесть лет назад, в 1553-м, а через два года издал их в небольшой книжнице в Лионе под названием «Предсказания господина Мишеля Нострадамуса». Она попала в руки королеве Екатерине Медичи. Она заинтересовалась прорицателем. Вскоре Генрих и Екатерина пригласили через губернатора Прованса графа Клода Савойского Нострадамуса к себе в Париж. Автор пророчеств приехал в столицу, был обласкан королем и королевой. Ободренный приемом он опубликовал в 1558 году новую книжку, в которой к прежним пророчествам прибавилось еще 300 стихов. Среди них было и это предсказание, адресованное королю Генриху.

Конечно, имена Генриха и его противника не указаны, но после смерти короля биографы Нострадамуса расшифровали стихотворение, обнаружив полное совпадение текста пророчества и реальных событий.

Дело в том, что король Генрих и граф Монтгомери были одеты львами, об этом свидетельствовал в одном из писем епископ Троя, и рана, нанесенная случайно графом королю, — обломок копья Генриха, отлетев, вонзился ему прямо в глаз — стала причиной кровоизлияния в мозг, отчего Генрих умер мучительной смертью. Так надо понимать слова «из одного станут два, затем умрет, мучительная смерть».

Понятны сегодня и слова Нострадамуса о том «странном поединке». Странном от того, что по статусу своему король обычно не участвовал в таких турнирах. Станный

и от того, что на следующий день Генрих выдавал замуж свою дочь Елизавету и свою сестру Маргариту. Намечался двойной праздник, настроение у всех было радостное, и ничто, казалось, не предвещало трагедии.

Да и граф Монтгомери дрался с королем в полсилы, понимая, что выигрывать у Генриха не стоит, поединок шел вяло — он был последним в тот день, и князь Савойский, женившийся на сестре короля, просил Генриха уже закрыть турнир. Генрих же, распалившись и нанеся несколько чувствительных ударов графу, наоборот, стал просить его драться по-настоящему. Эти просьбы и пропущенные удары раззадорили молодого графа, и он в свою очередь нанес Генриху сильный удар по голове. Король защищался копьем, древко его не выдержало, сломалось, расщепившись на несколько лучин, и одна из них с силой влетела в правое глазное отверстие шлема.

Король Генрих, жестоко страдая, скончался на десятый день после ранения. Екатерина оделась в траур. Генрих перед смертью запретил преследовать графа, так как он был ни в чем не повинен. Диана Пуатье, как говорится, в одночасье осталась одна, без опоры, лицом к лицу со своей властительной соперницей.

Предвкушаем реакцию милых читательниц: судьба подарила Екатерине возможность рассчитаться полностью с обидчицей за все муки, за все страдания, кто ж устоит против такого соблазна?! И, наверное, никто бы не осудил королеву, если б она это сделала. Каждый должен отвечать за свои поступки, а тут целых двадцать лет королеве пришлось сносить унижения и насмешки. Двадцать лет!..

Чувствуя, что пришел день расплаты, Диана первой сделала шаг к примирению: она предложила в подарок королеве свой замок Шенонсо с прилегающими землями. Диану умолили его принять в год восшествия Генриха II на престол. Подарок исходил из рядов партии герцогини д'Этамп и предлагавшие просили Диану забыть те злые эпиграммы, которые распространяли среди двора сторонники герцогини. Эпиграммы сочинили еще в 1537 году, когда Франциск I был жив и здоров, а герцогиня чувствовала себя властительницей дворцовых нравов. Неизвестный сочинитель озаглавил эпиграммы так: «На Пуатье, старую придворную даму». В них говорилось, что Диана, дабы выглядеть красивой, постоянно красится, покупает себе волосы, зубы, и далее следовала фраза: «Никакая дичь не прельстится намалеванную приманкой». В конце эпиграммы по-

эт добавлял: «Но если даже ты купишь себе главное, что составляет прелесть женщины — то ты не добьешься от своего любовника того, чего он хочет, ведь для этого надо быть живой, а не мертвой».

Тогда, в конце тридцатых годов, это читал весь двор. Знала их, наверняка, и Екатерина. Через десять лет ситуация резко изменилась. Франциск I умер, и на престол взошел Генрих II, а его первой фавориткой стала Диана. Власть госпожи д'Этамп прекратилась. Поэтому Диану и упростили принять замок в обмен на прощение старой соперницы. Еще через десять лет ситуация как бы снова повторилась, но теперь уже Диана выступила в роли смиренной просительницы, предлагая тот же замок в обмен на прощение. Что же Екатерина? Как она поступит? Если согласится, то значит Диана прощена, если отказ, то...

Собрав придворных, Екатерина приняла Диану. Та во всеуслышание предложила принять от нее дар и не помнить зла. Екатерина, выслушав ее, ответила:

— Я не могу позабыть, что она (Диана — *Авт.*) была отрадой моего дорогого Генриха, мне стыдно принимать от нее что-нибудь даром, я дам ей взамен другое поместье и предлагаю ей Шомон-СюрДюар...

Диана была потрясена благородством Екатерины. Приняв новое поместье, она тотчас уехала в свои владения и уже ни разу не возвращалась более в Париж, прожив затворницей целых семь лет. Через семь лет после смерти Генриха, в 1566 году она умерла, сохранив все свое состояние.

Екатерина ее не преследовала. Это был жест политика, соперник которого сам выбыл из игры, а поддаваться эмоциям — непозволительная роскошь.

Когда умер Генрих II, на престол вступил их первенец, шестнадцатилетний Франциск II. Екатерина надеялась, что наконец-то пробил ее час, и королевство будет покорно ее воле. Но она жестоко ошиблась. Ее сын, с детства болезненный и, скажем мягко, не отличавшийся большим интеллектом, робкий юноша, которого друзья звали «королем без изъянов», а враги «королем без отличий», увы, оказался слишком робок и слаб, чтобы противостоять мощному напору Гизов, которые благодаря Диане, еще при Генрихе захватили все ключевые посты в королевстве и заставляли Франциска делать то, что они приказывали.

Старший Гиз командовал армиями, кардинал Лотарингский заведовал администрацией и финансами. В их же руках находилась и церковь. Екатерина давно чувствовала

силу Гизов и еще при Генрихе переменяла тактику: от ссор перешла к дружбе с ними, пытаясь даже сблизиться. Гизы осторожничали, не шли на конфликт, но и не допускали королеву к себе. Это противостояние осталось прежним и при Франциске II.

Тогда Екатерина решила усилить собственные позиции. Еще при жизни Генриха она приблизила к себе, сделав своим доверенным лицом, Франсуа Вандома, видама Шартрского (видам — эконоом епископа в средневековой Франции — *Авт.*). Это был честный, независимый человек, принадлежащий к правящей династии Валуа. В свое время Диана Пуатье очень хотела выдать за Вандома свою дочь, но последний не принял это предложение, чем жестоко оскорбил гордую фаворитку. Сей поступок так понравился королеве, что она ввела Франсуа в свой круг, сделав его союзником.

Поначалу Екатериной руководили лишь политические расчеты, но постепенно Вандом завладел и ее женскими симпатиями, королева стала его любовницей. Историки говорят, что любовные отношения возникли после смерти Генриха, до этого Екатерина лишь кокетничала с видамом, чтобы возбудить ревность мужа.

Так или иначе, неожиданная любовь к Франсуа Вандому заставила королеву помолодеть и чаще посматривать в зеркало на себя. Она только что перешагнула сорокалетний рубеж, и новая страсть захватила ее необыкновенно. Раньше она мало внимания обращала на свои наряды, теперь же ни один из них не удовлетворял ее: ей казалось, что одни платья ее старят, другие толстят, третьи вообще смотрятся нелепо. Дело дошло до того, что она сама села за выкройку с портнихами.

Екатерина знала, что Диана сводила с ума Генриха красотой своей груди, особенно когда надсвала легкие летние платья с широким вырезом или сшитыми из прозрачных тканей. Екатерина не обладала бюстом Дианы, но ведь можно заставить мужчину трепетать и при виде небольшой груди. С этой целью королева ввела в моду разрезы на платьях так, чтобы сквозь них была видна не только прозрачная шелковая рубашка, но и очертания самих грудей, их нежный овал. Екатерина первой надела такое платье, а через несколько дней в подобных нарядах уже щеголял весь Париж, причем наиболее смелые дамы увеличивали этот разрез настолько, что можно было любоваться всей грудью.

Екатерина никогда не умела разделять любовь и политику. Пребывая в объятиях Франсуа, она то и дело заводила разговоры о делах, интригах, о ненавистных Гизах, которые повсеместно ставят палки в колеса и не дают ей провести в жизнь ни одно решение. Франсуа поначалу отмалчивался, но постепенно и он втянулся в этот интимный заговор. Однако не успели Екатерина с Вандомом продумать все детали нового дворцового переворота, как Гизы обо всем узнали и с помощью ультиматума заставили королеву подписать приказ о заключении Вандома в Бастилию. Екатерине пришлось выбирать между ним и собственной репутацией. Королева выбрала последнее.

Просидев несколько месяцев в королевской тюрьме, Вандом был выпущен на свободу и... в тот же день умер. Вместе с ним умерла первая и последняя любовь Екатерины Медичи, холодной, властной женщины, для которой отныне осталась одна страсть — власть, политика, интрига. Что же касается смерти Вандома, то все историки в голос уверяют, что приказ о его отравлении отдала сама королева, поняв, что у ее возлюбленного нет политического будущего и дабы все случившееся между ними осталось в тайне.

Мы же добавим, что Екатерина боялась и того, что Гизы воспользуются Вандомом в своих целях, попытаются с его помощью шантажировать ее и первой устранила человека, который многое знал о ней? Она уже готовилась к новой войне с Гизами, когда судьба снова сделала крутой поворот.

Подняли голову протестанты. За ними стояли влиятельные силы: родственник Вандома Антоний Бурбон, его брат принц Людовик I Конде, за которыми вырисовывалась мрачная фигура протестантского вождя адмирала Колиньи. Все они готовы были дать смертельный бой Гизам, вырвать Франциска II из-под их влияния, чтобы потом низложить короля и возвести на трон своего сторонника. В этих обстоятельствах Екатерина тотчас приняла сторону Гизов. Заговор протестантов был раскрыт, гонения на них усилились. Католики вооружались. В разгар распрей, в 1560 году внезапно умер Франциск II. Трон перешел к другому сыну Екатерины — десятилетнему Карлу IX. Естественно, что регентшей при короле-мальчике стала Екатерина Медичи, получив, наконец-то, давно мечтаемое, реальное право власти.

Вдовствующая королева точно проснулась от спячки.

Она заставила малолетнего сына написать письмо в Парламент, в нем он просил мать взять на себя дела королевства, включив в советники короля Наваррского и других почтенных особ, которые входили в королевский совет еще при Генрихе II. Екатерина снова стала поддерживать протестантов, опасаясь усиления Гизов, защитников католичества. Королева тем самым еще раз доказала, что религиозные вопросы волнуют ее лишь постольку-поскольку.

Между тем, война во Франции разгоралась. Идеи протестантов очень походили на воплощенные впоследствии проекты Великой французской революции: обращение духовных имений в светские, разрешение браков священникам, введение народного ополчения и другие.

Пока Екатерина сколачивала свой блок — то с Гизами, то с Генрихом Наваррским, лидером протестантов, в стране бушевали религиозные страсти. Протестанты доказывали, что благодать нисходит на человека от Бога непосредственно, минуя церковь. Посему они не признавали храмов, христианских святых, ангелов, демонов, богородицу и прочие культовые изобретения, введенные церковными властями. Святые отцы, благодаря своему влиянию имевшие огромные земли и богатства, в свою очередь натравливали прихожан на протестантов, и стычки, доходившие до избиений и убийств, вспыхивали повсюду. И коли храмы — это лишь обман церковных толстосумов, дабы наживать деньги на верующих, то наиболее отчаянные из протестантов взламывали церкви и монастыри, грабили их, разрушали алтари, статуи святых угодников, сжигали мощи, разрывали ризы, разбивали священные сосуды, а то употребляли их, мягко говоря, совсем не по назначению. Католики ответили взаимными «любезностями». С каждым днем примирение становилось все менее возможным, а противостояние делалось все более враждебным.

Эта жестокая борьба с переменным успехом шла до начала семидесятых годов. Екатерина, не вмешиваясь в нее, внимательно следила за противниками, стремясь, чтобы силы их пребывали в равновесии. Сама же королева олицетворяла собой некую третью силу, поскольку же достаточной мощи у нее не имелось, она предпочитала оставаться в тени. Холодный расчет и скрытность были доминантами ее характера, именно эти качества позволяли Екатерине усидеть на шатком троне. Труд Никколо Маккиавели «Государь», в котором он оправдывал жестокость и вероломство правителей в их борьбе за власть, был ее настоль-

ной книгой. Чтобы быть осведомленной о настроениях враждующих партий, Екатерина учредила целую сеть шпионов, следивших за соперниками, сообщавших ей о каждом их шаге. Она возвела в систему перехват частной корреспонденции, что давало ей возможность быть в курсе всех тайных планов ее вассалов и незамедлительно действовать, когда того требовали обстоятельства, не подвергая при этом себя опасности и оставаясь как бы в стороне от происходящего. Она прекрасно умела воздействовать на противника, не применяя силы, сталкивая их друг с другом, срамливая, подсыпая тонкий яд слухов гордецам и самолюбцам. Двадцать лет бездеятельности и глухой обороны научили ее многому. За эти годы она подобрала хороший штат крепких и верных помощников, которые понимали ее с полуслова, работали тихо, отважно и молниеносно. Это были люди, которые сами получали удовольствие от содеянного. Извращенцы, садисты по призванию и натуре, они любили свою королеву и профессию им назначенную.

Те же приемы господствовали и в политике внешней, международной. Правя от лица слабовольного малолетнего сына, Екатерина попеременно заигрывала то с протестантскими державами, то с католическими, в зависимости от того, с кем ей в данный момент было выгодно вести дела.

В конце концов она сама запуталась в тенетах собственной хитрости, породив своей двойственной политикой ужасы и резню знаменитой Варфоломеевской ночи. Такова одна точка зрения на события 24 августа 1572 года. Другая свидетельствует о том, что Екатерина Медичи сознательно организовала избиение протестантов, чтобы угодить Риму и папе Григорию XIII, с которым никогда не порывала прочных связей. Скорее всего, настойчивые просьбы Рима, силы довольно внушительной и могущественной, заставили Екатерину наконец сделать выбор в пользу католиков, тут сомневаться не приходится. Была еще одна причина, чтобы склониться на сторону католиков, о ней мы расскажем чуть ниже.

Пока же шел июнь 1572 года, до знаменитой ночи оставалось меньше двух месяцев, неистовый адмирал Колиньи, который пришелся по сердцу младому Карлу IX, требовал войны с Испанией, что являлось безумием с точки зрения Екатерины, сама же она только и думала о свадьбе своей дочери Маргариты Валуа с королем Генрихом Наваррским, яростным гугенотом (так во Франции называли протестантов).

Историки приводят отрывок из разговора королевы с Генрихом Наваррским.

— Неужели после такого приятного знакомства должно быть ужасным распрям? — весело спросила королева.

— Но можно ли сражаться ныне, а завтра вместе смеяться? — так же весело отвечал вопросом на вопрос Генрих.

— Ах, государь, — рассудительно возразила Медици, — сие легкомыслие свойственно мужчине. Но сердце женщины не предвидит с таким равнодушием столь великих бедствий.

— Надобно сносить то, чего нельзя избежать. Не я виною, но вы...

— Для чего же сие бедствие неизбежно?

— Очевидно, для того, что вы друг папе, а я гугенот. Мы чтим единого Бога. Вы с папистами заключаете его в четырех стенах, а мы, бедные гугеноты заключаем его в наших сердцах. Я уверен, что милосердный творец предпочитает чистое и простое сердце великолепным чертогам!..

— И по сему различию во мнениях для чего же нам потрясать государство? — спросила Екатерина.

— Богу не угодно — я люблю оружие, хотя и ненавижу кровь: Своей крови я не берегу, но щажу моих подданных.

— Итак, надобно предупредить кровопролитие, и от всего сердца я послушаюсь вашего совета! — с торжеством заключила королева.

Между тем обстановка вокруг Парижа складывалась весьма непростая. Могущественный испанский король Филипп II писал своему послу во Франции: «Дайте понять королеве, что следуя этому курсу (потворству протестантам — *Авт.*), ее сын потеряет свое королевство и лишится повиновения со стороны своих вассалов». Столь же требовательные послания шлет из Рима папа Пий V, а после скорой кончины последнего его преемник Григорий XIII. Генералу ордена иезуитов было дано конфиденциальное поручение: убедить Маргариту Валуа в том, что если она выйдет замуж за Генриха Наваррского, то пожертвует спасением своей души, а если она послушается умного совета и порвет с Генрихом, то папа устроит ее брак с королем Португалии. Так энергично действовали католики, желая уничтожить всякие симпатии Екатерины к протестантам и не допустить брака гугенота с католичкой. Само собой требовалось разрешение на него папы, которое, естественно,

он никогда бы не выдал. Но уж коли Екатерина Медичи захотела выдать дочь за короля Генриха, то и папа ей не указ. Она списалась со своим послом в Риме и попросила его прислать бумагу, в которой бы говорилось, что разрешение ожидается со дня на день и будет тотчас отправлено. Получив сие послание, Екатерина без труда нашла священника, готового произвести обряд венчания, назначенного на 18 августа 1572 года.

Венчались молодые в Лионе. Губернатору Лиона де Манделло был отдан приказ с требованием задерживать всех курьеров, следующих в Италию и из Италии, чтобы те не привезли какого-нибудь каверзного письма папы Григория XIII, запрещающего брак Маргариты с Генрихом Наваррским, а также, чтобы никто не успел сообщить папскому нунцию о готовящемся бракосочетании.

Параллельно со свадьбой Медичи скоропалительно разрабатывала секретный план убийства адмирала Колиньи, который настолько завладел сердцем юного Карла IX, что последний больше никого и не хотел слушать. Колиньи с настойчивостью маньяка готовился к войне с Испанией, что было безумием со всех точек зрения, ибо Франция не имела никаких шансов на победу.

Состоялась свадьба Маргариты и Генриха. Колиньи все больше выходил из-под контроля, огромные толпы протестантов уже недвусмысленно угрожали всем католикам без разбора, в том числе и самой королеве за то, что она еще смеет повиноваться жирным церковным крысам. Екатерина попробовала еще раз переговорить с адмиралом, но он не захотел ее слушать. Тогда, всплыв, королева задумала жестоко отомстить Колиньи и его сторонникам. Она вызвала к себе Гизов, других вождей католицизма и разрешила им обратить свои мечи против гугенотов, чего католики уже давно добивались. Этот призыв был принят с восторгом. Тогда же, на совете у королевы, католики выбрали временем кровавой мести ночь с 23 на 24 августа 1572 года.

Естественно, что королева надеялась, что будет другой исход. Видя воинственные настроения в обоих лагерях, она надеялась, что вожди их перережут друг друга... Увы, случилось иначе. Католики оказались оперативнее, энергичнее, сплоченнее. Протестанты фактически не оказали им никакого сопротивления. В течение немногих часов в Париже перебили свыше 2 тысяч гугенотов. На следующий день волна убийств захлестнула провинцию. В Лионе погибло 800 человек, в Орлеане — 500, в Мо — 200, в Труа

и Руане католики собственноручно задушили всех накануне арестованных протестантов. В общем, в течение двух недель во Франции от рук католиков пали около 30 тысяч гугенотов.

Папа Григорий XIII, узнав о резне в Париже, приказал иллиюминировать Рим и важнейшие города своей области, выбил медаль в честь этого богоугодного дела и отправил в Париж кардинала Арсини для поздравлений «христианнейшего короля и его матери». Вместе с папой не скрывал восторга и испанский король Филипп II, восхищаясь «сыном, что у него такая мать, и матерью, что у нее такой сын».

Адмирал Колиньи был смертельно ранен в ту роковую ночь и вскоре умер. Вопрос о войне с Испанией отпал таким образом сам собой. Резня вознесла на пьедестал славы герцога Генриха Гиза, некоронованного владыку Парижа. С недобрим чувством слыша восторги толпы по поводу Гизов, Екатерина «заставила» сына помиловать Генриха Наваррского и принца Генриха де Конде, дабы создать противовес укрившимся Гизам. Надо было снова думать о будущем.

С этой целью Екатерина пишет теплое и любезное письмо Филиппу II, извещая его о том, что меры, принятые ее сыном (всю славу по резне гугенотов она щедро отдает ему), усиливают «дружбу, связывающую две короны». В том же послании она заводит разговор о возможном браке своего любимца, сына Генриха Анжуйского на дочери Филиппа II. Письмо королевы с радостью принято, как и ее предложение. Филипп и сам готов с чувством расцеловать матушку-королеву, приготовившую для него и всех ревностных католиков столь великий подарок.

Казалось, все кончилось к удовольствию дома Валуа, и теперь уже Екатерина вполне может вкушать плоды своих царственных забот. Однако серьезное беспокойство на сей раз стал внушать королеве Карл IX. Екатерина с горечью замечает, что все ее мудрые уроки по искусству управления державой прошли мимо пылкого отрока, его мучает раскаяние — чувство, противоположанное королю и монарху. Ведь сколько раз Екатерина говорила ему, что все свершенное правителями, худое или доброе с точки зрения отдельных подданных, для государства есть благо, и в сердце не должно быть места сожалению, а еще хуже — раскаянию, они есть не что иное, как свидетельство слабости монархии. А слабым монархам не дано увидеть горных высот божественной власти.

И вот на тебе, не успела прокатиться по королевству волна расправ с гугенотами, как король снова выказывает им знаки милости. Королева поняла бы его, если б это делалось наперекор Гизам, чтобы сдержать их горделивую прыть и поумерить амбиции. Карл, однако, искренне стремился загладить свою вину перед протестантами — вот что ужасало Екатерину. Она с материнской горячностью начала поправлять сына, но он вдруг выразил свое неудовольствие, причем вслух, при всех, да еще обвинил ее и своего брата Генриха Анжуйского в кровавых злодеяниях той страшной ночи, будто они зачинщики и заводилы — главные виновники всей резни.

Екатерина поначалу даже дара слова лишилась, не понимая, откуда у сына такие слова, она уже хотела искать лженаперсников, подучивших Карла на подобные угрозы, как вдруг с удивлением обнаружила, что его никто не учил, это его собственные чувствования, которые он намерен защищать и проводить в жизнь. Когда прошла оторопь, Екатерина попробовала ласково побеседовать с сыном, рассказать, почему она решилась на этот шаг и от каких жутких бед она спасла его и все королевство. Но Карл отказался с ней разговаривать на эту тему. Королева вспыхнула и два дня не показывалась никому на глаза. За два дня никто не справился о ее здоровье, не поинтересовался почему она не покидает своих комнат, хотя Карл принимал послов, ездил на прогулки, отдавал приказы по канцелярии, справлялся о финансах.

Вдруг она поняла: в ней больше не нуждаются. Родной сын, которого она возвела на престол, ради которого не спала ночами, в сотый раз проигрывая разные комбинации, решая непростые дипломатические задачи, ею попросту тяготится. Более того, стыдится ее. И будь она ему теткой или дальней родственницей, он давно бы отдал ее под суд, посадил в Бастилию, она — что кость в его горле, и он никогда не избавится от этого ощущения. Вместе им жить и управлять не дано. Либо она, либо...

Ей шел уже пятьдесят четвертый год, но она не ощущала еще старости. Азарт властолюбия жег ее, как распяляет ветреную девчонку свидание. Она вкусила от этого отравленного пирога царствования, и ей не успокоиться теперь до самой смерти.

Значит, она сделала не по его вкусу, уничтожив гугенотов и помирившись с Римом и Испанией, он хочет подставить ее, а сам выглядеть чистеньким, незапятнанным,

ангелом во плоти? Он ждет, что она сама придет к нему, покается и уберется навсегда в какое-нибудь дальнее поместье, в замок Шенонсо... Екатерина вспомнила Диану и усмехнулась. Неужели судьба заставит и ее пройти тот же круг?..

Два дня Екатерина не выходила из своих комнат, почти не притрагивалась к еде, тщательно обдумывая свое положение, и поняла, что иного выхода нет...

Ей было нелегко на это решиться. Одно дело отправлять на смерть любовника, к которому еще не успела прикипеть сердцем, другое — убить сына, свою плоть и кровь. Но выбора не оставалось. Или самой стать жертвой, или...

Она явилась к ужину замкнутая, неразговорчивая, обдумывая в деталях весь церемониал убийства. Уж в чем, в чем, а в ядах Медичи всегда знали толк. Королева решилась на этот шаг еще и потому, что видела преемником на троне своего любимца, Генриха Анжуйского, с которым, она была уверена, найдет общий язык.

Карл сидел за столом холодный, неразговорчивый, давая понять матери, что его раздражение — не каприз и ее роль в королевстве изменилась. «Боже, как он глуп!», — с досадой подумала Екатерина. Он вдруг перестал для нее существовать.

Прошла неделя. Карл неожиданно почувствовал себя плохо, его так скрутило, что он вынужден был лечь в постель. Перед этим король ездил на охоту, дул холодный ветер, и все решили, что он простудился. Врачи легко поверили в этот диагноз, прописали горячее питье, горячие грелки, растирания, но через три дня лихорадка усилилась и пришлось вызывать священника. Карл приказал позвать Генриха Наваррского и, умирая, попросил у него прощения за содеянное. Генрих простил его, и успокоенный Карл IX отошел в мир иной с легкой улыбкой на устах.

На французский трон взшел новый король — Генрих III. На этот раз судьба действительно не обманула королеву. Едва Генрих оказался на престоле, как воссияла и ее слава. Вместе с Екатериной Генрих пережил четыре религиозные войны, был свидетелем разорения страны, разгула анархии. Екатерина изо всех сил пыталась этому противодействовать, но ее политические методы тонких закулисных интриг стали уже устаревать. Требовались новые, более жесткие, решительные подходы, более гибкое правление, которое бы учитывало интересы многих противоборствующих сторон. А кроме того, она просто устала. Не в ее

летах уже было скакать от лагеря к лагерю и приводить к миру враждующие стороны.

В отличии от Карла IX Генрих III был рад сбросить с себя часть государственных забот на мать-королеву. Больше времени у него оставалось на охоту, интриги с фаворитками и пирушки с друзьями.

Екатерина же все чаще обращалась к магам. Она помнила о Нострадамусе и его предсказание гибели Генриха II. Известный в то время маг Руджери, умевший по звездам предугадывать будущее, стал одним из ближайших доверенных лиц Екатерины. Не знаем как сейчас, но еще к концу XIX века в Париже возвышалась башня, где Руджери гадал Екатерине Медичи и ближайшему ее окружению.

Уже не испытывая сама потребность в чувственных ощущениях, королева охотно поощряла своих придворных в их сладострастных играх. Она не без удовольствия наблюдала за разгулом страстей, предоставляя для этих целей свой будуар. Так, поэт Филипп Депорт прямо в покоях королевы осчастливил дочкой фрейлину Екатерины Луизу де Лопиталь-Витри. Видимо, наблюдение за самим актом совокупления возбуждало королеву и приносило ей какое-то чувственное удовлетворение.

Были у Екатерины и свои ухажеры, которые страстно домогались ее взаимности. Так, будущий маршал д'Эстре, который переспал со всеми своими шестью сестрами и вообще не пропускал мимо ни одной юбки, просто сгорал от желания. Умоляя Екатерину смилостивиться и осчастливить его хоть одной ночью. Он писал ей гнусные похотливые записки, выражаясь в них столь грубо, что фрейлины затыкали уши, когда королева читала их вслух. Иная на месте Екатерины сочла бы такие писания за оскорбление, а королева лишь посмеивалась, хотя в интимной аудиенции охальнику отказывала.

Зато она устраивала во дворце настоящие вакханалии, заставляя «прекраснейших и честнейших женщин двора» раздеваться донага и вступать в непристойную связь с прислугой. Эти оргии уже напоминали сцены из жизни Рима начала тысячелетия, когда свальный грех сделался любимейшим развлечением римских императоров. Впрочем, не надо забывать, что Екатерина происходила из старинного итальянского рода Медичи, и возможно, в ней говорили гены ее дальних предков.

Все эти чувственные игрища свидетельствовали и о ее угасании. В какой-то миг ей захотелось сделать своего сы-

на Франсуа-королем Алжира, а в придачу отдать ему еще и Сардинию. Екатерина положила немало сил, чтобы вручить ему ключи от этой африканской колонии, но в результате ничего не получилось, ибо герцог Франсуа скоропостижно умер.

Екатерина Медичи и ее любимый сын Генрих III, король Франции, ушли из жизни в один и тот же 1589 год. Вместе с убитым Генрихом III погиб и последний представитель династии Валуа.

На французский престол вступил Генрих Наваррский, вошедший в историю, как король Франции Генрих IV, молодые и зрелые годы которого столь живо и подробно описал Генрих Манн. Он еще долго помнил свою тещу, Екатерину Медичи, надменный и алчный призрак которой и по сей день бродит по дворцовым комнатам Лувра. Таких женщин история не забывает.

МАРГАРИТА ВАЛУА

(1553—1615)

Под этим непривычным, да, пожалуй и малознакомым почитателям Дюма-отца именем скрывается первая супруга короля Наваррского, затем французского короля Генриха IV Маргарита Наваррская, знаменитая королева Марго. Известный романист немало потрудился ради ее прославления, и теперь завзятый читатель может смело воскликнуть: «А, та самая!» Однако писатель в определенной степени виновен перед нами, ибо используя принцип, согласно которому «история — это тот гвоздь, на который можно вешать все, что угодно», он слегка исказил реальные черты своей героини. Ближе к истине оказался другой, не менее известный писатель Генрих Манн, запечатлевший королеву в объемистой эпосе, посвященной жизни, деятельности и увлечениям короля Генриха IV. И все же облик Маргариты Валуа — королевы Марго, на наш взгляд, чуть иной, и мы попытаемся воссоздать его, пользуясь только документами и воспоминаниями очевидцев.

Как писал известный французский мемуарист XVII века Таллеман де Рео, опиравшийся в своем труде на рассказы свидетелей событий предыдущих десятилетий, «королева Маргарита в молодости отличалась красотой, несмотря на то, что у нее были слегка отвислые щеки и несколько длинное лицо». Портрет, как видим, не слишком идеаль-

ный, если вспомнить образ, нарисованный Дюма. Безжалостный же мемуарист спешит добавить: «Никогда, пожалуй, не было на свете женщины, более склонной к любовным утехам. У нее была особая бумага, поля которой усеивали сплошь эмблемы побед на поприще любви; бумагой этой она пользовалась для любовных записок. Она изъяснялась галантным стилем того времени, но была весьма неглупа». Как бы сомневаясь, что поверят последней характеристике, де Рео буквально через несколько фраз снова повторяет: «Если не считать ее безудержного стремления к любовным утехам, она была весьма благоразумна».

К 1572 году, к моменту ее торжественного бракосочетания с будущим королем Генрихом IV, уже были испробованы разные проекты счастливого решения ее судьбы. Первоначально предполагалось выдать Маргариту за испанского инфанта дона Карлоса. Но переговоры шли тяжело, и этот проект не осуществился, что весьма обрадовало принцессу: инфант «славился» мрачным и свирепым характером. Если французский королевский двор был поглощен делами любви и фрейлины наутро обменивались эротическими подробностями проведенной ночи, то суровая аскетичность испанского королевского дома предполагала послушание и целомудрие принцесс и королевы, поэтому Маргарита заявила резкий протест, узнав о планах своей маменьки, Екатерины Медичи.

Маргарита с детства отличалась веселым, резвым характером и в отличие от своей матери вовсе не думала и не хотела думать о политике и власти. Жизнь рисовалась принцессе сплошным праздником, на котором важно сорвать побольше цветов удовольствий. Так она и жила, многое уже познав к девятнадцати годам, ибо успела побывать в любовницах у своих братьев — королей Франции Карла IX и Генриха III, а также у герцога Франсуа Анжуйского. Кроме братьев ее чувственный азарт испытал на себе герцог Гиз, один из могущественных вельмож Франции. С менее титулованными мужчинами она общалась гораздо реже и приходилось довольствоваться теми, кого Бог послал.

Чтобы скрасить несколько приниженный вышеназванными мемуаристами облик Маргариты, мы позволим себе дать и то восторженное описание будущей королевы, которым покорила сердца читателей незабвенный Александр Дюма.

«По красоте ей не было соперниц даже здесь, при таком

дворе, где Екатерина Медичи старалась подбирать на роль своих сирен самых красивых женщин, каких только могла она найти. Черноволосая, с замечательным цветом лица, чувственным выражением глаз, обрамленных длинными ресницами, с изящным алым ртом и стройной шеей, с роскошным гибким станом и с маленькими, детскими ногами в атласных туфельках — такой предстала Маргарита Валуа. Французы гордились тем, что их родная почва вырастила этот удивительный цветок, а иностранцы, побывав во Франции, возвращались к себе на родину, ослепленные красою Маргариты, если им приходилось только повидать ее, и пораженные ее образованием, если им удавалось с ней поговорить».

Темпераментный Дюма, как истинный француз, конечно же, не мог написать про отвисшие щеки и несколько непропорциональное лицо Королева — вне критики. И потом это все-таки роман, в котором больше вымысла, нежели правды, поэтому не будем строги к романисту, у которого есть своя точка зрения на известные вещи. Правда, Дюма не скрывает эротических пристрастий Марго. Наоборот, это составляет, по его мнению, удивительное очарование будущей королевы, и в этом он прав более, чем во всем остальном.

Таким был сам воздух французского двора еще до приезда в Париж Екатерины Медичи и ее свадьбы с Генрихом II. Отец Генриха, король Франциск I, как сообщает хронист Соваль, любил наносить неожиданные ночные визиты то одной, то другой придворной даме. Король, имея ключ от каждой комнаты, в любой момент мог явиться к ним.

Франциск всю жизнь страдал венерическими болезнями и поочередно заражал всех своих метресс и даже жену, к которой иногда наведывался. Интересы венценосца распространялись не только на придворных дам, тут уж никаких запретов не существовало. Он мог выбирать любую женщину королевства и муж не имел права поднять руку на короля, который проводил ночь, неделю, месяц с той, к кому он испытывал внезапную страсть.

Тот же хронист пишет: «...мне передавали, что однажды король Франциск хотел провести ночь с дамой, которую любил. Он встретил ее мужа со шпагой в руке: муж намеревался ее убить. Однако король направил свою шпагу ему в грудь и под страхом смерти приказал не трогать ее. Если он только посмеет хоть немного коснуться ее, король или

убьет его или велит отрубить ему голову. Он показал мужу на дверь и сам занял его место. Эта дама могла считать себя счастливой, что нашла такого покровителя, так как муж ничего ей не говорил и предоставил ей полную свободу действий.

Мне передавали, что не только эта дама, но и многие другие пользовались покровительством короля. Многие люди в годы войны, желая спасти свои владения, украшают ворота королевским гербом. Точно также многие женщины пришивали к платью королевский герб, так что их мужья ничего не могли им сказать, если не хотели лишиться жизни».

Такова была действительность. Образ жизни диктовал сам король, а его подданные следовали тому нравственному порядку, который он устанавливал. Так, многие благородные дамы французского двора позволяли своим кавалерам исполнять обязанности камеристок. Они охотно разрешали им надевать на себя чулки и башмаки, другие интимные предметы своих туалетов. Это давало, как свидетельствует рукопись XVI века, «влюбленным дамам самый удобный случай показать мужчинам, которые им нравятся, те прелести, которые иначе они не могли бы обнаружить». Далее в этой рукописи говорится: «дамы исходят при этом еще из той мысли, что мужчина с темпераментом никогда не упустит такого случая, чтобы не позволить себе некоторые вольности». С другой стороны, эта ситуация позволяет им всегда помешать ему зайти в его галантных предприятиях дальше, чем «им позволяют их совесть и честь».

Мы позволили себе данный экскурс для того, чтобы подчеркнуть: любовные увлечения Маргариты не являлись каким-то отклонением от существующих норм морали. Напротив, если б она проводила свои юные дни в затворничестве, ее близкие вправе были бы обратиться к врачу и поинтересоваться, что происходит с нею. Это было время деспотизма красоты, как писала графиня Жанлис, и он понемногу начинал уступать могуществу обольстительности. Юная Маргарита впитала этот воздух, он позволил ей стать взрослой шалуньей, доступной и царственной одновременно. Она наслаждалась этой свободой до тех пор, пока не узнала стороной, что готовится ее брак, и была чрезвычайно удивлена этим обстоятельством, ибо мать, Екатерина Медичи, даже не удостоила дочь разговором о ее будущем избраннике.

— Вы с моим братом и государем намереваетесь пере-

менить мою судьбу? — прямо спросила Маргарита у матери.

Та была недовольна вольностью, с какой дочь позволила себе подобные вопросы, но поскольку выпал случай оповестить о будущем торжестве его виновницу, Екатерина, смягчившись, подтвердила слова дочери.

— Надеюсь, что брачный контракт будет подписан в ближайшее время, — ответила она.

— С принцем Наваррским? — спросила Маргарита.

— Брак вполне приличный, — помолчав, холодно сказала мать, не понимая сути вопроса.

— Не слишком ли молод мой будущий супруг?!

— Он уже опасен, — усмехнулась Екатерина.

— Я слышу всеобщие похвалы его уму и сердцу...

— Да, многих он может привлечь на свою сторону, — ответила Екатерина.

Мать-королева говорила с дочерью сухо, надменно, и Маргарита, не выдержав этого официального тона, взволнованно спросила:

— Так он искал моей руки?

Мать-королева удивленно изогнула насурмленные брови, не ожидая столь горячего интереса дочери к брачной церемонии, которая, на ее взгляд, всегда была лишь ходом в политической игре сторон. Уж это-то Маргарите следовало бы знать, а если не знает, то чему ее учили? Екатерина была раздражена, однако подавив подымающуюся вспышку гнева, с оттенком нравоучительности ответила:

— Он чувствует выгоду брака с дочерью французского короля!

Маргариту неплохо подготовили к поприщу супруги, у нее до сих пор продолжался роман с герцогом Гизом, который она не собиралась прерывать из-за какой-то свадьбы, тем не менее, ей хотелось все же знать: нравится она королю Наваррскому или нет, он-то ей нравился. Только и всего. Интересовало Маргариту и другое: ее будущий муж принадлежал к протестантам, она же была католичка, и предстоящий брак казался ей чем-то противоестественным. Принцесс протестанты всегда казались жуткими распутниками, и ожидаемая встреча на супружеском ложе болес всего занимала ее мысли.

Свадьба, наконец, состоялась. Правда, новобрачные получали благословение каждый у своего алтаря и священника, что вносило странный элемент в церемонию. Осталась

верной своим принципам и королева, произнеся напутственное слово дочери:

— Дочь моя, помни, что ты — принцесса, и поэтому прежде всего будь не рабой любви, а служанкой политики. Супружеское счастье лишь для тех, кто зависит от самих себя. Но для тех, кому надлежит прежде всего блюсти славу Божию и выгоды государства, существуют иные добродетели. Помни об этом!

Мать-королева не могла не сказать это, поскольку глупые вопросы дочери так и не выветрились у нее из головы и очень сильно ей досаждали. Екатерина, конечно, не тешила себя надеждой, что Марго повторит ее путь, она родилась для другой цели, но предостеречь ее надо. Напутствие ничего, кроме раздражения, у Маргариты не вызвало. Если она в чем-то расходилась с матерью, то прежде всего в отказе последней от плотских удовольствий в угоду чахлым политическим страстишкам.

Через четыре дня после свадьбы наступила кровавая Варфоломеевская ночь, когда во всем Париже стали резать глотки протестантам. Генрих попытался удрать, но его поймали. К Маргарите в спальню забежал раненый гугенот Лейрас. Надо отдать должное королеве Наваррской, которая укрыла беднягу в самом надежном месте — собственной постели. Преследователи не догадались ее обшарить. С тех пор спасенный надежно прописался в интимном убежище, а королева Наваррская приобрела благодарного любовника, который напоминал ей о ее милосердии.

Генриха Наваррского также не тронули по приказу короля и матери-королевы. Было бы верхом неприличия убивать зятя, которого приняли в августейшую семью всего четыре дня назад.

Лейрас в списке фаворитов королевы Наваррской продержался недолго, вскоре он наскучил ей, так как робел в присутствии своей спасительницы. А настоящей страсти сие противопоказано. Кроме того, быстро появились соперники, которые своим достоинствами затмили бедного гугенота. В их числе — известный граф де ля Моль, которому к той поре стукнуло уже сорок пять. Он был строптив, честолюбив и завистлив. Самолично вышел из свиты короля, который не слишком баловал его вниманием, и перешл на службу к герцогу Алансонскому, у него сразу же стал фаворитом и наперсником. В свое время граф ездил в Лондон, выполняя деликатное поручение Карла IX, который хотел выдать своего брата, герцога Алансонского за анг-

лийскую королеву Елизавету. Сватовство закончилось неудачей, но по слухам и разговорам, граф произвел серьезное впечатление на Елизавету, однако де ла Молю не хватило выдержки, да и промозглая английская погода вконец его доконала, поэтому он был вынужден вернуться ни с чем.

Герцог Алансонский возлюбил графа настолько, что уговорил его перейти к нему в свиту. Поговаривали, что герцога привлекла в графе одна известная черта — де ла Молю слыл известным сердцеедом, и герцог решил с его помощью наконец-то наладить свои любовные дела. Когда же у графа начался бурный роман с Маргаритой, вмиг возревновали оба ее брата — и король, и герцог Алансонский, которые до этого часа всегда находили утешение в объятиях соблазнительной сестрички, если срывались с крючка другие красотки. Теперь ее постель была занята почти постоянно, это обстоятельство вызвало у братьев яростный прилив ревности: они решили придушить счастливого любовника прямо на дворцовой лестнице.

Не правда ли, благословенные времена? Только представим себе: абсолютный монарх крупного государства и его брат, герцог и повелитель также немалых пространств, как мальчишки, подстерегают удачливого соперника под дворцовой лестницей! В наши или даже более ранние времена достаточно было кивка, чтобы сам звук имени ретивого любовника растаял, как дым.

Так что же стало с де ля Модем? Его предупредили об опасности его приятель граф де Кокконас и герцогиня де Невер, и любовник Марго счастливо избежал возмездия. Надо полагать, что узнав о столь опасных кознях, граф де ля Молю прекратил свои визиты к Маргарите? Ни в коем случае. Он по-прежнему посещал ее по ночам, более того, свергнул в свои интриги.

Маргарите удалось помирить графа с его господином, герцогом Алансонским, и все трое с увлечением стали обсуждать важную затею: они надеялись поднять восстание, сместить с трона Карла IX и передать власть Франсуа Алансонскому. Поняв, что заговор раскрыт, герцог Алансонский решил бежать. Он подбил на побег и Генриха Наваррского, который находился в Париже на положении пленника после 24 августа 1572 года. Но замысел не удался. Обоих смутьянов выдала Шарлотта де Сов, возлюбленная Генриха Наваррского, которой он доверял все свои тайны. Она оказалась шпионкой Екатерины Медичи.

Франсуа точас признался во всем. В тот же день аресто-

вали графа де ля Моля, но он молчал даже под пытками и был казнен 30 апреля 1574 года.

Маргарита тяжело переживала потерю. Граф, как выяснилось, увы, после смерти, конечно, — был для нее больше, чем любовник. Он стал наставником королевы Наваррской в области политики. Интрига их провалилась, но кое-какой опыт Маргарите все же дала, и в дальнейшем он ей пригодился. Чтобы сохранить память о возлюбленном, она приказала забальзамировать сердце графа де ля Моля, которое всегда хранила в своей комнате... вместе с сердцами других своих любовников, которые также часто впутывались в разные истории и также часто умирали. Рассказывают, что у Маргариты имелись на этот случай большие фижмы (Юка на китовом усе, вид кринолина — *Авт.*) со множеством карманчиков, в каждом из них лежала коробочка с сердцем какого-либо возлюбленного. Говорят, она никогда не ошибалась, вынимая из карманчика то или иное сердце.

Через месяц после казни де ля Моля и де Кокконаса (последний хоть и выложил все, что знал, не избежал смертного приговора) умер Карл IX. На престол взошел Генрих III, который с удвоенной энергией продолжал ревновать сестру к новым любовникам, а она вновь плела интриги — на сей раз против нового короля. И снова вместе с Маргаритой ее братец Франсуа Алансонский и Генрих Наваррский.

В очередной раз сгустились тучи над их головами, и оба незадачливых заговорщика бегут из Парижа. Побег заканчивается успешно. Генрих Наваррский посылает письмо Маргарите: «Не смертный приговор, но брачное условие хотел я подписать; друзья мои также не думали скреплять столь их недостойного и чести противного договора. Поскольку я должен быть вашим супругом только ценой крови моих добрых подданных, то я и отрекаюсь совершенно от нашего союза».

Такому повороту событий радовались оба супруга, а особенно Маргарита, которая отныне считала себя свободной от всяких обязательств по отношению к Генриху, хотя для церкви они по-прежнему являлись мужем и женой.

Но кто думает о каких-то законах, даже церковных, если муж Бог знает где, воюет, да еще против католиков, а ты свободна и доступна пьянящему любовному зову. Маргарита только об этом и мечтала, погрузившись в увлекательный водоворот страстей, интриг, заговоров и измен. И

чем опасней был тот или иной любовник, чем отважнее и смелее, тем слаще. Она распутничала всласть, и Екатерина не останавливала ее, ведь Маргарита не покушалась на главное — на ее власть. Если дочь и участвовала в заговорах, то лишь потому, что так хотелось ее очередному избраннику. Ее называли при дворе «жемчужиной Валуа», «волшебницей», «новой Минервой».

31 октября 1575 года по приказу Маргариты один из ее мимолетных любовников убивает королевского фаворита де Голта, который слишком решительно и настойчиво ратовал за скорейшую войну против Испании. Король Генрих III не остался в долгу. Он провел искуснейшую комбинацию, разыграл сложнейшую, но весьма тонкую интригу, использовав для этой цели страшного ревнивца, мужа графини Монсоро, и любовник Маргариты, убивший де Голта, был зарезан вместе со слугами. Оба, и Маргарита, и король остались довольны своими воплощенными в жизнь замыслами.

Между тем Генрих Наваррский, сражаясь с католиками, не обходил стороной и битвы на любовном фронте. Во всяком случае он старался, чтобы каждая понравившаяся ему женщина не была лишена его жарких объятий и томных поцелуев. Если отбросить мимолетные увлечения, то в любовный послужной список короля Наварры вошли пятьдесят семь красавиц. Видимо, удовлетворенный своими успехами, Генрих решил вспомнить и о Маргарите. Он послал ей письмо о том, что законный супруг желает ее видеть и ждет, когда же жена воссоединится с ним.

Получив весточку от мужа, Марго очень обрадовалась: в последнее время она совсем запуталась в собственных кознях и постоянно ожидала монаршьего гнева. Казалось, сама судьба подсказывает ей спасительный выход. Не долго думая, Маргарита в 1578 году приезжает к супругу, в его военный лагерь. Она пробралась сюда закутанной в плащ, раскрыв свое имя лишь одному понравившемуся ей офицеру, который и привел ее в палатку к Генриху. У входа она отпустила провожатого, решив явиться к мужу инкогнито, решительно вошла и остановилась у двери, по-прежнему не открывая своего лица.

Генрих Наваррский уже привык к подобным визитам и повел дело привычно: проводив незнакомку к походной постели, он запустил руку под складки одежды и обнаружил, что посетительница довольно хорошо сложена. Король солдатски повалил даму, умиляясь тому, что последняя ни-

сколько не препятствует его быстрому натиску. Овладев ею и быстро насытившись, Генрих, наконец, изъявил желание узнать, кого же привели к нему услужливые офицеры на этот раз. Он попросил незнакомку снять покрывало с лица...

...Описать изумление Гериха Наваррского не смог даже Дюма. Маргарита же от души веселилась своей шутке.

Первые две недели супруги жили душа в душу, наслаждаясь друг другом, пока Маргарите не наскучили и походная жизнь, и узкая кровать, и несносная пища. Офицеры не реагировали на ее жаркие взгляды, справедливо опасаясь королевского гнева. Вследствии этого королеве Наваррской разонравился протестантизм, и она снова втянулась в интригу уже против собственного мужа и перешла на сторону Католической лиги, возглавляемой ее старинным любовником герцогом Гизом.

Посему она быстро покинула Генриха, зажив опять отдельной и свободной жизнью, чередуя свои влюбленности с проделками политического свойства. Именно к этому времени относится один случай, который характеризует как нравы самой эпохи, так и личность Маргариты.

Некий дворянин, барон де Салиньяк, будучи на двадцать лет старше Маргариты, внезапно почувствовал, что безумно увлечен королевой. Она же, не оставлявшая прежде ни одного подобного призыва без ответа, на сей раз холодно восприняла душевные муки барона. Он бесконечное число раз изъяснялся ей в любви, перемежая клятвы укорами в бессердечии. Однажды ей это надоело. Прервав его на полуслове, она спросила:

— А чем могли бы вы доказать мне вашу любовь?..

— Нет ничего такого, чего бы я не сделал!

— Даже приняли бы яд? — спросила Марго вкрадчиво.

Барон слегка побледнел, однако деваться было некуда, и он без запинки почти ответил:

— Да, если бы вы позволили мне умереть у ваших ног!

— Я согласна!

Барон еще больше побледнел, но от своих слов не отказался. Был назначен день. По приказу Маргариты изготовили сильное слабительное, которое она собственноручно вручила барону. Де Салиньяк, уверенный, что пьет смертельную отраву, мужественно осушил чашу и был заперт Маргаритой в комнате, куда она поклялась вернуться, когда начнет действовать яд. Через два часа дверь отперли...

Рядом с незадачливым рыцарем находиться было невозможно. Рассказывают, правда, что после этого испытания он мгновенно избавился от любви к Маргарите.

В июле 1585 года королева Наваррская окончательно порвала с мужем, решив навсегда присоединиться к соотечественникам, исповедующим католичество. Поскольку весь Юго-Запад Франции был протестантским, Маргарита решила покончить с ним благодаря довольно немудреному плану: она вместе с небольшой группой католиков укрылась в крепости Ажан, как бы спасаясь от разгула гугенотов, и обратилась за помощью к Гизам и Филиппу II, королю испанскому, надеясь ударом объединенных сил разгромить протестантов. Подмога, однако, как это часто случается, запоздала, Ажан взяли полки Генриха Наваррского, а Марго заключили в крепость Юсон, чтобы там у нее поостыли желания втягиваться в опасные авантюры. Конечно, Генрих Наваррский, хорошо зная свою жену, мало верил в серьезность политических замыслов Маргариты и не особенно старался охранять ее узилище. Оттуда Марго удалось бежать с помощью прокравшегося в крепость агента Гизов. Когда Генриху сообщили, что беглянке помогали люди из враждебного лагеря, он отдал приказ поймать ее. Маргарита была водворена обратно.

Тут как раз началась склока между Генрхом III и королем испанским Филиппом. Пока монархи ругались, предъявляя взаимные претензии, Маргарита снова бежала, причем без посторонней помощи, соблазнив придурковатого тюремщика, который в восторге от ласк королевы Наваррской, сам открыл ей тюремные ворота.

Маргарита добралась до родного крова, до маменьки и братца-короля, который некогда любил ее и жутко ревновал. Теперь же времена изменились. Гизы и их Католическая лига всерьез угрожали королю, и Екатерина Медичи не нашла ничего лучшего, как заключить союз с Генрихом Наваррским. Вот когда объявилась при дворе Маргарита!

Генрих Наваррский был взбешен и потребовал, чтоб Маргариту удалили. Екатерина, не долго думая, арестовала дочь и посадила ее в крепость, продумывая попутно план убийства Марго, чтобы совсем освободить зятя от несносной жены. Она даже выбрала Генриху новую подругу жизни, остановив свой выбор на одной из своих внучек.

Пытаясь соблюсти приличия, Екатерина освободила Маргариту из крепости, позволила дочери вновь завести себе любовников, чтобы все выглядело естественно и ни у

кого не могло бы возникнуть подозрений. Убийство должно было осуществиться с помощью одного из тех замечательных ядов, которыми славился род Медичи, и скорая смерть Маргариты свершилась бы легко и безболезненно, если б у Екатерины и Генриха не начался очередной тур смены политических партнеров. Теперь к борьбе против короля Наваррского органично подключилась и Маргарита. Она, в частности, бомбардировала своими посланиями короля Испании и вербовала под католические знамена молодых и сильных борцов, которых не стеснялась завлекать и прелестями своего тела.

Сторонников у нее оказалось так много, что они, претендуя на исключительное право обладания Маргаритой, начинают меж собой раздоры. Одна из драк закончилась трагически: соперник был заколот на глазах у Марго, пришедшей в ужас от увиденного. А когда еще один дерзкий дуэлянт лишил жизни и этого победителя, то по указу Маргариты и матери-королевы ему отрубили голову. В результате карманчики фижм «новой Минервы» пополнились тремя новыми коробочками с набальзамированными сердцами, что несомненно скрасило потерю трех отважных кавалеров.

Генрих Наваррский также не терял золотого времени зрелости. Он поочередно страстно влюблялся то в Диану д'Андуен, то в виконтессу де Лувињи, то в графиню де Гиш. Последнюю современники называли «Прекрасной Коризандой». Будучи вдовой одного из знатнейших вельмож королевства графа де Гиша и обладательницей огромного состояния, Диана из любви к Генриху отдала значительную часть своих богатств на пополнение для его войска. Ею было набрано для Генриха двадцать четыре тысячи солдат. Ради этого графиня заложила даже часть своих поместий и продала бриллианты. У Дианы де Гиш вскоре появился и сын от Генриха, Антуан, которого Генрих Наваррский собирался признать своим законным отпрыском. Однако юноша заявил, что он желает остаться простым дворянином, нежели побочным сыном короля (все это произойдет, конечно, много позднее, и симпатичный мальчик станет герцогом Граммоном, вице-королем Наварры и зятем кардинала Ришелье).

Генрих любил Диану де Гиш не менее страстно, чем она его. К этому чувству примешивалась и искренняя благодарность за щедрую помощь, что оказала ему графиня. Диана же обожала своего Генриха до умопомраче-

ния и постоянно боялась, что король ее бросит или разлюбит.

Так, она внезапно появилась на поле сражения при Кутре, где Генрих одержал внушительную победу над войсками Католической лиги. Вместо того, чтобы развивать успех, король отправился в плен к Диане де Гиш, которая заявила полководцу, что тот совсем ее забыл. Генрих отменил свой приказ о преследовании католиков и устроил специально для Дианы представление захваченных у врага знамен. Зрелище настолько захватило ее, что она простила своего ненаглядного.

Коренастый, могучий, с густой шевелюрой, в которой еще не мелькало ни сединки, с кривым носом и сверкающим взором, окладистой бородой, не скрывающей его живого лица, с звучным голосом и хитровой усмешкой, он не мог не нравиться женщинам. А ведь он к тому же еще был и король, и смелый воин. Всем этим можно объяснить то обилие возлюбленных, которые искали с ним встреч и страстно любили его. И надо сказать, его хватало на всех. Конечно же, столь нетерпеливая Диана не могла полностью занимать сердце свободолюбивого Генриха, который более всего на свете жаждал побед, не помышляя быть жертвой чьих-то страстей. В конце концов Диана де Гиш потеряла короля Наварры. Им завладела робкая и пленительная Габриэла д'Эстре, будущая герцогиня Бофор.

Генрих познакомился с ней в самый разгар гражданской войны во Франции, когда шла осада Парижа. В разговоре с герцогом Бельгардом король Наварры стал восхвалять прелести своей очередной любовницы Марии де Бовильер, утверждая, что он предпочитает Марию всем остальным красоткам Франции. Опрокинув бокал вина и задетый за живое, герцог горячо воскликнул в ответ:

— Вы бы переменили свое мнение, досточтимый король, если бы увидели девицу д'Эстре!..

Не удержавшись, Бельгард стал подробно расписывать очарование и совершенную красоту д'Эстре, с которой он был в интимной связи. Король Наварры обладал хорошим воображением, и рассказ пробудил в нем интерес. Генрих пожелал тотчас познакомиться с Габриэль. Герцог запнулся, прикусил язык, понимая, чем грозит такое знакомство, но было уже поздно: Генрих заочно влюбился в красавицу.

Впервые король увидел Габриэль на балу, и в ту же минуту она его покорила. Но д'Эстре оказалась непростым орешком, она знала, чем можно увлечь такого сердцеда,

как Генрих Наваррский. Габриэль оказала королю весьма холодный прием, и опытный соблазнитель поддался на эту уловку, как мальчишка ринувшись в бой за неприступную крепость.

Удалось это не сразу. Габриэль, однако, не долго мучила своего избранника. Она сдалась, но овладев ею, Генрих вновь был обескуражен равнодушием, какое проявила девица д'Эстре в постели. Генрих усилил ласки, был неподражаем, выказывая отчаянное усердие, и Габриэль поощрила любовника некоторой порцией отзывчивости, что опять же воспламенило короля. Так осторожно действовала «робкая и невинная» д'Эстре, постоянно понуждая партнера к активным действиям, а он влюбился в нее, позабыв обо всем на свете.

Нельзя не сказать здесь, что ловкая девица продолжала встречаться и с герцогом Бельгардом. Этим, не исключено, частично объяснялась холодность ее в отношениях с Генрихом. Она слишком уставала от напора двух столь темпераментных любовников. Вдобавок путалась в часах их приема. Однажды она занималась любовью с Бельгардом, когда пришел Генрих. Габриэль долго не открывала, не зная где спрятать герцога. Король, возбужденный страшным подозрением, стал выламывать дверь в ее спальню. Бельгарду ничего не оставалось, как прыгать со второго этажа и бежать. Ворвавшись к д'Эстре, Генрих никого не застал и начал извиняться... Габриэль не замедлила обратить сей маленький инцидент в свою пользу, что сделала весьма умело. Нам хочется привести ее слова, чтобы читатель убедился, сколь неглупа и расчетлива была эта знаменитая фаворитка будущего короля Франции:

— Я довольно вижу, — со слезами в голосе, срываясь на трагический шепот, начала свою обличительную речь маленькая сладострастница, — что вы и со мной также хотите обходиться, как с другими, которых вы любили прежде. Ваш непостоянный нрав всегда ищет какой-нибудь причины прервать знакомство со мной... Признаюсь, что чрезмерная горячность у вас заставила меня забыть и положение, и честь мою. Но вы однако же платите мне за это непостоянством и подозрением, к которому я даже мыслью не подавала вам никогда причины...

Генрих почувствовал себя мерзавцем, грубияном, осмелившимся подозревать чистое и искреннее создание, заливающееся слезами у него на глазах. Он пал на колени и бесчисленное количество раз просил у Габриэль прощения,

раскаивался в своих подозрениях и не встал до тех пор, пока эта колдунья его не помыловала и не улыбнулась.

И все же после такого «ушата холодной воды» не исчезла ревность из сердца Генриха, она усилилась, ибо король влюбился в сотворенный им образ невинности, красоты и чистоты еще сильнее. Влюбленный всегда глуп. И чем умнее человек в реальной жизни, тем глупее он когда влюбляется, потому что перестает замечать очевидные вещи. Все это объяснялось еще и тем, что Габриэль была на двадцать лет младше Генриха: хрупкая, худенькая, как бы воздушная, она завладела королем, как своей собственностью, без остатка. Только ей Генрих мог позволить любую причуду, он выполнял ее желания мгновенно не задумываясь, засыпал ее подарками, письмами. Так было и позднее, когда он стал повелителем Франции.

Вот что он писал ей из Фонтенбло: «Любезная моя! Спустя два часа по приезду подателя сего письма, вы увидите того рыцаря, который весьма вас любит и которого называют королем Французским и Наваррским. Титулы, конечно, почтенные, но весьма мучительные. Название любовника вашего несравненно приятнее для меня».

Подобное отношение Генриха к Габриэль разительно отличалось от мнения о ней большей части придворных вельмож. У всех на устах был ответ одного из приближенных короля, когда последний решил посоветоваться с ним относительно того стоит ему жениться на д'Эстре или нет.

— Если уж говорить, государь, о шлюхах, — почтительно сказал советник, — то я предпочитаю дочь Генриха II, а не дочь госпожи д'Эстре, умершей в борделе.

Действительно, происхождение Габриэль никто не рискнул назвать бы блестящим. Род ее матери славился услугами именно в этой области, все женщины д'Эстре только тем и занимались, что дарили свои прелести мужчинам. В гербе рода была рука, сеющая вику, и про д'Эстре говорили: «виково семя». По тому же поводу ходило и широко известное четверостишие:

Благословенна будь рука,
Что вику сять не устала,
Даруя нам щедра легка,
В посеве сем и шлюх немал.

У матери Габриэль было двое сыновей и шесть дочерей. Старший сын был убит при осаде Лиона. Младший, ставший священником, добился сана кардинала, но потом вер-

нулся в мир, где в конце жизни стал маршалом. Вот его-то и шесть его сестер (в том числе и будущую герцогиню Бофор, а в юности — Габриэль д'Эстре) и прозвали «семью смертными грехами».

Естественно, Генрих не мог не знать всего этого, многое так бросалось в глаза, что сумел, в конце концов, разглядеть и ослепши ли от любви. Во всяком случае, когда Габриэль родила ему первого сына, он осторожности ради назвал его не Александром (так он позднее назовет второго сына от д'Эстре), а Сезаром: уже известного нам Бельгарда при дворе называли Великим или Главным, и Генрих не хотел, чтобы его сына по этой причине звали Александром Великим (как Македонского).

Кстати сказать, королевская фаворитка по-прежнему поддерживала нежную дружбу с герцогом. Как говорится, старая любовь не ржавеет. Особой тайной это не было, и однажды кинжал лейбгвардии де Прален, чтобы пресечь безобразие раз и навсегда, предложил Генриху свою помощь по разоблачению распутницы. Король согласился, и ночью камиган повел его закоулками Фонтенбло к покоям Габриэль. Вдруг на подходе к ним Генрих остановился, вздохнул и проговорил:

— Ах, как бы это ее не рассердило!

И повернул вспять...

Соперник короля герцог Бельгард, ко всеобщему удивлению, оказался жив и невредим, он умер в 1646 году, будучи восьмидесятичетырех лет от роду!

Всеобщая исприязнь двора не смущала Габриэль, владевшую самым главным сокровищем — сердцем короля. Она опасалась только одного — господина де Рони, герцога Сюлли. Поначалу он ухаживал за ней, хотя и весьма осторожно, стараясь издали обожать повелительницу своего государя, а Габриэль протезировала ему. Именно благодаря ее просьбам Сюлли стал суперинтендантом финансов. В государстве, где по случаю постоянных войн всегда не хватает денег, это была должность номер один. Кроме того, его назначили генерал-инспектором артиллерии — оружия, которому Генрих придавал самое большое значение. Так что Сюлли постепенно сделался и любимчиком короля, и наперсником всех его тайн.

Генрих выбирал себе помощников не по принципу знатности рода не из-за лихости, отваги, силы, а по умению хорошо делать дело. Сюлли обладал этим даром и поэтому многие годы являлся правой рукой короля, который при-

вык ему доверять и любил советоваться с ним по самым разным, даже интимным вопросам.

Попросил Генрих совета и на сей раз: стоит ему жениться на герцогине Бофор или нет. Сюлли высказался отрицательно, подробно объяснив причины, по которым сие делать не стоит. При этом он не особенно щадил ни нежные чувства короля и герцогини, ни ее саму — время для ухаживаний и благодарности давно прошло, осталась лишь реальная опасность того, что все в королевстве будет зависеть от воли и каприза Габриэль. Этого упустить Сюлли не мог, не зная, чем для него обернется всевластие возлюбленного монарха.

Король, огорченный отповедью, повел Сюлли к Габриэль, надеясь, что грация и красота фаворитки сделают приближенного более стоворчивым. Герцогиня, уже знавшая о мнении Сюлли, встретила его холодно и раздраженно, стараясь отомстить тому, кого она когда-то облагодетельствовала. Генрих, не ожидавший такой реакции от возлюбленной, тотчас вспылил:

— Дорогая, истинной причиной моей привязанности к вам была кротость, замеченная мною в вашем характере. Но сейчас я вижу свою ошибку; но вы, сударыня, также вольны ошибаться, если думаете, будто бы я в состоянии пожертвовать ради вас другом столь верным. Напротив того, я приказываю вам преодолеть свою ненависть и вести себя впредь только по моим советам.

Габриэль, тем не менее, не могла сдержать себя, разразившись вновь гневной филиппикой в адрес Сюлли. Когда же она выговорилась, Генрих, слушавший ее не прерывая, произнес:

— Вижу, сударыня, что вас научили всему этому для испытания, не прогоню ли я от себя слугу, без которого не могу обойтись. Вы совсем меня не знаете. Объявляю вам, что если бы я был доведен до необходимости выбирать, кого из двух вас лишиться, то я бы обошелся скорее без десяти любимиц, подобных вам, нежели без слуги такого, как герцог!

Эти угрожающие слова и твердость, с которой король их произнес, потрясли фаворитку. Увидев, что Генрих собирается уходить и, может быть, навсегда, она навзрыд зарыдала, упала перед ним на колени, пообещала отныне не иметь иной воли, кроме королевской и горячо стала просить Сюлли простить ее. Король расстроганно поднял Габриэль, сказав, что все забыто, после чего вышел с Сюлли

из покоев герцогини. За дверь он радостно спросил герцога:

— Что, мой друг? Не устоял ли я?!

Сюлли ничего не ответил, и радость вмиг слетела с лица короля и взгляд его снова стал задумчивым.

Габриэль, потерпев поражение, не успокоилась. Она быстро оправилась от неудачи и, переменив тактику, вновь покорила сердце Генриха. В результате король еще раз заговорил с Сюлли на прежнюю тему:

— Друг мой, ты видишь, я делаю все, что в силах человеческих, для блага Франции. Одно печалит и гнетет меня — я не имею детей от супруги моей, королевы Маргариты. И тогда я начинаю браться, что все мои труды, направленные на то, чтобы дать государству спокойное правление, будут бесполезными, ибо по моей смерти принцы крови, среди которых царит лютое несогласие, вновь погрузят Францию в те бедствия, кои она только что претерпела...

Сюлли выслушал Генриха и, помедлив, сказал ему:

— Государь, вам надлежит уничтожить ваш брак с Маргаритой Валуа и немедленно вступить во вторичный.

— Да, но кто она, моя будущая супруга? — горячо воскликнул Генрих и последовательно, со знанием дела подверг уничтожающей критике всех иностранных и французских принцесс.

— Я все же желаю, — с жаром проговорил Генрих, сверкнув безумным взором, и Сюлли даже устрасился этого блеска в глазах короля, — иметь жену прекрасную, молодую, кроткую, умную. Жену, которая привязала бы меня к себе и сделала бы счастливым. И мой выбор уже решен. Угадайте ее имя.

— Нет, государь, я никогда...

— Не нет, а да! — перебил Сюлли Генрих IV. — Это герцогиня де Бофор!

Сюлли молчал. Король требовал ответа. Тогда герцог повторил практически все то же самое, что и раньше. Хотя, должно быть, с большей страстью, потому что король обнял его и каким-то пустым голосом произнес:

— Наверное, ты прав. Я обещаю, что раз и навсегда отказываюсь от этого помысла, — Генрих грустно вздохнул и добавил: — в котором счастье моей жизни.

Слова короля быстро стали широко известны, а о его отношении к герцогине де Бофор вообще знали все. Вскоре последовали практические шаги со стороны тех, кто не же-

лал видеть на королевском троне гугенотку: 12 апреля 1599 года Габриэль, гуляя по саду, внезапно почувствовала себя плохо и потеряла сознание. Врач, прибежавший на помощь, констатировал смерть от апоплексического удара. Официальной причиной смерти назвали ее беременность. Будучи на четвертом месяце и не пустив кровь, когда это было нужно, она, якобы, умерла от ее прилива. Вместе с тем ходили упорные слухи, что она была отравлена финансистом Себастьяном Заме, выполнившим волю католических верхов.

Генрих рвался повидаться с умирающей матерью своих детей, но опоздал: на половине дороги ему сказали, что она уже отошла в мир иной и отговорили видеться с ней мертвой, поскольку это недостойно короля. Почти одновременно пришел ответ от Маргариты. До сих пор она отказывалась от развода, теперь же давала на него согласие. А при дворе пользовалась успехом эпиграмма, написанная на смерть герцогини госпожой де Невик:

Я вижу явь, страшнее снов:
Ведомы пасторским ублюдком,
Шесть смертных, но живых грехов
Идут к погосту строем жутким,
И голоса «за упокой»,
Оплакивают грех седьмой.

Пожалуй, лишь женщина могла столь язвительно написать о другой женщине. Для тех, кому непонятен смысл выражения «пасторский ублюдок», напомним, что один из сыновей мадам д'Эстре был когда-то священником.

В это трагическое для Генриха время о Маргарите опять заговорили в Париже. Она отдалась давней своей страсти и создала нечто вроде артистического салона, окружив себя людьми искусства, из среды которых выбирала себе любовников. Одним из них был известный в те годы поэт Депорт. Маргарита любила балет и многие вечера проводила на представлениях. Словом, одна игрушка — политика — сменилась другой, и Маргарита решила вторую половину жизни посвятить служению музам.

Первые годы после развода с Генрихом IV Марго оставалась в Юсоне, в котором жила не по своей воле и не могла по своей воле покинуть. В 1605 году она оказала королю ряд важных услуг — уже против гугенотов (Генрих при коронации был вынужден принять католичество, в историю вошла его знаменитая фраза — «Париж стоит мессы»), и ей разрешили вернуться в столицу.

Поначалу она обосновалась в Булонском лесу, где Генрих навестил ее с новой женой. После этого Марго всегда ласково принимали при дворе. В конце концов она поселилась в предместье Сен-Жермен, на улице, позднее названной «Малых Августинов»: Маргарита основала здесь для монахов-августинцев некое заведение, которому по завещанию отошел ее дворец.

Королева Марго сильно растолстела и приказывала делать себе тугий лиф и юбки гораздо шире, чем следовало. Она постоянно носила белокурый шиньон цвета отбеленного льна с легкой желтизной, ибо рано облысела. Чтобы придать себе большую статность, она вставляла в платье по бокам жестяные планки, расширявшие лиф, и поэтому не могла проходить через некоторые двери.

Даже приближаясь к старости, несмотря на грузность и одышку, она не утратила вкус к сладострастию и по-прежнему меняла любовников, хотя, наверное, реже, чем раньше. Тем не менее, она также страстно влюблялась, ревновала, страдая и мучаясь. Наиболее продолжительным, чем другие, был ее роман с музыкантом Вилларом, которого даже прозвали «Король Марго».

У Маргариты было двое сыновей. Один от сьера де Шанвальона (он впоследствии принял монашество), второй от сьера д'Обиака.

Королева Марго умерла тихо и незаметно. Если она и известна доньне, то, бесспорно, благодаря таланту Дюма-отца, написавшего роман о лучшей поре ее жизни. Это великолепный памятник Маргарите, прожившей увлекательную жизнь, наполненную любовными приключениями и интригами.

МАРИЯ МЕДИЧИ

(1573-1642)

После смерти незабвенной Габриэль д'Эстре герцогини де Бофор, и развода с Маргаритой Валуа Генрих IV на несколько месяцев дал себе передышку, чтобы не спеша выбрать супругу, новую королеву Франции и Наварры. Какое же смятение произошло среди девушек и женщин благородных семейств! Каждая мысленно примеряла корону на свою хорошенькую головку и твердо верила, что фортуна улыбнется именно ей. Пошли в ход родственные связи, придворное колесо интриг завертелось с необыкновенной силой. Шанс был у многих...

В этом прекрасном и вместе с тем жестком соревновании более всех преуспела Генриетта де Бальзак д'Антраг, имевшая по праву своего рождения некоторое отношение к трону: ее мать, в девичестве Мария Туше, была любовницей короля Карла IX и имела от него сына — Карла Валуа, герцога Свернского. Подобное отличие при дворах монархов не забывается. К тому же Генриетта была моложе герцогини де Бофор, умна, решительна, честолюбива и беспощадна в достижении своих целей, расчетливость ловко выдавала за откровенность, умела выказать свою целомудренность (не перебарщивая, однако, и давая мужчине возможность насладиться ее чувственностью).

Первое время внучка булочника Туше не ступала до-

могательствам короля, который уже давно обратил на нее внимание и считал, что ему не потребуется особых усилий соблазнить юное создание. Да и кто может отказать королю в столь невинной просьбе, твердыни более прочные р-шились под его натиском. Увы, многочисленные попытки Генриха покорить Генриетту не увенчались успехом

Конечно, можно было смириться, отойти в сторону, перестать обращать внимание, что, безусловно, сильно ранило бы душу молодой девушки. Тем более, что вокруг столько красавиц и каждая мечтает принадлежать королю. Но тот не умел отступать, чем больше препятствий обнаруживалось, тем активнее он вел атаку и настойчивее был в своих приказаниях. Впрочем, Генриетта неплохо знала характер Генриха и очень точно рассчитала свои тактические ходы. Этот поединок она не имела права проиграть другого такого шанса судьба ей не предоставила бы.

Итак, натолкнувшись на непреодолимую, казалось преграду, обескураженный король послал своих доверенных лиц узнать, что же хочет Генриетта де Бальзак д Антраг за небольшую любезность, которую она окажет его величеству. Девушка со слезами на глазах объявила, что ответ на сей вопрос даст только Генриху IV. Он явился. Генриетта — сама скромность — дрогнувшим голосом прошептала, что их семейство бедно. Обрадованный король почувствовав, что дело сладится, щедро пообещал за ночь любви 10 тысяч экю. И хотя на глазах прелестницы еще дрожали жемчужины слезинок, она преданно и доверчиво улыбнулась монарху. Венценосец, довольный тем, что сумел-таки растопить лед сердца придворной красавицы, подхватил ее на руки и понес в опочевальню.

Ранчим утром он приказал герцогу Сюлли выплатить Генриетте обещанную сумму. Доверенный слуга принес в королевский кабинет груды золота и начал демонстративно его пересчитывать. Король Франции недовольно хмыкнул и скороговоркой проговорил:

— Черт возьми! Эта ночь мне дорого стоит!

Однако скоро за ней последовали и другие. Генрих не удовлетворялся однодневным романом, он предпочитал наслаждаться любовью основательно. Следующая ночь стоила уже дороже первой, последующая — еще больше. Цены росли безумно, а король все никак не мог остановиться. Генриетта вскоре получила титул маркизы де Верней весьма солидное состояние. Разбогатело ее семейство, ради которого она так старалась. Наконец, она однажды реши-

лась заговорить с Генрихом об их грядущем браке... Ну, если не о браке, то хотя бы о письменном обязательстве на этот брак... Нежно заигрывая с королем в постели, она, как ласковый котенок, промурлыкала в его ухо эти слова, соединяя их с тонкими ласками, от которых пятидесятилетний король таял, как мороженое в июльский полдень.

— О, мой король, верьте мне! Я желаю сего единственно для удовлетворения гордости моих родителей, которые в противном случае навсегда разлучат меня с вами, если не получат сего залога истинной ко мне признательности. Вы ведь знаете, что у меня нет никакого честолюбия и я не чувствую желания воспользоваться когда-либо этим документом. Он мне необходим, дабы я могла показать его родителям, потом же я вручу мою судьбу в руки моего короля, который один будет иметь право располагать ею...

Генриетта ворковала, покусывая короля в мочку уха, и от каждого такого прикосновения Генрих сладко стонал, внутренне соглашаясь со всеми доводами любовницы.

Чуть позже он под ее диктовку написал требуемое обязательство, которое показал Сюлли. Герцог, прочтя письмо, тотчас порвал его.

— Как? Что ты делаешь? — вскричал пораженный король. — Не дурак ли ты?

— Так, государь, — последовал спокойный и печальный ответ. — Я дурак, и дай Бог, чтобы лишь я один во Франции был дураком...

Генрих молча отвернулся и прошел в кабинет. Через четверть часа, переписав обязательство, он появился оттуда, и издали показав Сюлли бумагу, гордо двинулся мимо. Герцог ждал опалы, но через два дня его сделали главным начальником артиллерии.

Бумага, подписанная королем, попала в руки Генриетты, о чем его величество вскоре искренне сожалел. В ней говорилось, что брак будет заключен, если маркиза в течение года принесет ему ребенка. Когда Генриетта нашептывала, она уже знала, что забеременела от него. К несчастью для ловкой фаворитки прекрасный план рухнул из-за нелепой случайности: во время грозы у маркизы случился выкидыш. Французский двор мог бы вздохнуть спокойно, если бы маркиза де Верней не отказалась от борьбы и не предложила попробовать королю еще раз испытать судьбу. Но у Генриха любовная горячка пошла на убыль. Он всерьез стал задумываться о браке, причем, по подсказке Сюлли, прежде всего как о политической акции. После

долгих раздумий выбор короля остановился на племяннице великого герцога Тосканского Марии Медичи. В пользу этого брака Сюлли выдвинул ряд серьезных аргументов: прежде всего, папский престол занимал один из Медичи, да и вообще эта семья постоянно давала высших иерархов церкви, что Генриху, теперь католическому монарху, представлялось и самому немаловажным. К тому же, герцоги Тосканские — одни из самых сильных государей и Италии, богатства Медичи ни для кого в Европе не были тайной, а главное, с этим родом уже многое было связано в истории королевского дома Франции, так что здесь просматривалась даже некая преемственность власти: от дома Валуа к дому Бурбонов.

Заручились одобрением Рима (в нем можно было и не сомневаться), во Флоренцию отправились доверенные лица для урегулирования всего списка брачных дел и подготовки невесты к столь радостному и торжественному событию. И все-таки главным зачинателем предстоящего бракосочетания был не жених...

Когда все вопросы, сопутствующие свадьбе столь высоких особ, уладились, Сюлли с другими придворными явился к королю. Генрих поинтересовался:

— Зачем вы пришли?

— Государь, мы пришли вас женить! — торжественно провозгласил герцог, не меняясь в лице.

Король на мгновение замер, точно пораженный громом, после чего стал нервно расхаживать по комнате. Все молчали. Король остановился и отчаянно махнул рукой.

— Ну, хорошо! Быть так, коли нельзя иначе! Вы говорите, что для блага моего государства мне нужно жениться — так женюсь. Единственное, чего я опасаюсь, по правде говоря, так это того, что мой второй брак будет слишком похож на первый.

— Государь! — вскричал Сюлли. — Вы странный человек: монарх, который с успехом и славой сумел прекратить тысячу жестоких раздоров, причиненных ему войной и политикой, не должен, не смеет трепетать при одном напоминании домашних ссор и несогласий...

— Ах, Рони, — с грустью выговорил король, — война — это политика. Она худо-бедно поддается все же какой-то логике. Женщины же — это стихия!..

Он имел право говорить так. Именно сейчас велась изнурительная война с де Верней из-за известного обязательства. Маркиза, узнав о предстоящем браке короля с Ма-

рией Медичи, решительно потребовала немедленно прекратить все переговоры об этом. Генрих должен и может жениться лишь на ней — у маркизы есть на сей счет серьезный документ. Король пробовал возразить, указывая на то, что в документе была приписка о ребенке. На это ему резонно заметили: он сам не захотел второй попытки, а она, Генриетта, готова в любой момент доказать, что ее способность к деторождению сохраняется в полной силе. Если король не верит в собственные возможности, у него при дворе множество дворян, которые будут счастливы оказать своему возлюбленному монарху столь незначительную услугу. Что же касается маркизы де Верней, то она во благо Франции, стиснув зубы, перенесет сию подмену и даже готова — из любви к монарху, естественно, — оказать выбранному дворянину не меньшее почтение и усердие, чем она обычно оказывает королю.

Генрих, выслушав ее, только сейчас понял, насколько он сглупил, подписав поистине дурацкий документ. Он убедился, что Генриетта пойдет на все ради своей цели. Тогда король решил схитрить. Он предложил любовнице временно отдать документ, столь драгоценный для них обоих, на сохранение их знакомому капуцину, отцу Илеру. Он для более тщательного разрешения спора перешлет бумагу папе Римскому.

Король говорил спокойно, стремясь убедить маркизу в важности этого поступка. На самом деле уже давно был разработан план, по которому французский посол в Риме добьется, чтобы отца Илера, едва он прибудет, арестуют и отберут у него обязательство.

Маркиза, выслушав предложение короля, улыбнулась и ответила, что в документе — ее женская честь, а кто же рискнет доверить ее монаху? Королю ничего не оставалось, как согласиться с достойным ответом. Де Верней прибавила, что единственная ее защита отныне — королевское слово и церковный алтарь, от которого ее любовник столь малодушно уклоняется.

Ситуация возникла преглупейшая. Медичи оповещены о предстоящей свадьбе, все вопросы согласованы и утрясены, невеста ждет венчания, строит планы как будущая королева Франции, и вдруг все затормозилось из-за какой-то писульки... Если она попадет герцогам Тосканским и папе Римскому, скандал неминуем.

Переговоры с маркизой зашли в тупик. Она стояла на своем, несмотря на все уговоры. Будь перед ним мужчина.

Генрих мог бы его выслать, заключить в крепость, но сражаться с женщиной, мстить ей было выше его сил, он не желал так поступить, как ни настаивали некоторые советники.

Тем временем де Верней сама переговорила с отцом Илером и от имени короля послала его с тем же важным поручением в Рим, решив не предупреждать об этом Генриха. Она чувствовала, что против нее затевается недоброе.

Спасла французского короля чистая случайность: монах был в преклонных летах и не мог спешно добраться до Вечного города, а слуга Генриха, навестив святого отца, вдруг обнаружил, что он отбыл. Призванная для объяснений маркиза с мягкой улыбкой объявила, что не хотела тревожить короля по таким пустякам. Кроме того, он сам так настаивал на этой поездке, и она захотела сделать Генриху сюрприз, поступив, наконец, так, как он просил ее.

Предупрежденный в последний момент французский посол в Риме успел перехватить старца и его надежно упрятали в монастырь, устранив тем самым все препятствия к свадьбе с Марией Медичи.

Бракосочетание состоялось в 1600 году. Утонченные придворные Генриха с сочувствием посматривали на своего сюзерена. Действительно, все подруги короля отличались красотой, изяществом, наконец, пикантностью. В отличии от них в Марии Медичи лишь с трудом — да и то лишь из уважения к невесте и ее роду — можно было заметить проблески женственности и миловидности.

Крупная, белотелая, довольно тучная, с крупными невыразительными чертами лица и сонными блеклыми глазами, она в свои двадцать семь лет выглядела сорокалетней. Под стать фигуре был и характер — грубый, взбалмошный, сварливый. Лень и вульгарность, мнительность и скупость обрушились на французский двор, как чума...

Любой дворянин Франции был готов помочь королю в бою, в опаснейшей переделке, однако вряд ли бы нашелся смельчак, согласившийся помочь монарху в королевской опочивальне.

Впрочем, король не нуждался в сочувствии и помощи, он сознавал свой долг перед Францией и свято выполнил его. Через девять месяцев после венчания королева родила наследника престола — будущего Людовика XIII.

Генрих был несказанно счастлив. Он писал почти еже-

дневно письма Сюлли о здоровье младенца, возился с ним и стоически сносил придирки и капризы Марии Медичи. Конечно, будучи живым человеком, наделенным неукротимой плотью, он продолжал пользоваться услугами маркизы де Верней, которая теперь удовлетворилась ролью первой фаворитки двора.

Последняя вскоре ввела в круг придворных дам и свою сестру Мари-Шарлотту. Ее король также не обошел своим вниманием, с прискорбием обнаружив, что весь род д'Антрагов мало чем отличается друг от друга: Мари-Шарлотта оказалась точной копией своей сестры — с холодным сердцем, язвительным умом и обнаженной меркантильностью. Вдобавок она не стала удовлетворяться редкими посещениями своей спальни королем и быстро завела роман на стороне, отдавшись молодому человеку по имени Бассомпьер, впоследствии — маршалу Франции.

Однажды, когда мадемуазель д'Антраг вела в своей опочивальне доверительный разговор с Бассомпьером о размерах в стихосложении, раздался стук в дверь. Мари-Шарлотта спрятала молодого друга за настенным ковром и распорядилась принять господина Тэтго, начальника дворцовой стражи, которого король прислал к ней, дабы его устами высказать упрек в том, что она более сурова по отношению к монарху, чем к его подданному. В ответ на это Мари-Шарлотта разразилась пространной речью. Суть ее сводилась к тому, что к Бассомпьеру она абсолютно равнодушна. Попутно «разгневанная» фаворитка била хлыстом по ковру, попадая именно в то место, где прятался ее любовник... Удовлетворенный Тэтго ушел отчитаться перед королем об услышанном, а Мари-Шарлотта не отпустила Бассомпьера до тех пор, пока он со всей пылкостью не доказал ей, что ничуть не сердится на забавницу, а наоборот — готов любить ее бесконечно и неоднократно число раз.

Впрочем, эта любовная интрига короля продолжалась недолго, он к счастью понял, что ему вполне хватит одной дамы сердца из рода д'Антраг. Генрих поселил маркизу де Верней у самого Лувра, чтобы она всегда была рядом и в любой миг могла принять короля и утешить его своими ласками, в которых она знала толк. Еще ранее в этом доме жила Габриэль д'Эстре, что послужило даже появлению пословицы: «Капитанова девка у замковых ворот».

Двор, как и в прежние времена, быстро разделился на два лагеря — маркизы и королевы. Трудно было поначалу сказать, какой из них сильнее.

Медичи привезла из Италии целую армию слуг и служанок, вплоть до низкопробных авантюристов — астрологов, соглядатаев и даже наемных убийц. «Итальянская гвардия» быстро делала карьеру во Франции.

Среди этого паноптикума наибольшим влиянием пользовалась молочная сестра Медичи, карлица Леонора Галигаи, с которой, по слухам, королеву связывала завезенная с острова Лесбос любовь. Действительно, влияние Галигаи, обезображенной пятнами морщинистой истерички, на Марию Медичи было огромным. В ближайшие друзья Марии карлица быстро пристроила и своего мужа — проходимца с темной биографией и красавца Кончини. Достойные друг друга супруги практически не расставались с королевой и понемногу выкачивали из нее золото, полученное в наследство и от щедрого монарха. Хотя однажды королева, не получив вовремя денег от Генриха, заложила все свои кольца и драгоценности, и герцог Сюлли был вынужден их спешно выкупать.

Короля все это очень раздражало и подчас повергало в уныние. Он бежал искать утешения к маркизе, а там его ждало неудовлетворенное честолюбие, дурной нрав, прихоти, желание побольнее уколоть, отомстить... Он оказался меж двух жадных и злых женщин, которые смотрели на него, как на способ утоления своих корыстолюбивых помыслов.

Между двумя соперницами уже шла открытая война. И, как положено во всякой войне, каждая сторона скликала под свои знамена соратников и союзников, призывая их даже из-за рубежа.

Маркиза первой пустилась в политические авантюры. Вместе с отцом и сводным братом (сыном Карла IX) она приняла активное участие в заговоре Карла де Гонто, герцога Бирона, герцога Савойского и испанского короля. Заговор вскоре был раскрыт. Отношения с Испанией в результате резко ухудшились, герцог Савойский был изгнан, Бирон — обезглавлен, д'Антраги же — милостиво прощены Генрихом. Генриетта сумела защитить свое семейство. И себя.

В перерывах между государственными делами, баталиями с де Верней и ссорами с жадной женой Генрих не забывал маленькие радости жизни...

...Как-то Сюлли пришел к нему с докладом. Слуга неожиданно попросил герцога подождать: король занят неотложным делом. Сюлли был обескуражен, ему никогда не

чинили препятствий и король всегда принимал его по первому требованию. Обеспокоенный герцог смотрел в окно, располагавшееся напротив небольшой лестницы, ведущей из королевского кабинета. Вдруг он увидел, как по ней спустилась незнакомая ему дама в зеленом. Спустя несколько минут вышел Генрих.

— Все ли в порядке, Сюлли?! — увидев герцога, встревоженно спросил король.

— Всегда покорнейший слуга вашего величества, но мне кажется, что вы, государь, не совсем здоровы?!

— Да, все утро меня била лихорадка, но теперь она прошла, — весело ответил король.

— Это правда, государь, и я видел, как она проходила. Она была вся в зеленом, — вполне серьезно сказал герцог.

— Черт возьми! — рассмеялся Генрих. — Тебя не обманешь, ты видишь очень далеко!

Прекрасная незнакомка в зеленом — не единственная, кому щедрый Генрих дарил свою любовь. Он, как прироченный гасконец, был просто обязан поддерживать свою репутацию сердцееда и идти от победы к победе.

А госпоже Монтегю король даже посвятил стихи:

Не знаю с чего начать,
Хвалить великую вашу красоту,
Нет и не было ничего такого,
Чего бы она не могла помрачить.
Я не вижу ничего любезнее,
Ничего восхитительнее для сердец,
Как сии прекрасные глаза,
Которые столь вожделенны для меня,
Что умираю, любя их.
Из всего сотворенного
Нет ничего, подобного вам;
Вам, столь совершенным
В рассуждении всего смертного.

Мы приводим подстрочный перевод. Стихотворение же, надо отметить, написано изящно, искренне. Генрих обладал и другим слогом, дерзким и задиристым. Одной своей возлюбленной (опасаясь, что она может себе позволить не придти на свидание), он написал: «...берегитесь не быть там. В противном случае я покажу, что я король, а больше — гасконец».

К сожалению, радостных часов в жизни монарха год от года становится все меньше и меньше. В 1604 году неугодная де Верней вкупе со своим беспокойным семейством и Испанией, всегда готовой услужить лицам, разрушающим крепкий дом сильного соседа, составила новый, более

решительный заговор. Теперь уже планировалось убийство Генриха и возведение на французский престол сына маркизы и короля — Гастона, которого испанцы тайно признали наследником трона Франции.

В этих целях граф Овернский вновь начал секретную переписку с Мадридом. С испанцами еще ранее завязала тесные отношения собственная секретная служба маркизы. Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы тайные агенты де Верней и графа Овернского не были бы схвачены, а сам заговор не раскрыт.

Генрих передал это дело на рассмотрение Парламента, и тот приговорил отца маркизы и ее брата к смертной казни, ее саму — к заточению в Бомон-Летурском аббатстве. Однако король не захотел так заканчивать многолетнюю связь со своей возлюбленной. Маркизу помиловали (даже в ходе следствия она находилась не в тюрьме, а под домашним арестом), ее брат остался жив и провел в тюрьме десять лет, отец же был выпущен на свободу.

Увы, отделавшись легким испугом после второго заговора, маркиза попросту закусила удила и стала спешно составлять новый заговор для того, чтобы сместить Генриха и посадить французским королем своего сына. Она не скрывала своих притязаний, вербуя всех, кто был готов хоть чем-то ей помочь.

Генриху постоянно сообщали о враждебных замыслах маркизы. Тем не менее он просил ее не трогать, хотя давно уже был равнодушен к ней и они который уже год не встречались в ее спальне. Когда один из вассалов сообщил королю, что сын Генриха Гиза добился благосклонности маркизы де Верней, король добродушно ответил ему:

— Надо же оставить им хоть хлеба краюху за добрую шлюху: и без того у них много чего отняли!

Столь философский подход обрадовал прежде всего королеву, которую фаворитка и ранее называла не иначе, как «толстая баржа». Впрочем, что значит — «обрадовал»?..

За короткое время Мария родила Генриху нескольких дочерей. Они воспитывались вместе с дочерьми короля, рожденными от маркизы. Разумеется, это не очень-то нравилось королеве. Немало хлопот доставлял и буйный жестокий нрав Людовика. Принц чуть не выпалил из пистолета в дворянина, на которого здорово рассердился. А однажды будущий король разmozжил голову воробью. Оба раза Генрих выпорол сына, из-за чего Мария закатила мужу истерику:

— С вашими ублюдками вы бы так не поступили! — кричала она, побагровев и выпучив глаза, намекая на детей де Верней.

— Что до моих ублюдков, — отвечал король, — мой сын всегда сможет их высечь, ежели они начнут валять дурака. А вот его-то уже никто не выпорет.

И добавил уже серьезно, глядя королеве прямо в глаза:

— Сударыня, молитесь Бога, чтобы я еще пожил. Если меня не станет, он будет дурно обращаться с вами...

Король чувствовал, что вокруг него постоянно действуют враждебные силы. Позднее историки подсчитают, что на Генриха было совершено 18 неудачных покушений, 19-е оказалось роковым. Но это случится через несколько лет, пока же его противникам не везло...

Хватало и прочих неприятностей. В 1606 году во время путешествия паром, на котором Генрих находился вместе с Марией и сыном от герцогини де Бофор, вдруг пошел ко дну. Придворные с берега стали прыгать в воду, чтобы спасти короля. Ему помогли выбраться на берег, но он снова бросился в воду спасать королеву. Генриха опередил один дворянин: он вытащил Марию за волосы. Смельчака наградили подарком и пенсией.

Маркизе де Верней о происшествии поведал сам король, который в конце своего рассказа спросил ее:

— Что бы вы делали, сударыня, окажись вы в этот день на переправе?..

— Я бы стала кричать, ваше величество, — ответила скромно маркиза.

— Что же? — добродушно поинтересовался Генрих.

— Я бы стала кричать: королева идет ко дну! — веселым голосом произнесла маркиза, и глаза ее холодно блеснули...

Жизнь постепенно вошла в свое нормальное русло. Маркиза де Верней по-прежнему интриговала, но мало кто покупался на ее вздорные и опасные предложения. Король Генрих утешался в своем кабинете мимолетными романами, на которые Мария Медичи даже не сердилась, признавая за мужем право быть монархом всех хорошеньких женщин мира. Она была лишь против их влияния на короля. Поэтому чем больше любовниц, тем они незаметнее.

Мария тоже не была безгрешна. Красавец Кончини уже давно обосновался в ее постели и не собирался этот пост покидать, он продолжал высасывать из королевы золото и

драгоценности. Недаром король бросал жене, кивая на ее любимца:

— Умри я, этот человек погубит мое государство!

Но далее упреков дело не шло, ибо накатывала новая лихорадка «в зеленом», и Генрих забывал об опасности, таящейся в спальне королевы. К его однодневным романам привыкла даже маркиза де Верней, с которой он примирился. Все зажили в общем — то мирно и счастливо, если бы не Шарлотта Монморанси, дочь коннетабля, представительница одного из богатейших и влиятельнейших родов королевства, обаятельная красавица. Обе первые дамы Франции вмиг почувствовали себя неуютно, ощутив реальную угрозу своему спокойному бытию.

Она появилась при дворе в январе 1609 года и должна была в ближайшее время составить счастье одного из приближенных Генриха. Король, правда, без промедления расстроил этот брак, просто и по-дружески объяснив вельможе:

— Если ты женишься и она тебя полюбит, то я тебя возненавижу. Если же она полюбит меня, тогда ты меня возненавидишь. Поэтому я решил выдать замуж ее за моего племянника Конде и сделать приближенной моей жены. Моему племяннику, который молод и предпочитает женщинам охоту, я буду выдавать сто тысяч ливров на развлечение.

Шарлотте в ту пору исполнилось шестнадцать лет, королю — пятьдесят шесть... Так пойдем и оценим прямоу его аргументов...

Первоначально принц Конде согласился на женитьбу, но потом начал раздумывать, колебаться и, как донесли королю, даже склонялся к тому, чтобы убежать в Испанию. Колебания принца сломили богатые посулы Генриха, а затем и угрозы. Состоялось торжественное бракосочетание. По этому случаю прошли великолепные празднества, на которых король, помолодевший от желания понравиться невесте в одежде, усыпанной драгоценными камнями, показывал среди молодых вельмож чудеса ловкости и силы.

Новое увлечение мужа не осталось незамеченным королевой. Она, подогреваемая четой Кончини, снова закатывала королю дикие истерики. Слезы из ее глаз не просто лились по свидетельству современников, имевших честь присутствовать при монарших скандалах, они аж брызгали во все стороны. Маркиза де Верней тоже чуть не лопалась от злости, сохраняя внешне ледяное спокойствие.

Генрих старался всего этого не замечать. Верно говорят, что на пороге старости вновь объявляется в человеческой душе безумная любовь, которой можно заболеть лишь в юности...

...Внезапно на пути короля появилось препятствие.

Принц Конде, подогретый двусмысленными разговорами, насмешками, обеспокоенный туманными угрозами Марии Медичи, вдруг решил пересмотреть все планы короля в отношении своей супруги и поднял самый настоящий бунт. Он окружил молодую жену столь плотным надзором, что Генриху пришлось бы брать спальню своего племянника приступом по всем правилам военной науки. Посему Генрих должен был оставить свои мечты. На время, естественно. Он с помощью своих доверенных слуг сумел-таки протоптать тайную тропку в дом Шарлотты. Казалось, вот-вот его мечты осуществляются. И тут неожиданно принц вообще увез Шарлотту из Парижа. Сначала в Амьен, а затем во Фландрию. В этом ему помогла испанская разведка.

Генрих немедленно потребовал выдачи беглецов. Но к испанскому наместнику Фландрии эрцгерцогу Альберту потоком шли тайные просьбы, мольбы Медичи и Верней ни в коем случае не рушить счастье людей, отдавших себя под покровительство всем известного испанского благородства. Генрих тотчас же объявил Испанию в заговорщицких связях с принцем и отношения между Мадридом и Парижем резко ухудшились.

Все эти дни король Франции не находил себе места. Сердце его разрывалось от любовной тоски, он потерял аппетит, сон и метался во дворце, как зверь в клетке. Не получив желаемое по официальным каналам, король шлет в Брюссель специального уполномоченного, который, еще раз безуспешно попробовав договориться с Альбертом, предложил Генриху попросту выкрасть принцессу: по его словам, она отнюдь не возражала против такой романтической перспективы. Генрих дал свое согласие на похищение. Был разработан подробнейший план, Генрих уже предвкушал долгожданную встречу с возлюбленной, но накануне кто-то предупредил принца Конде и все сорвалось.

Генрих в отчаянии громогласно заявил:

— Шарлотта — это новая прекрасная Елена, из-за которой может начаться война...

Собственно призрак будущей войны, о которой сказал Генрих, уже давно блуждал по Европе из-за продолжающейся гегемонии Габсбургов (эта династия правила в Ис-

пани, Австрии, владела большей частью Европы), так что Генрих, никогда не жертвовавший, делом ради своего даже безумного увлечения, просто воспользовался поводом пригрозить соперникам.

Рим всполошился после этого заявления Генриха, опасаясь, что борьба между католиками усилит протестантизм. Папа шлет тайного посла к Медичи, дабы она сделала для предотвращения вооруженного конфликта.

Мария вместе с Кончини и маркизой Верней (теперь им сподручнее работать вместе) уже давно плели кружево интриг против Генриха, а теперь стали действовать еще энергичнее. Король с его безумной любовью и ненавистью к Испании не устраивал ни одну сторону. Поэтому он должен был умереть. В заговоре приняли участие лица, которые судьбой были отброшены на периферию королевской сцены — герцог д'Эпернон с бывшей любовницей Шарлоттой дю Тилле.

Генриху тотчас доложили о странных сборищах и снова упомянули в числе активных недоброжелателей де Верней. Замученный склоками и отчаявшийся увидеть когда-либо свою принцессу, король, вручая Генриетте очередную толику драгоценностей, мимоходом упрекнул ее в новых интригах. Маркиза решительно отвергла «слухи», а заговорщики удвоили бдительность...

...Недаром сказано, что шила в мешке не утаишь. Замыслы врагов Генриха чуть не погубила случайность. Свои письма в Мадрид маркиза и герцог доверили женщине, которая отважилась предотвратить убийство. Не зная о роли королевы в этом заговоре, она обратилась за помощью к ней. Но у Марии Медичи в течение нескольких дней не нашлось времени выслушать просительницу. Доверенный же духовник королевы, иезуит отец Коттон, узнав о цели визита, велел нежданной спасительнице короля молчать. Иначе...

А король всерьез готовился к войне, и Мария решила действовать смелее. Она открыто обвинила супруга в неверности и впервые потребовала, чтобы Генрих перед тем как уйти в боевой поход, короновал ее и объявил официально главой государства на время своего отсутствия. Король не знал, что уже найден убийца, а покушение откладывается лишь в ожидании навязываемого ему женой действия. И все же его томило страшное предчувствие, ни чем иным не объяснить пророческие слова: «Коронация будет причиной моей смерти».

Марию Медичи короновали 13 мая 1610 года. На следующий же день Генриха IV закололи кинжалом на парижской улице...

В королевском дворце точас же разгорелась борьба за власть. Она была короткой. Ни маркиза де Верней, ни герцог д'Эпернон не представляли, с кем попытались вступить в схватку. Они быстро и навсегда сошли со сцены благодаря одному взмаху руки королевы. Единственный, кроме нее, претендент на роль регента при малолетнем Людовике — принц Конде — был вне пределов Франции.

Марию Медичи провозгласили регентшей. Кончини могли праздновать победу.

Маркиза де Верней, устраненная от дел, удаленная из дворца, взбешенная поражением, пустилась во все тяжкие: меняла любовников чуть ли не каждый день, устраивала званые обеды. Это превратило ее в безобразную толстую старуху. Такой конец для бывшей королевской фаворитки был страшнее Бастилии или смерти на эшафоте.

Убийцу Генриха казнили как террориста-одиночку, спрятав концы в воду. Женщина, которая безуспешно пыталась помешать убийству, через год предприняла попытку раскрыть правду о совершенном злодеянии. Не имея других возможностей, она обратилась за помощью к первой жене Генриха Маргарите Валуа. К сожалению, Марго давно утратила искрометный запал авантюристки и мечтала только о спокойной, благополучной старости. Она перед приходом свидетельницы спрятала за портьеру герцога д'Эпернона и несколько доверенных лиц.

Услышать им довелось вот что. По словам визитерши, убийца короля задолго до покушения частенько встречался с бывшей подругой д'Эпернона дю Тилле. Маркиза де Верней тоже участвовала в заговоре, надеясь сделать своего сына королем, а затем выйти замуж за герцога Гиза. Герцог д'Эпернон намеревался при благополучном исходе стать коннетаблем Франции — главнокомандующим всех вооруженных сил государства...

Когда очередь дошла до него, герцог не выдержал, выскочил из-за портьеры и обрушился на правдоискательницу с площадной бранью. Ему было отчего бесноваться. Это он таскал из огня каштаны, которыми ловко воспользовалась королева. Медичи обыграла всех соучастников столь легко и изящно, что любой авантюрист мира мог бы ей позавидовать.

Свидетельница, перепуганная насмерть, бежала вон из

дома Марго, а д'Эпернон еще минут десять не мог успокоиться, пока слуга по знаку Маргариты не принес успокоительных капель и буквально не влил в герцога. Одна Марго оставалась спокойной, наблюдая финал этой драмы, в начале которой когда-то сама участвовала...

Забегая вперед, скажем, что через шесть лет подросший Людовик быстро разберется кое в каких хитросплетениях политики матери и ее приспешников. Молодой король отстранит Марию Медичи от управления страной, красавец Кончини будет убит, а его жена взойдет на эшафот — эту семейную парочку впрямую обвинят в смерти Генриха IV. Жаль только, что не накажут по заслугам остальных организаторов покушения, ушедших навсегда в тень с блистающей королевской сцены.

Но до падения Марии Медичи было еще далеко. Несмотря на благополучное восхождение на престол матери-королевы, отмену военных приготовлений и восстановление дружеских отношений с Испанией, во дворце было неспокойно. Как только страна лишилась короля, подняли головы те, кто считал себя равным монарху и претендовал в разное время на корону. Зашевелилась оппозиция, вновь вспыхнули религиозные распри. Дело дошло даже до вооруженных столкновений.

Мария Медичи осознала теперь свое неумение, неспособность удержать в покорности страну и не раз добрым словом вспомнила покойного супруга, который справлялся с подобной задачей. Она умела интриговать и устраивать истерики, однако для управления государством этого было мало. Безграничная власть дала королеве лишь одну отраду. Она любила празднества, веселье, обожала новые наряды, драгоценности. Все это требовало денег и денег. Теперь же она могла себе позволить тратить их, не задумываясь о том, есть ли у государства средства. Вслед за королевой запустили руки в королевскую казну и Кончини. Мария не препятствовала в этом своим старым фаворитам и щедро одаривала новых, на кого она могла бы опереться в борьбе с открывшейся смутой. Звания и должности посыпались как из рога изобилия...

Будучи женщиной недалекой, бесхарактерной, мало-мыслящей в государственных делах, Медичи быстро спустила все сэкономленные ее в общем-то бережливым супругом деньги и развалила то, что он с таким трудом создавал.

Долго так продолжаться не могло. Во Францию вернулся принц Конде, который после смерти своего дяди, графа

Суассона стал формально и фактически главой оппозиции. Как первый принц крови он объединил вокруг себя всю высшую знать, включая и губернаторов важнейших провинций королевства, недовольных в большинстве своем правлением королевы. Поначалу к этой оппозиции, испугавшись ее размаха и слияния, примкнул и небезызвестный Кончини, ставший к тому времени маркизом д'Анкром (а вскоре получивший звание маршала). Он тоже был недоволен Марией Медичи, в первый период своей деятельности опиравшейся на старых министров Генриха IV. Они пытались еще продолжать его политику во внешних и внутренних делах, отстаивая сильную государственную власть. Королеву это удовлетворяло. Д'Анкра же, только что вырвавшегося в круг высшей знати, но не подпускаемого пока к управлению государством, радовало мало (хотя благодаря королеве его влияние с каждым днем становилось все значительнее).

Временное поражение несколько поубавило спесь аристократии, к д'Анкру она охладела, поэтому последний снова вернулся в объятия королевы и уже не покидал их до самой смерти.

Неудачи не заставили знать отказаться от борьбы, изменилась лишь ее тактика. Теперь оппозиция решила пойти на блок с гугенотскими вождями, что сразу же ослабило королевскую власть. Как писал государственный секретарь Вильруа, «ее величество боится, что одарив одних, она все равно не приобретет их верности, а только потеряет других». Ибо католики недвусмысленно заявили, что давая послабление гугенотам, Марии нечего рассчитывать на их поддержку. Вильруа подмечал: «Желание королевы заключается в том, чтоб удовлетворить тех, кто ей здесь служит и поддерживать их в добрых намерениях, но этого возможно достичь лишь дорогой ценой. Надо будет им отдавать новые места, и таким способом мы скоро разделим провинции (между вельможами — *Авт.*). Подумайте сами, к чему это может привести и в каком положении останутся король и королева после такого раздела верховной власти, которая, будучи презираема подданными, падет еще ниже в глазах иностранных государств».

Собственно в этих словах сформулирована стратегическая линия оппозиционеров: или вооруженной рукой отнять власть у регентши, или добиться того, чтобы все губернаторские посты были отданы им. Тогда власть короля и так будет лишь декорацией.

Это противоборство осложнялось между католиками и протестантами, пусть и не такими острыми, как были в XVI веке при Екатерине Медичи. Как говорилось в одном широко распространенном памфлете первой половины XVII столетия: «Предлог религии — это ветхий плащ на подкладке. Наружу выставлена забота об общем благе христианского мира, подкрепляемая мнимым религиозным рвением, а сквозь все это просвечивает лицемерие и честолюбие».

Данная обстановка вынуждала Марию Медичи использовать всю свою флорентийскую хватку и хитроумие, даже поневоле постигать азы высокой политики. Именно в это время впервые дает о себе знать хорошо известный читателям Ришелье. Поддержка маршала д'Анкара помогла ему быстро войти в число доверенных людей королевы. Выступая на одном из собраний, Ришелье не поскупился на комплименты в ее адрес: «Счастлив государь, — демонстративно повернувшись к Марии с пылом воскликнул он, — которому Господь дарует мать, исполненную любви к его особе, усердием к его государству и опытом в ведении его дел!»

Марию Медичи искренне восхитили слова епископа Люсонского (такой скромный пост занимал тогда будущий фактический правитель Франции), неудивительно, что он назначается духовником молодой королевы Анны Австрийской, супруги Людовика. Еще через год Ришелье — государственный секретарь и член Королевского Совета, а также личный советник Марии Медичи. Это, заметим, весьма упрочило позиции королевы: епископ энергично повел борьбу с ее противниками. К лету 1617 года ему удалось сломить сопротивление и частично разоружить мятежников, они были вынуждены пойти на примирение с правительством.

Безусловно, нельзя сбрасывать со счетов и деятельность маршала д'Анкара, который понял, что если победит не он, то расправятся с ним. Посему еще раньше маршал арестовал принца Конде, лишив оппозицию ее лидера. К тому времени королева уже полностью была под влиянием маршала и Ришелье. Впрочем, последний предпочитал держаться пока в тени, и эта тактика избавила его от многих хлопот.

Маршал, немешкая, назначил новым министром финансов Барбена — маклера итальянского банкира Гонди, сделавшего свою карьеру еще при Екатерине Медичи крупно-

го откупщика во времена Генриха IV. Барбен был тесно связан также с семьей Кончини, особенно Элеонорой, денежными делами которой он ведал. Главнокомандующим французской армией стал граф Карл Овернский, брат маркизы де Верней. Не от хорошей жизни пошли на это Мария Медичи и ее приближенные, ведь вся остальная вышшая знать консолидировалась против них.

В ответ на решительные действия маршала гранды начали строить новые планы полного захвата власти. Маршала предполагалось убить, Марию заточить в монастырь. Как это не парадоксально, подобные же замыслы зрели и в королевском дворце, а поддерживал их ни кто иной, как сын Марии Медичи — Людовик XIII.

Еще три года назад — в 1614 году — Мария объявила его совершеннолетним, и Франция вспомнила, кто ее король. Но королева-мать и не думала передавать сыну бразды правления: настолько уютно она себя чувствовала, держа под контролем государственную казну. Напрасно Людовик просил вручить ему руль государственного корабля. Интриги не давали Марии времени опомниться и реально взглянуть на положение дел в королевстве. Не допустил бы таких перемен и маршал д'Анкр, который только что расставил своих людей на ключевые посты и не успел еще достаточно поживиться при столь благоприятных условиях. Маршал с торопливостью жадного временщика грабил страну с помощью всяких сомнительных личностей наподобие Барбена. Помимо последнего во Францию приехали еще несколько итальянцев, специально занимавшихся вывозом сокровищ из страны. Королева, во всем доверившись д'Анкуру, ни во что не вмешивалась, а с остальными, в том числе и с королем, маршал и не думал считаться, вел себя грубо и заносчиво. Его дерзкое поведение и послужило той самой последней каплей...

Любимец Людовика герцог Люинь составил с ведома и одобрения монарха заговор, и 24 апреля 1617 года маршал был в упор застрелен в Лувре. Жену его без промедления арестовали и затем казнили. Тем самым из рук мятежной знати был вырван лозунг защиты королевской власти и спасения короля. В силу этих неожиданных обстоятельств гражданская война закончилась сама собой, и народ возликовал, приветствуя венценосца.

Мария Медичи оказалась под домашним арестом. Немного погодя ее сослали в Блуа, а Ришелье — в Авиньон, дабы они не поддерживали друг с другом никакой связи.

— Теперь я король! — радостно воскликнул Людовик, отныне считая себя истинным самодержцем.

Он опять ошибся. Всем при дворе начал заправлять Люинь. Знатные феодалы, так и не добившиеся своего, уже зимой 1618 года начинают раздувать новый мятежный пожар. Они ставят своей целью освободить принца Конде (еще маршалом д'Анкром заключенного в тюрьму) и королеву. Однако первые заговоры провалились. Часть их участников отправили на эшафот, часть — заточили в Бастилию. От Марии Медичи Люинь потребовал письменного обещания в том, что она не будет вступать ни в какие сношения со смутьянами.

Вскоре в оппозиционеры попал и герцог д'Эпернон. Первое время его не трогали, но затем в один прекрасный день король значительно урезал права герцога как начальника пехоты (все пехотные офицеры, например, приносили клятву верности лично ему), сведя их до чисто регистрационных функций. Обидившись на Людовика, герцог сложил свои полномочия в армии и выехал на жительство в Мец, небольшой городок, расположенный рядом с Блуа.

Весь 1618 год между ним и королевой идет оживленная тайная переписка. В январе следующего, 1619 года герцог тайно уезжает в Ангулем, где является губернатором (то есть фактически полновластным хозяином). Через месяц туда прибывает бежавшая из-под стражи королева. Несколько недель спустя здесь же очутился и Ришелье.

Мария Медичи, потеряв своего красавчика маршала д'Анкара, тоскует по любви и уже готова отдаться ласкам аббата де Ручелаи. Внезапный приезд Ришелье изменяет ее намерения: по требованию герцога д'Эпернона она отдается епископу Люсонскому.

Надо отметить, что в молодости Ришелье был видным статным мужчиной, и королева даже обрадовалась, что судьба связала ее с ним. В Марии точно проснулась женщина. Чувства так захлестнули ее, что она напрочь позабыла о всех политических кознях и увлеклась игрой на лютне, пытаясь пристрастить к ней и своего любовника.

Пока влюбленные разучивали на нежном инструменте лирические канцоны, д'Эпернон не терял времени даром. От имени королевы он стал набирать войска, чтобы приступом взять Париж. К герцогу примкнули уцелевшие и оставшиеся на свободе сеньоры, они привели собственные отряды. В результате в распоряжении мятежников оказалась довольно внушительная сила. Узнав о ее существова-

нии, король не на шутку испугался и предложил начать переговоры.

Долгие споры, согласования, компромиссы привели к заключению весной 1619 года договора, согласно которому королева получала прощение и свободу, а также свои богатства и ряд губернаторств.

Не успели высохнуть чернила на этом документе, как знатные господа, недовольные уже всевластием Люиня, вновь взбунтовались. Они сгруппировались вокруг Марии Медичи, сделав ее своим знаменем. Однако города в мятежных провинциях остались верны королю, что вынудило королеву-мать пойти на мирные переговоры. Правда, едва лишь она заикнулась об интересах оппозиции, как король резко прервал ее и заявил, что желает помириться только с ней и ни с кем больше.

Мария согласилась, была вновь прощена и вернулась ко двору. Вместе с ней прибыл Ришелье, которого также простил король. Он усердно продолжал делать карьеру и после смерти Люиня в 1621 году с успехом заменил его. Постепенно он полностью подчинил своему влиянию короля и стал уже тяготиться продолжающейся связью с королевой-матерью. К тому же Ришелье влюбился в жену Людовика, из-за чего Медичи открыто устраивала ему истерические сцены ревности, а кардинал (к тому времени он уже получил кардинальскую шапку) просто зеленел от злости.

Не выдержав, Мария порвала все отношения с Ришелье, погрузившись в привычную для нее стихию интриг. Но если раньше она была молода и ей противостоял беззаботный и великодушный Генрих, то теперь ее противником оказался беспощадный и хитроумный Ришелье, умевший просчитывать все действия сразу на много ходов вперед.

В 1630 году Марии Медичи удалось вовлечь в очередной заговор жену короля, своего младшего сына, и она попыталась дать кардиналу решительный бой. К несчастью для нее, король поддержал своего первого министра, и вдова Генриха IV проиграла по всем статьям. Кардинал приказал арестовать ее и держать под домашним арестом.

В следующем, 1631 году Мария совершает побег и добирается до Брюсселя, откуда продолжает вести борьбу с Ришелье. В ней все еще бурлило уязвленное женское самолюбие: ведь он бросил ее, и она хотела во что бы то ни стало ему отомстить. Победить Ришелье было ей не под силу (да и не только ей), но королева долго не желала считать себя окончательно побежденной.

...Без сомнения, нелегко признаться, что выигрыш невозможен... Женщине довольно трудно понять и еще труднее принять такие истины...

В Брюсселе королеву никто не теснил, но там было скучно. В те годы этот город ничем не отличался от провинциальных центров Франции, и Мария начала тосковать по Парижу. Вездесущие агенты Ришелье, внимательно следившие за каждым ее шагом, известили своего господина об этих ностальгических настроениях. Ими не замедлил воспользоваться кардинал. Он передал королеве, что если она порвет с испанцами, на чьи деньги живет (36 тысяч ливров в месяц), ей разрешат вернуться.

Медици поначалу и слышать не хотела о столь гнусном предложении. Только через месяц, скрепя сердце, она согласилась отречься от своих союзников и кормильцев, причем — демонстративно, открыто. И она сделала это... Однако, Ришелье отказался пустить ее во Францию! Жестоким ударом ранил Марию в самое сердце. Долго она не могла оправиться от подобного вероломства бывшего любовника...

...Потом начались годы скитаний. Королева направилась в Англию, оттуда — в Германию. Везде ее встречали настороженно, старались держаться от нее подальше. Такую дурную славу она нажила, благодаря провокации кардинала.

Не лучше было у нее и с деньгами. Она держалась подачками, которые поступали к ней из разных мест, чаще из Флоренции. Ее звали на родину, но ехать в Италию она не пожелала.

Умерла Мария Медичи в Кельне, почти в бедности, одна, вдали от своего царствующего и богатого сына, короля Франции Людовика XIII, вдали от всех детей, которые узнав о ее смерти, вздохнули с облегчением.

Большинство читателей, уверены, будут утверждать, что королеву сгубили интриги. Авторы думают иначе: причина ее бед — любовь. С нее началась карьера Марии Медичи, она стала толчком для злодейства, мщением за нее она попыталась насладиться. Если бы она выиграла поединок с Ришелье, никто бы не вспомнил ее прошлые неудачи. Как известно, победителей не судят, проигравший же платит за все.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Нефертити	5
Аспасия	19
Клеопатра	39
Ливия	61
Мессалина	66
Агриппина Младшая	85
Поппея Сабина	102
Феодора	113
Феофано	140
Любовные розы и шипы эпохи Ренессанса	158
Лукреция Борджиа	162
Екатерина Медичи	179
Маргарита Валуа	211
Мария Медичи	231

Литературно-художественное издание

В. Романов, Ю. Лубченков

ЛЮБОВЬ И ВЛАСТЬ

Том I

Корректор Л. Рахманова

Технический редактор З. Сарвина

OCR - Давид Титиевский, август 2017 г., Хайфа

Подписано в печать 29.11.91 г. Формат 84×108^{1/32}. Бумага писчая. Гарнитура «Тип Таймс». Печать офсетная. Усл.-печат. л. 13,44. Тираж 200.000 экз. Заказ № 2556. Цена договорная.

Издательство «Полина»—232000, Вильнюс, пр-т Гедимино, 1.

Отпечатано в типографии изд-ва «Калининградская правда», 236000. г. Калининград, ул. Карла Маркса, 18.

Литературно-художественное издание

И. Рыманов, Ю. Лубченко

ЛЮБОВЬ И ПЛАСТЬ

Том I

Корректор Л. Радынова
Технический редактор З. Сарвина